

З.А.Абрамова, Г.В.Григорьева

Верхнепалеолитическое
поселение

ЮДИНОВО

Выпуск 3

Санкт-Петербург

1997

Российская Академия наук
Институт истории материальной культуры

З.А.Абрамова, Г.В.Григорьева

Верхнепалеолитическое поселение Юдиново

Выпуск 3

Санкт-Петербург

1997

Печатается при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда в рамках проекта
"Верхнепалеолитическое поселение Юдиново
(организация поселения и материальная культура)"
(95-06-17256)

Художник С.А.Макаров

Археологические изыскания
Выпуск 29
Тираж 200 экз.

ISBN 5-201-01177-2

ВВЕДЕНИЕ

Настоящий выпуск N 3 посвящен сравнительному анализу особенностей памятников палеолита приледниковой зоны Среднеднепровского бассейна на основе материалов поселения Юдиново. Он является непосредственным продолжением выпуска N 1, где даны общие сведения о стоянке и об остатках жилых сооружений из костей мамонта и прилегающей к ним яме-зольнике (Абрамова, 1995) и выпуска N 2, включающего описание, типологический и планиграфический анализ каменного и костяного инвентаря, дополненный функциональным анализом кремневых орудий с выявлением различных материалов, которые были подвергнуты обработке (Абрамова, Григорьева, Кристенсен, 1997).

Верхнепалеолитическое поселение Юдиново находится на юге Брянской области примерно в 450 км к юго-западу от Москвы. Оно расположено на мысу первой надпойменной террасы высотой 7-10 м правого берега р. Судости правого притока Десны. Поселение открыто в 1934 г. К.М.Поликарповичем, обнаружившим во время раскопок 1947 г. остатки двух жилищ из костей мамонта (Поликарпович, 1968). В 1960-х исследования стоянки были продолжены В.Д.Будько, в 1980-1990-х годах экспедицией Ленинградского отделения Института археологии АН СССР (с 1991 г. Институт истории материальной культуры РАН). В 1981-1983 г.г. открыты остатки еще двух жилищ из костей мамонта и мощного зольника, находящихся в непосредственной близости друг от друга. Последующее изучение этих объектов стало возможным, благодаря постройке над ними музейного павильона силами колхоза "Победа", на землях которого находится палеолитическая стоянка (председатель колхоза Герой Социалистического труда М.С.Баранок), под патронажем директора Краеведческого музея с.Юдинова заслуженного деятеля культуры Л.И.Гришина.

Настоящий выпуск состоит из трех разделов. В первом разделе "Жилища и поселения" (З.А.Абрамова) рассмотрены общие вопросы, касающиеся дефиниций: жилище, жилой комплекс, поселение; состояния источников, классификации жилищ. Значительное место в этом разделе занимает вопрос развития домостроительства на Русской равнине, основанном на костях мамонта, начиная от первых мустьерских жилищ на открытом воздухе. Особое внимание уделено характеристике жилищ аносовско-мезинского типа, по классификации А.Н.Рогачева, к которому принадлежат развалины четырех известных в настоящее время построек из Юдинова. Отражена роль костей мамонта в строительстве жилищ и преобладающая роль мамонта в составе охотничьей добычи и, следовательно, в экономике общества на фоне обнаруженных раскопками фаунистических остатков. Затронуты вопросы длительности существования поселений и социальной жизни их обитателей в эпоху позднеледниковья на берегах Десны-Днепра на основании исключительно археологических источников.

Во втором разделе "Сравнительный анализ кремневого инвентаря верхнепалеолитических стоянок бассейна Десны-Днепра" (З.А.Абрамова) рассмот-

рены главным образом материалы из поселений с жилищами аносовско-мезинского типа, исходя из особенностей юдиновской индустрии. Характерные черты обработанного кремня подтверждают выделение особой среднеднепровской культурной области (И.Г.Шовкопляс) и показывают существенные отличия с донскими памятниками (Костенки 2, Аносовка 2, слой 1а).

Третий раздел "Костяной инвентарь верхнепалеолитических стоянок бассейна Десны-Днепра" (Г.В.Григорьева) представляет общий обзор памятников в хронологической последовательности, начиная с таких ранних стоянок как Хотылево II и Пушкари, но основное внимание обращено на материалы из стоянок, аналогичных Юдинову, показаны черты их сходства-различия.

Во всех разделах рассмотрены вопросы культурной принадлежности поселения Юдиново, согласно различным данным, относящегося к мадленскому миру.

ЖИЛИЩА И ПОСЕЛЕНИЯ В ПАЛЕОЛИТЕ РУССКОЙ РАВНИНЫ.

Одним из наиболее существенных достижений советского палеолитоведения является открытие палеолитических жилищ и связанная с ними разработка проблем повседневной и социальной жизни. Буквально со времени открытия первых верхнепалеолитических стоянок на Русской равнине, начиная с 1873 г. (Гонцы на Украине) и 1879 г. (Костенки в России), исследователи были поражены огромными скоплениями костей мамонта, которые на сразу могли быть интерпретированы как остатки жилых конструкций. Толчком к такой интерпретации послужили события конца 20-х - начала 30-х годов XX века: открытие С.Н.Замятниным небольшого округлого жилища в Гагарине, признание В.А.Городцовым жилых структур в Тимоновке и особенно исследование П.П.Ефименко обширного жилого комплекса в Костенках 1, когда примененная им методика вскрытия стоянок на широких площадях показала свои преимущества над траншейным и кессонным методами. Трудом П.И.Борисковского, А.Н.Рогачева, К.М.Поликарповича, И.Г.Шовкопляса, И.Г. Пидопличко, В.Я.Сергина и многих других внесен значительный вклад в изучение и трактовку жилищ и поселений на Русской равнине. Именно переход от вещеведения к этим проблемам в большой мере обеспечил превращение палеолитоведения в раздел исторической науки (Рогачев, Аникович, 1984, с.163). Вытекающий из существования долговременных жилищ и поселений вывод об оседлом образе жизни, связанный со значением женщины - матери, позволил П.П.Ефименко и его ученикам и последователям приступить к разработке вопроса о сложной социальной структуре палеолитического общества.

ОБЩИЕ ЗАМЕЧАНИЯ.

Дефиниции. В своей работе мы применяем три понятия, идущие от простого к сложному: жилище, жилой комплекс, поселение. А.Леруа-Гуран справедливо заметил, что дефиниция "жилище" как "сконструированное пространство, в котором живут", одинаково хорошо применима к замку Версаль и к коре эвкалипта, поддерживаемой несколькими ветками у аборигенов Австралии (Leroi-Gourhan, 1984, p. 9). Рассмотрев хронологическую последовательность развития жилых конструкций, начиная с эпохи антропоидов, А.Леруа-Гуран подчеркнул, что использование костей и бивней мамонта в строительных целях, засвидетельствованное в палеолитических памятниках Украины и России, создавало истинные округлые "казематы" - подземные укрытия. Их устойчивость и высокое обеспечение безопасности делало их жилищами в собственном смысле слова" (там же, p. 13).

А.Н.Рогачев определяет остатки палеолитических жилищ на стоянках как "скопление культурных остатков, сгруппированных вокруг преднамеренно устроенного очага или группы очагов. На местах древнейших жилищ вместе с

линзой культурного слоя, обычно над ней и по ее окраинам, сохраняются остатки строительных материалов в виде камней, каменных плит, костей мамонта и крупных костей других животных. Люди древнекаменного века строили жилища типа полуземлянок и часто использовали землю для утепления их стен и кровли. Таким образом, после разрушения жилища культурный слой, заполнявший яму-основание дома, оказывался погребенным под развалинами, что и обеспечивало сохранность его и некоторой части строительного материала" (Рогачев, 1964, с. 5). В свете новых данных можно исключить из этого определения три момента: наличие очага не обязательно, поскольку у ряда бесспорных жилищ выраженный очаг отсутствует; насколько известно, на Русской равнине крупные кости других животных, кроме мамонта, в строительстве участия не принимали; далеко не все жилища являются полуземлянками, напротив большая часть их - наземные.

К.Скленарж принимает термин "жилая единица" для обозначения некоторого устройства, предназначенного для защиты обитаемого пространства и огораживания его частично или полностью. Жилая единица, т.е. главным образом жилая структура, является обычно комплексом, состоящим из определенного числа основных компонентов, взаимосвязанных функционально: ямки от столбов, земляной вал и т.п. (Sklenàr, 1975, p. 272). Это определение представляется наиболее генерализованным и точным.

Приемлем и термин жилой комплекс, которым К.Скленарж обозначает группу структур, включающую жилую единицу и другие основные компоненты поселения, свободно связанные с нею функционально (ямы-хранилища, очаги и т.д.). Примеры таких комплексов он видит в жилищах аносовско-мезинского типа, выделенного А.Н.Рогачевым. Понятие жилой комплекс иногда трактуется как хозяйственно-бытовой комплекс с жилищем, окруженным относящимся именно к нему ямами-хранилищами, очагами на открытом воздухе, рабочими площадками, где производилась первичная обработка сырья и/или изготовление орудий, как, например, в Добраничевке. Возможен и другой пример хозяйственно-бытового комплекса, как в верхнем слое Костенок I с замкнутым жилым пространством с очагами по длинной оси и окруженным полуземлянками и ямами-хранилищами.

Поселение, согласно К.Скленаржу, это определенная площадь на поверхности земли, занятая в определенный период некоторой группой людей. Термин поселение может быть подразделен или классифицирован, согласно различным критериям. Критерий социальной организации не находит соответствия в археологическом материале, особенно на уровне палеолитической и мезолитической эпох. Форма и размеры поселения при современном состоянии источников не могут быть определены. Мало надежды определить была ли площадь заселена одновременно или комплекс возник как результат повторного заселения, или, добавим от себя, постепенного прирастания жилищ. Критерий продолжительности жизни поселения также не может быть установлен (Sklenàr, 1975, p. 270). В другом месте К. Скленарж отмечает, что взаимная связь между жилыми единицами и жилыми комплексами различна. Она

образует базис поселения как высочайшей концепции в иерархии терминов, имеющих дело с долговременными стоянками. На современном уровне знаний нельзя пытаться на основании археологических источников рассматривать поселение с точки зрения социальной эволюции, единственно следует определить природу связей, которые приводят к термину поселение в интерпретации стоянки (Sklenář, 1976, p. 297).

А.Н.Рогачевым этот термин был конкретно определен для палеолита. "Остатками поселения мы называем группу одновременных жилищ, часто однотипных, с тождественными культурными остатками, залегающими в одном и том же геологическом слое и имеющих определенную систему планировки, не исключая взаимное перекрытие одних жилищ другими из-за длительности существования данного поселения" (Рогачев, 1964, с. 9). Повторив эту формулировку позже (Рогачев, 1970, с. 65) А.Н.Рогачев развивает ее в итоговой работе (Рогачев, Аникович, 1984, с. 189): "Остатками поселения в археологии принято называть группу одновременных жилищ, имеющих определенную систему планировки в сочетании с находками за их пределами, если нет сомнения в принадлежности их одному и тому же населению... Палеолитическое поселение представляет собой сложное явление, характеризующееся не только жилищами, но и различными другими сооружениями или же участками, отличающимися друг от друга по характеру культурных остатков, по особенностям их залегания в слое. Важной проблемой является сравнительная характеристика палеолитических поселений, рассматриваемых как единое целое. Эта проблема не решена, так как до сих пор полностью исследованных поселений почти не известно".

Таким образом, дефиниция, данная А.Н.Рогачевым, охватывает условия взаимосвязи между жилыми и другими, не жилыми единицами. Некоторые из этих условий являются очевидными (культурная и геологическая идентичность), если рассматривать поселение как феномен в целом, но они не могут помочь в определении абсолютной одновременности - вопрос, к которому мы еще вернемся.

Таким образом, в широком смысле слова поселение в палеолите - это ограниченный участок поверхности земли, занятый в определенный период группой людей, оставивших развалины жилищ и другие следы своей хозяйственно-бытовой деятельности: ямы для хранения запасов, склады костей, очаги, рабочие площадки и т.д. Поселения состоят из жилых комплексов, соединяющих собственно жилище и функционально связанные с ним компоненты; из отдельных жилищ и различных, не зависящих от них элементов культурного слоя.

Состояние источников. Нет нужды говорить о том, что от состояния источников зависит верность и правомочность выводов. Идеальным можно считать случай, когда, памятник раскопан и опубликован монографически одним исследователем: Костенки 1, слой 1, комплекс 1 (Ефименко, 1958); Костенки 4 (Рогачев, 1955), Межирич (Пидопличко, 1969, 1976), Молодова I, слой 4 (Черныш, 1982). Эти случаи редки и, даже если имеются все археоло-

гические данные, может не доставать материалов комплексного изучения памятника, особенно такого необходимого раздела как определение и подсчеты фаунистических остатков. Можно назвать удовлетворительным положение, когда раскопанный давно памятник подвергся новым, более квалифицированным исследованиям, и опубликован в полном объеме: Гагарино (Замятнин, 1935; Тарасов, 1979); Мезин (Шовкопляс, 1965), Костенки 2 (Борисковский, 1963). Хуже обстоит дело с памятниками раскопанными ранее и не имеющими доступной документации, поэтому публикуются только более поздние раскопки (Елисеевичи, Юдиново, Тимоновка 1). Бывают случаи, когда вслед за достаточно полно введенными в научный оборот прежними раскопками, почти не освещаются в печати результаты современных исследований (Авдеево). Особенно недопустимо положение для памятников, изученных сравнительно недавно, одним исследователем, но опубликованных лишь частично (Добраничевка, Хотылево 2).

Примеры недостатка источников можно умножить и за счет реального состояния самих памятников. Прежде всего, ни одно поселение, за исключением Радомышля, по независящим от исследователя причинам (современная застройка площади, отсутствие финансирования и т.п.) не вскрыто полностью и планировка не может быть точно установлена. Ряд поселений, главным образом раскопанных на первых порах, утратило многие детали. Часть поселений и жилищ, особенно залегающих на небольшой глубине, повреждены поздними хозяйственными ямами и перекопами. Природные явления, такие как мерзлотные деформации, также приводят к переотложенности и нарушению структур. Неполнота данных не позволяет сделать исчерпывающий сравнительный анализ, выводы часто остаются на уровне предположений или рабочих гипотез.

Вопрос одновременности жилищ, очень важный для установления целостности поселения, его планировки был специально затронут В.Я.Сергиным. В качестве отправной точки В.Я.Сергин привлекает гипотетическое положение, названное им очень важным фактом, почти полного отсутствия прироста населения в позднепалеолитических общинах. Он замечает, что "остатки жилищ одного поселения, как правило однотипны, что свидетельствует об их конструктивной близости и связанных с этим сходным сроком службы... Если период существования всего поселения превышал срок службы одного жилища, то в остатках поселения представлены постройки, сменявшие друг друга; в противоположном случае жилища были синхронными" (Сергин, 1974а, с. 5). Как правильно заметил К.Скленарж, это может быть истинным в теории, но фактически нельзя установить продолжительность жизни поселения, если мы не можем доказать, что оно было заселено без перерыва. Если нет точных доказательств, нельзя допустить с определенностью, что любое археологическое "поселение" (т.е. коллекция материальных остатков, собранная на данной площади в данном слое) фактически представляет единое поселение в смысле полной функциональной единицы во времени и в пространстве. По этим при-

чинам заключение В.Я.Сергина об одновременности жилищ в поселении не может быть принято (Sklenář, 1976, p. 297).

К.Скленарж допускает относительную одновременность, когда существует стратиграфическая согласованность (один и тот же слой); культурная согласованность (тождественность инвентаря, использованного сырья, методов обработки, состояние поверхности артефактов); экологическая согласованность (педологическая, палеонтологическая и т.д.). Относительную одновременность нельзя смешивать с абсолютной одновременностью: нужно доказать, что объекты существовали в одно и то же время и, возможно, дополняли функционально друг друга. Абсолютная одновременность не может быть определена ни на основании инвентаря, ни на основании различных современных методов датирования. Имеется только один путь и этот путь, по мнению К.Скленаржа, определение функциональных отношений. Это требует тщательных раскопок, достаточно ясной ситуации, сохранившейся на поселении, и достаточно широко раскопанной площади.

Заметим, что даже при исполнении этих условий, в частности на примере раскопок поселения Юдиново, у нас мало надежды установить безусловную последовательность постройки расположенных рядом, но абсолютно отдельных жилищ 3 и 4, хотя некоторые предположения могут быть сделаны.

Что касается функциональных связей, то они с большей или меньшей уверенностью могут быть установлены только для некоторых жилых комплексов. К.Скленарж незаметно переходит именно к одновременности жилых комплексов. Он говорит, что относительно одновременные компоненты, когда их рисуют на плане поселения, могут обнаружить степень абсолютной одновременности по их взаимному положению, но результат скорее возможный, чем определенный. Там, где обнаружена прямая связь, абсолютная одновременность становится значительно более ясной, например, очаг, связанный с зольной ямой в Добраничевке. Там, где прямой связи между компонентами нет, заключения следует извлекать из их относительного положения на плане. Размещение компонентов поселения, близких к одному жилищу и далеких от других жилищ, является определенным критерием, когда имеет согласованную ориентацию и возможное сходство функций. В качестве примера К.Скленарж приводит выделенный А.Н.Рогачевым аносовско-мезинский тип жилища: прочная наземная жилая структура окружена несколькими ямами, заполненными костями. Если жилище и ямы-хранилища принадлежат одному слою (К.Скленарж не считает это ясно доказанным), то можно согласиться, что это единый жилой комплекс: ямы-хранилища образуют концентрическую дугу с кольцевым ограждением, поэтому взаимосвязь ориентации ясна, но пространственная и функциональная связи могут только предполагаться. Заметим по этому поводу, что ямы в Мезине могли прекратить свое существование раньше того, как развалилось жилище, и что такое размещение жилища и ям находит полное соответствие в другом эпонимном памятнике - Аносовке 2. К.Скленарж считает выделенный А.Н.Рогачевым второй костенковско-авдеевский тип еще более сомнительным, но он прав лишь в том, что мы должны

рассматривать этот пример как жилой комплекс, а не как жилую единицу, т.е. длинное жилище с очагами по оси, с ямами-хранилищами и полуземлянками вокруг него. Хорошие примеры жилых комплексов известны из Добраничевки или Радомышля.

Классификация. В ряде работ, в частности, в фундаментальном труде К.Скленаржа, утверждается, что хронология при классификации жилых структур на современном уровне знаний не только в палеолите, но и вообще, не дает результатов. "Прослеживая эволюцию структур исторически мы можем показать, что фундаментально здесь нет хронологической последовательности типов, связанных с каким-либо периодом или ступенью цивилизации" (Sklenář, 1976, p. 252). Поэтому отправной точкой классификации типов жилищ, по К.Скленаржу, должна быть материальная и техническая характеристика самой структуры. Здесь также, однако, имеются различные пути выбора критериев. Прежде всего, неблагоприятно слишком доверяться структурам, возвышающимся над поверхностью, наша информация о них фрагментарна, часто трудна для интерпретации и при отсутствии позитивных сведений случайна. То же самое можно сказать и о классификации структур по их планам. Этот критерий ограничен для широкого применения тем, что только в немногих случаях можно быть уверенным, что известен точный план: дно может не соответствовать окружности перекрытия. Исключая случай, когда план абсолютно ясен, различие между округлой и овальной формой проблематично. В палеолите нет ни одного примера прямоугольного плана. Заметим в этой связи, что расположение костей в северо-западной части обкладки жилища I в Юдинове отнюдь не свидетельствует о прямоугольной форме постройки.

Единственный пригодный технический критерий, продолжает К.Скленарж, это связь структуры с поверхностью. Большая часть систем классификации тем или иным способом принимает во внимание эту характерную черту, иногда одну, иногда дополненную другими. Поскольку ни один из методов классификации не идеален, задача ее создания не является легкой. Идеально было бы найти фундаментальные характеристики, которые могли бы служить критериями классификации для системы: практическими в использовании, эффективными и охватывающими наибольшее разнообразие форм жилищ. В связи с этим, К.Скленарж предлагает фундаментальный критерий, более глубокий, чем чисто технические черты: т.е. плана, как "оболочки", и очага, как "ядра" жилища. На этом основании выделяется центральный тип (грубо говоря, округлый, с очагом в центре) и осевой тип (продолговатый, с двумя или более очагами по длинной оси). Необходимо заметить, что эти "фундаментальные критерии" учитывались советскими исследователями с первых шагов изучения палеолитических жилищ.

Классификация, предложенная далее К.Скленаржем, основана на допущении, что мы имеем вариации основного типа жилища, искусственно и намеренно построенного, начиная с наиболее примитивного типа 1 - ветрового заслона, который, на мой взгляд, не может быть по дефиниции, отнесен к жилищам. Тип 2 делится на: а) прочную наземную хижину, б) легкую назем-

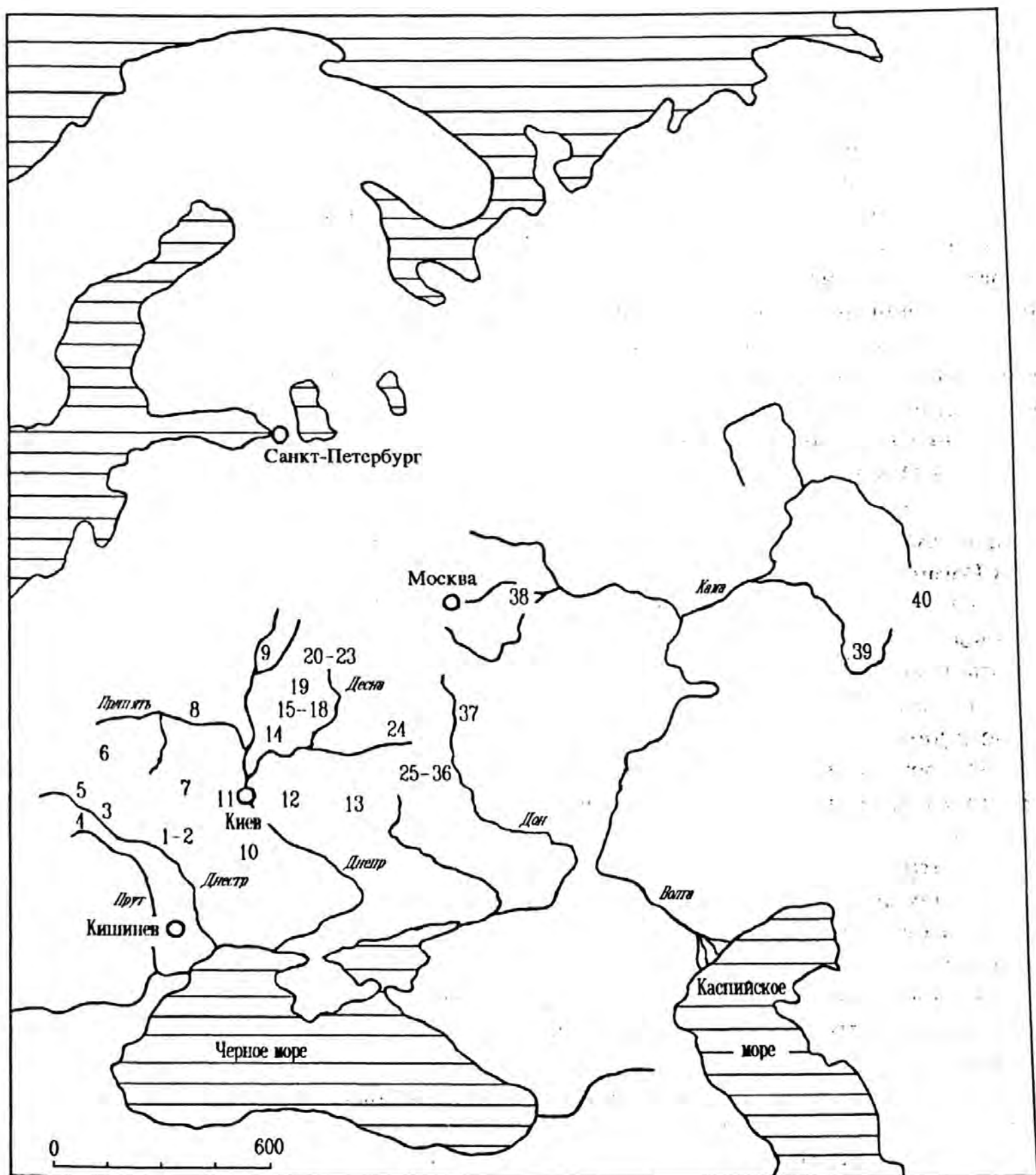

Рис. 1. Схема распространения верхнепалеолитических стоянок:
 1-2 Климауцы, Косоуцы; 3 - Молодова I; V; 4 - Вороновица I; 5 - Кетросы;
 6 - Липа; 7 - Радомышль; 8 - Юровичи; 9 - Бердыж; 10 - Межирич; 11 - Киево-Кирилловская; 12 - Добраничевка; 13 - Гонцы; 14 - Клюсы; 15 - Мезин; 16 - Чулатово I, II; 17 - Новгород-Северский; 18 - Пушкари I; 19 - Юдиново; 20 - Елисеевичи; 21 - Хотылево 2; 22 - Супонево; 23 - Тимоновка I и II; 24 - Авдеево; 25-36 - Костенки - Борщево; 37 - Гагарино; 38 - Сунгирь; 39 - Капова пещера; 40 - Игнатьевская пещера.

ную хижину, в) шатер, г) гипотетический "длинный дом". Представляется, что объединение столь разнородных жилищ в один тип, не оправдано никакими мотивами. Тип 3 включает полуподземное жилище, имевшее в отличие от вариантов типа 2 немногие или экологические, или экономические квалификационные черты. Почти любые достаточно крупные искусственные углубления, даже без следов структур, могут рассматриваться как признак в какой-то мере постоянного заселения. Если в углублении имеется очаг и культурный слой, то это может быть принято за признак обитания, который усиливается наличием других компонентов поселения. Тип 4 - подземные жилища, совершенно справедливо отнесен К.Скленаржем к гипотетическим, поскольку его выделение основано лишь на мерзлотных структурах Тимоновки 1.

В отличие от умозрительной в целом классификации К.Скленаржа типология палеолитических жилищ, предложенная А.Н.Рогачевым, опирается на реально существующие археологические источники и, хотя она касается только Русской равнины, может быть распространена и на достаточно редкие памятники Чехии, Словакии, Польши и Германии. Сначала А.Н.Рогачев показал различие между костенковско-авдеевским и аносовско-мезинским типом жилищ (1964). Наметки классификации были представлены и в других работах А.Н.Рогачева, но сформулированы окончательно в обобщающей работе по верхнему палеолиту Русской равнины (Рогачев, Аникович, 1984, с. 189). Выделены следующие характерные типы жилищ, частично смешанные с жилыми комплексами:

"1) аносовско-мезинский: округлое в плане наземное костно-земляное жилище с двумя-четырьмя окружающими его ямами-кладовыми;

2) костенковско-авдеевский: длинное наземное жилище с очагами в центре, окруженное небольшими землянками в сочетании с ямами-кладовыми;

3) александровско-пушкаревский: длинное наземное жилище с рядом очагов в центральной части;

4) александровско-тельманский: округлые углубленные в землю жилища с очагом в центре, сооруженные без заметного использования крупных костей в качестве конструктивных элементов;

5) аносовско-гмелинский: небольшие наземные округлые в плане жилища с очагом в центре, сооруженные опять также без использования крупных костей животных".

Авторы оговаривают, что данная типология имеет предварительный характер. В частности жилище Гагарина должно найти в ней свое место. Оставив в стороне жилища трех последних типов, как не имеющие отношения к нашему сюжету использования в структуре жилищ костей мамонта, попытаемся рассмотреть в грубо очерченных хронологических рамках определенные традиции домостроительства на Русской равнине в историческом развитии, начиная с мустье и затем согласно трем этапам верхнего палеолита: раннему, среднему и позднему. Расположение упомянутых в тексте палеолитических жилищ смотри на схеме (рис. 1).

ТРАДИЦИИ СТРОИТЕЛЬСТВА ЖИЛИЩ ИЗ КОСТЕЙ МАМОНТА.

Мустьерская эпоха.

Первые достоверные жилища открытого типа мустьерского времени в Восточной Европе были обнаружены А.П.Чернышом на приднестровских стоянках Молодова I (4 слой) и Молодова V (11 и 12 слои). Уголь кострищ слоя 11 Молодовой V, проанализированный по радиоуглеродному методу в разных лабораториях, оказался в одном случае древнее 40 300 (Gr N-4017), в другом случае древнее 45 600 (ЛГ-17) лет. Различные данные, извлеченные из молодовского разреза, указывают на климат более холодный, чем современный. Наиболее глубокий слой 12 предположительно соответствует брерупскому интерстадиалу; слой 11, по-видимому, относится к его концу. Мустьерские слои Молодовой I геологически одновозрастны этим слоям Молодовой V; радиоуглеродный анализ показал, что они древнее 44 000 (Gr N-3659) лет (Иванова, 1977, с.9-10). Среди фаунистических остатков резко преобладает мамонт, который употреблялся не только в пищу (разбитые черепа и другие кости), но и для строительства жилищ (черепа, бивни, крупные кости).

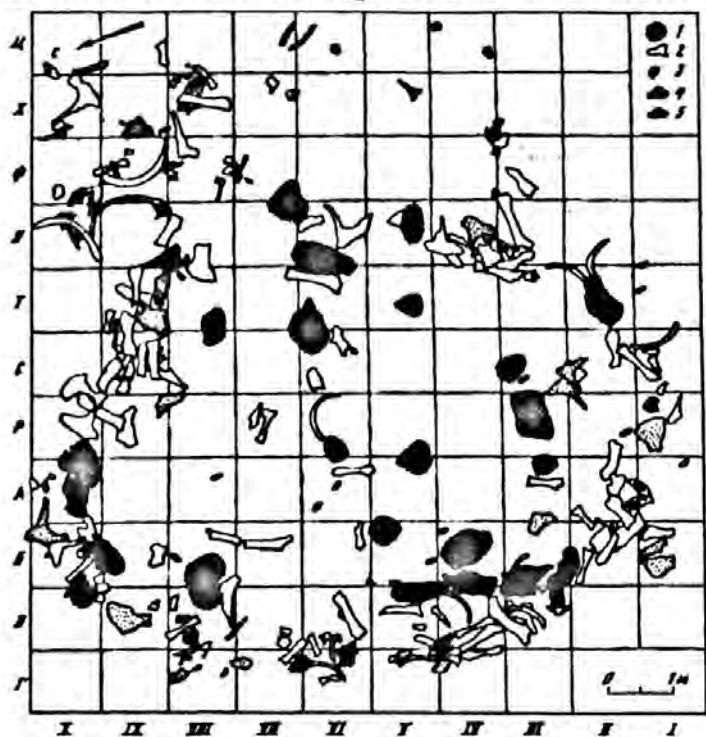
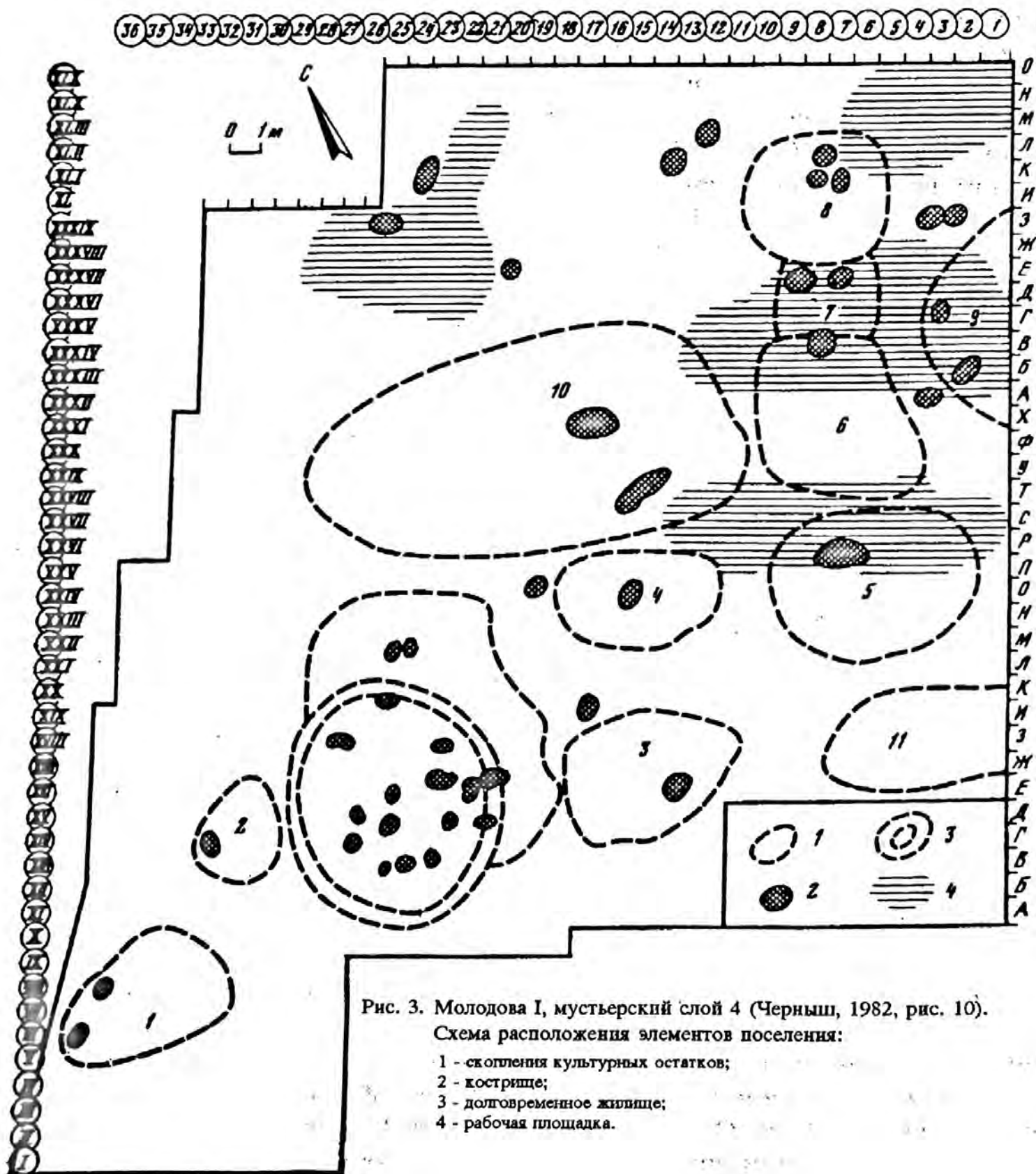

Рис. 2. Молодова I,
мустьерский слой 4
(Черныш, 1982, рис. 9):

- 1 - кострища,
- 2 - крупные кости животных,
- 3 - зубы мамонта,
- 4 - остатки черепов мамонта,
- 5 - лопатки и тазовые кости мамонта.

Особенно интересны остатки сооружения из слоя 4 Молодовой I, которое А.П.Черныш называет долговременным (рис. 2). Оно имело овальную форму с внешними размерами 10x7 м и кольцевое ограждение из крупных костей мамонта шириной от 0.6 до 1.6 м. Таким образом, внутренняя площадь равна 40 кв.м (8x5 м). Ограждение состояло из 12 разбитых черепов, 34 плоских костей: тазовых и лопаток, 51 кости конечностей, 14 бивней и 5 нижних челюстей. Кости лежали главным образом горизонтально, но в ряде случаев перекрывали друг друга. Местами в ограждении имелись перерывы. На внутренней площади расчищено 11 скоплений золы и костного угля. А.П.Черныш отмечает: "Искусственность сооружения овальной выкладки из крупных кос-

тей мамонта, определенная целесообразность в их расположении, специальная подборка наиболее крупных костей, присутствие огромного количества культурных остатков и серии кострищ внутри этой выкладки - все это приводит нас к выводу о наличии здесь остатков мустьерского жилища" (Черныш, 1982, с. 24).

На вскрытой площади расположились и другие более мелкие скопления округлой или овальной формы, трактуемые как следы более легких и кратковременных сооружений, по краям которых также уложены специально подо-

бренные кости мамонта (рис. 3). В целом, по характеру использования жилого пространства мустьерское поселение в слое 4 Молодовой I было достаточно сложным (Черныш, 1989). По находкам бивней (106) определено, что число особей мамонта должно быть не менее 53, хотя следует учитывать, что бивни недостаточно надежный материал для подсчета охотничьей добычи - их могли подобрать в окрестностях и принести на стоянку. Отмечается, что кости происходят, главным образом, от молодых животных. Помимо мамонтов фаунистические остатки принадлежат носорогу, зубру, лошади, лосю, северному оленю, зайцу, медведю, волку. Число их не указано, но, видимо, они были в значительно меньшем числе, чем мамонт.

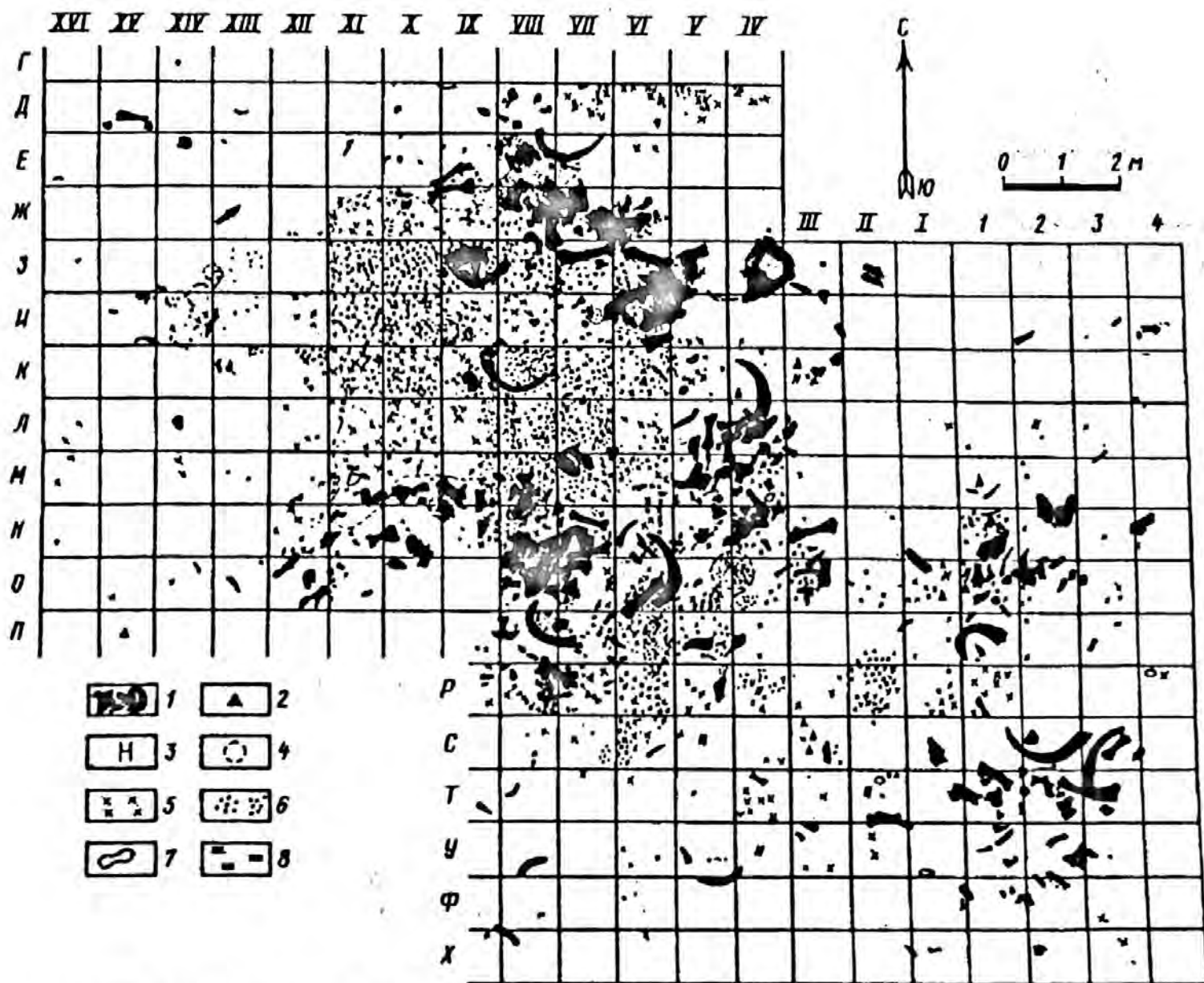

Рис. 4. Молодова V, мустьерский слой 11 (Черныш, 1987, рис. 8):
 1 - обломки костей, 2 - орудия, 3 - нуклеусы, 4 - кострища, 4 - кремьень,
 6 - уголь, 7 - терки, отбойники, 8 - раковины.

Аналогичные, но "несколько менее четкие" жилища открыты в мустьерских слоях стоянки Молодова V, расположенной в 1.2 км от Молодовой I (Черныш, 1987). В слое 12 отмечено "очень много" костей мамонта, в слое 11 они принадлежат не менее 5 особям, хотя Л.И.Алексеева подчеркивает обилие

остатков мамонта в этом слое (рис. 4). Длинные кости конечностей не расколоты, хотя эпифизы у многих разрушены. Это позволяет Л.И.Алексеевой высказать предположение, что для построек частично использовались кости давно умерших животных, собранных на поверхности. Представлены также отдельные кости носорога, лошади, зубра, северного и благородного оленей, медведя и крупной пещерной кошки. Общий состав фауны указывает на существование широких открытых ландшафтов. Обилие остатков копытного лемминга, обитающего в настоящее время в зоне тундры и лесотундры Евразии, может служить палеогеографическим показателем холодных условий во время существования слоя 11 (Алексеева, 1987), что подтверждает выводы И.К.Ивановой.

Нельзя не упомянуть также остатки жилого сооружения в мустьерской стоянке **Кетросы** на Среднем Днепре. Здесь обнаружено скопление крупных костей мамонта площадью 8 кв.м с неотчетливыми контурами, состоящее из четырех бивней, трех нижних челюстей, одной почти целой плечевой и нескольких крупных фрагментов трубчатых костей, а также обломков лопаток и тазовых. В переплетении бивней три сходятся в центре острыми концами, причем два сохранились вкопанными в землю, в полость одного из них вставлен обломок кости. Скопление бивней ограждено с юга полукругом из костей и камней и содержит в заполнении костный уголь. Все эти детали позволили трактовать скопление как остатки наземного жилища (Анисюткин, 1980, 1981). А.И.Давид свидетельствует, что в фаунистических остатках преобладают кости мамонта, в целом 238 костей от 10 особей, главным образом полу-взрослых и взрослых. Даже трубчатые кости с отставшими эпифизами принадлежат взрослому животному, т.к. у слонов, по сравнению с другими видами млекопитающих, срастание костей происходит в сравнительно позднем возрасте. Следует привести и другое замечание А.И.Давида: мамонт был одним из основных объектов охоты палеолитического человека в Европе. "Европейский мамонт был лесостепным, преимущественно травоядным видом, обитал в основном в долинах крупных рек, богатых полноценным кормом, где часто становился добычей палеолитических охотников. Он был хорошо адаптирован к сухому холоду и малоснежью" (Давид, 1981, с. 138). Роль мамонта в Кетросах особенно хорошо заметна по сравнению с другими видами: бизон - 81/5, лошадь - 64/4, носорог - 8/2, большерогий олень - 3/2, благородный олень - 6/1, медведь - 2/1 (здесь, как и в дальнейшем, в числителе указано количество костей, в знаменателе - количество особей).

Верхний палеолит.

Продолжим рассмотрение района **Приднестровья**, поскольку эта территория существенно отличалась в эпоху верхнего палеолита от центра Восточной Европы. Здесь роль мамонта меняется коренным образом. Все более и более заметное место начинает принадлежать северным оленям и крупным лошадям. Затем шерстистые носороги и мамонты, адаптированные к обитанию в

суровых условиях перигляциальной зоны, исчезают, усиливаются лесные виды. В частности, кости лося появляются в Молодове I так рано, как 3-й мустьерский слой. Изменяется и характер поселений. Скопления культурных остатков трактуется уже как следы недолговременных наземных построек типа шалашей. Так, в слое 7 Молодовой V, который отнесен к самому концу брянского интерстадиала с радиуглеродными датами $23\ 000 \pm 800$ (Мо-11) и $23\ 700 \pm 320$ (ГИН-10), при заметном похолодании климата "крупных костей животных, которые могли бы служить каркасом жилищ, встречено очень не много. Преобладали небольшие кости: обломки ребер, позвонки, челюсти различных животных, кости конечностей. Многие кости были раздроблены" (Черныш, 1987, с. 35). Основными видами охотничьей добычи стали северный олень (606/13) и лошадь (709/11). Мамонт занимает третью позицию (105/7). Интересно отметить наличие костей лося и песка (по одной особи).

В слое 6 Молодовой V, имеющем даты $16\ 750 \pm 250$ (ГИН-105) и $17\ 500 \pm 180$, открыто скопление овальной формы размерами 7x6 м с тремя кострищами. Центральная часть пола скопления углублена на 40 см ниже уровня древней дневной поверхности. Отмечено наличие многочисленных ямок, по-видимому, от столбов, поддерживающих перекрытие. В фауне преобладают северный олень (1050/16) и лошадь (100/8), хотя и мамонт не утрачивает значения (250/6). Лось представлен уже 70 костями от 3 особей. В слоях 5 и 4 соотношение фауны примерно сохраняется. В слое 3, имеющем дату $13\ 370 \pm 540$ (ГИН-9), обнаружено скопление культурных остатков размерами 5.3x3 м с центральным кострищем и ямками от столбов, которое А.П.Черныш (1987, с. 61) счел возможным отнести к постоянным жилищам. Характер фауны не меняется. В слое 2 с датами $11\ 900 \pm 238$ (ГИН-8) и $12\ 300 \pm 140$ (ГИН-56) находка двух костей мамонта от одной особи отмечается последний раз. Остатки северного оленя (370/20) составляют 60% всей фауны по количеству особей и 82% по количеству костей.

А.И.Давид (1980, с. 97) отмечает, что остатки мамонта найдены почти во всех исследованных верхнепалеолитических стоянках Приднестровья, но в небольшом количестве и главным образом в виде разрушенных зубов. Однако, наличие молочных зубов свидетельствует о размножении мамонта на месте. И.А.Борзияк упоминает, что редко встречаемые на стоянках остатки мамонта представлены обломками бивня (Bogziyak, 1993, p. 69). В частности, на многослойной стоянке Косоуцы в слое 6 отмечены два изделия из бивня мамонта (Борзияк, Давид, 1986, с. 137), а в слое 3, соответствующем по многим признакам слою 6 в Молодовой V сохранилось 8 предметов из бивня и ребро мамонта (Bogziac, 1990, p. 63).

Исключение составляет открытая в 1989 г. и опубликованная лишь предварительно двухслойная стоянка **Климауцы II**. В верхнем культурном слое расчищено овальное в плане скопление костей мамонта площадью около 60 кв.м. Очертания пятна расплывчатые, но анализ планиграфии позволил авторам увидеть в нем остатки жилища. К сожалению, план не опубликован и приходится верить на слово, что две группы бивней образовывали, видимо,

вместе с другими костями конструкцию входа. Близ них с обеих сторон располагались крупные берцовые кости мамонта с отверстиями. С южной стороны входа по внутреннему периметру на расстоянии около 35-40 см друг от друга были вкопаны альвеолами вниз не менее 7 черепов мамонта. Своды черепов разрушились, на месте остались лишь верхние челюсти с альвеолами. С северной стороны входа группа берцовых и локтевых костей мамонта лежали параллельно друг другу, образуя оградку. По внешнему периметру скопления также располагались группы крупных костей - бивней, бедренных и берцовых, лопаток, тазовых. Упоминаются и позвонки, но не ясно, изолированные или в анатомических связках. Внутри скопления костей значительно меньше, но здесь встречаются отдельные камни известняка и песчаника. В центре была вкопана бедренная кость мамонта, расчищенная в ямке диаметром 25 см и глубиной 30 см. Очаг не найден, лишь близ центральной ямки находилась небольшое пятно зольной массы (20x25 см), вокруг которого выложен ряд известняковых камней. Ссылаясь на то, что конструктивные особенности сооружения из Климауц II находят некоторые общие черты, с одной стороны, с жилищами из костей в Межириче, Добраничевке, Мезине, Костенках 11, слой 1а, хотя в Климауцах они более примитивны, а с другой стороны с мустьерскими жилищами, открытыми в Молодовой I, Кетросах, Рипичень-Извор, авторы приходят к выводу, что структура из Климауц II занимает "как бы промежуточное положение" между ними (Борзияк, Гольберт и др., 1992, с. 35). "Повидимому, можно говорить об открытии наиболее древнего и наиболее южного из позднепалеолитических поселений (с жилищами из костей мамонта) на территории Восточной Европы" (там же, с. 46). Если принять радиоуглеродную дату в 20 тыс.лет, полученную для этого памятника (Коваленко, 1993, с. 6), то очевидно, что мустьерские традиции домостроительства существовали в этом районе очень долго. Кости мамонта принадлежали не менее 20 особям.

В центральной зоне Русской равнины к редким памятникам ранней поры верхнего палеолита можно отнести, согласно И.Г.Шовкоплясу (1965б) **Радомышльскую стоянку**, хотя существуют и другие точки зрения. Стоянка находится в Житомирском Полесье - довольно низкой равнине к западу от Днепра с многочисленными реками, озерами и болотами. На одной из небольших холмообразных возвышенностей в бассейне р.Тетерев вскрыт культурный слой на площади около 600 кв.м на глубине 0.6-0.8 м от поверхности, в котором расчищено 6 скоплений костей мамонта, округлых или овальных в плане диаметром от 3 до 6 м (рис. 5). Наиболее крупные кости (череп, бивни, тазовые, кости конечностей) залегали по краю скоплений, образуя их внешние ограждения. Так, у одного скопления овальной формы размерами 3x5 м все кости лежали одним концом к центру скопления, другим выходили к краю. Череп при этом были повернуты книзу плоскими лобными костями. Более легкие плоские лопатки занимали внутренние части скоплений. Под костями расчищены многочисленные костные угли. По И.Г.Шовкоплясу, скопления костей являются остатками жилых структур, "аналогичных или очень близких" жилищам из Пушкарей I, Мезина, Гонцов, Добраничевки, Аносовки 2,

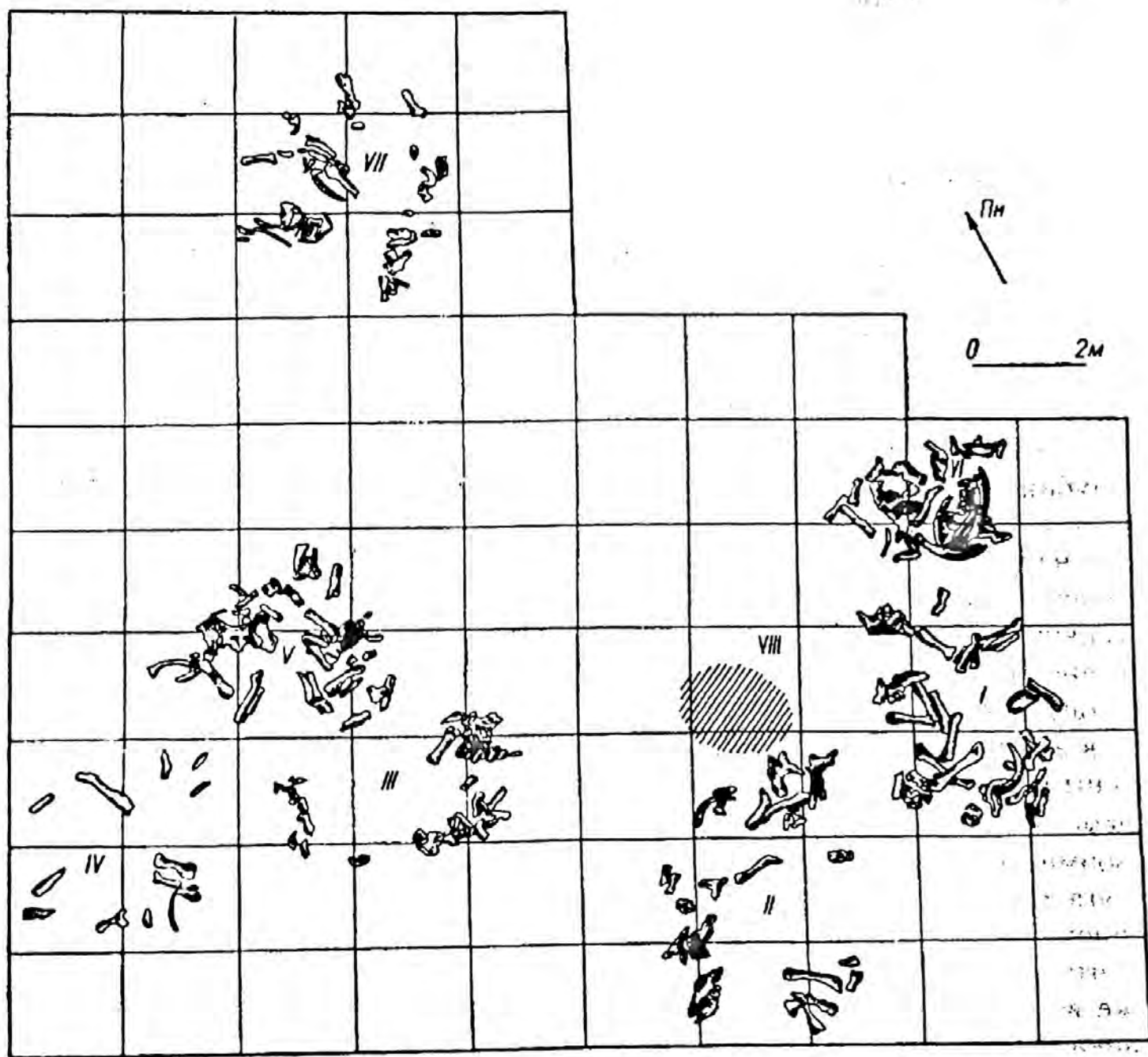

Рис. 5. Радомышль. План раскопа 1957-1959 г.г. (Шовкопляс, 1964, рис. 3):
 I-IV, VII - скопления костей мамонта на месте жилища,
 VI - яма-хранилище, VIII - место обработки кремня.

Мальты и Бурети (Шовкопляс, 1965б, с. 110-111). Помимо того, что остатки построек из Пушкарей I, Мальты и Бурети должны быть исключены из этого перечня, как совершенно разнотипные, скопления на Радомышльской стоянке отличаются от оставшихся тем, что они лишены основной черты - кости не вкопаны, а лежат на поверхности и представляют собой не цоколь, а лишь материал для придавливания перекрытий легких переносных жилищ.

Обнаружена также округлая в плане яма диаметром около 2 м и глубиной около 1 м, заполненная костями животных, часть которых носила следы резания кремневыми орудиями. В частности, один из крупных бивней имел глубокий надрез по всей длине.

Радомышльская стоянка - одна из немногих вскрытая полностью и в этом ее значение. Жилые постройки и яма-хранилище располагались близко по кругу и образовывали небольшое поселение. Внутренняя его часть - пространство между жилищами - служила местом, где вокруг очагов, происходила обработка кремня.

В целом, на площади стоянки собрано 995 костей от 47 особей мамонта, из них 16 молодых и полувзрослых. Кроме того, упоминаются единичные кости лошади, северного оленя и зубра (Пидопличко, Шовкопляс, 1961, с. 82). Для Радомышльской стоянки получена одна радиоуглеродная дата $19\ 000 \pm 300$ (ОхА-697), полученная по зубу мамонта из культурного слоя, поэтому относительный возраст памятника остается открытым.

Далее идет стоянка **Пушкарн I**, расположенная на правом берегу Десны в 20 км ниже Новгород-Северска и в 45 км выше Мезина. В культурном слое на глубине менее 1 м под брянской погребенной почвой П.И.Борисковский вскрыл в 1937-1939 г.г. скопление культурных остатков удлиненных, вытянутых в направлении северо-запад - юго-восток очертаний площадью 12x4.5 м. Скопление достигало 40 см толщины и заполняло западину глубиной 20-30 см от уровня древней дневной поверхности. По краям западины в четырех местах в ее дно были вкопаны верхние челюсти мамонта в одинаковом положении: альвеолы уходили в дно западины, а жевательные поверхности зубов находились в вертикальной плоскости и были обращены наружу. В скоплении обнаружены и другие верхние челюсти, а также нижняя челюсть, бивни, лопатки и тазовые, кости конечностей. Последние лежали наклонно под углом около 45° и своими концами, примыкающими к краю западины, уходили в ее дно. На дне углубления после снятия костей расчищены 3 очага, расположенные по длинной оси. В центр первого очага вертикально воткнута обожженная кость мамонта, во втором очаге в двух местах по краям центрального углубления также вертикально стояли обрезанная крупная трубчатая кость мамонта и обрезанная часть бивня, а в центре - ребро мамонта. Третий очаг содержал несколько костей мамонта, в том числе одну полуобгорелую. Выявлено также 50 ямок малых размеров и малой глубины, расширяющихся книзу и заполненных культурными остатками. Над очагами группировались скопления бивней, между очагами их почти не было. Многие из них были обращены острыми концами к центру, а толстыми - в разные стороны наружу. Западина и скопление костей ее заполняющих с полным основанием было трактовано П.И.Борисковским как остатки большого постоянного, слегка углубленного в землю трехочажного жилища (Борисковский, 1953, с. 198).

В составе фауны отмечено не менее 65 особей мамонта, только бивней было 150 бивней, не считая мелких обломков. Остальные кости представлены в значительно меньшей степени. П.И.Борисковский замечает, что кости мамонта связаны, главным образом, с конструкцией жилища и не отражают в точности состав и пропорцию животных, на которых охотился человек. Упоминаются кости лошади (3 особи), северного оленя (1 особь), благородного оленя (1 особь, представленная обломками рога). Из хищников больше всего

волка (5 особей, причем на дне западины располагались группы костей в анатомической связи: из 5 позвонков, а также лапы), затем идут песец (4 особи) и медведь (1 особь, от которой сохранилось только 2 зуба). Из грызунов отмечены копытный лемминг и узкочерепная полевка (по 1 особи). По стратиграфическому положению Пушкари I относится к началу послебрянского времени, периоду, который характеризовался достаточно холодными континентальными условиями. Имеются три радиоуглеродные даты: по обожженной кости из культурного слоя: $16\ 775 \pm 605$ (QC-899), $19\ 010 \pm 220$ (AA-1389) и $21\ 000 \pm 400$ (KYN-3382), полученные недавно и неизвестные П.И.Борисковскому, когда он писал, что "Пушкари I предположительно можно датировать относительно ранней порой позднего палеолита, временем, более поздним, чем Радомышль, но более древним, чем Мезин, Тимоновка, Чулатово II" (Борисковский и др., 1981, с. 97). Не исключено, что стоянка действительно одновременна поселениям костенковско-авдеевской культуры, характеризующей среднюю пору верхнего палеолита.

Из стоянок этой культуры особое значение по всем параметрам имеет **Костенки I**, расположенная на левобережном приустьевом мысу Покровского лога - первая стоянка, с которой началось изучение палеолита в Костенковско-Борщевском районе на Дону. В верхнем культурном слое открыты два обширные жилые комплекса: первый, раскопанный полностью П.П.Ефименко в 1931-1936 г.г.; второй, обнаруженный А.Н.Рогачевым в 1951 г. и исследованный А.Н.Рогачевым и Н.Д.Прасловым, еще не закончен.

Первый комплекс представляет собой овальное в плане скопление культурных остатков длиной 36 м и шириной 14-15 м, ориентированное в направлении юго-восток - северо-запад (Ефименко, 1958). По краям скопления, ограничивая его, находятся 4 полуземлянки и 12 ям-кладовых: сложные конструкции с перекрытиями, сооруженными с применением крупных костей мамонта. Полуземлянки одно- или двухкамерные, глубиной около 1 м от древней дневной поверхности, как правило, с пологим спуском, обращенным к центру жилого комплекса. Плоские кости (лопатки и тазовые) и черепа сосредоточены обычно у входа в полуземлянку; бивни концентрируются в ее центральной части, образуя, по всей вероятности, куполообразное перекрытие. Очаги на дне полуземлянок встречались в исключительных случаях, но обычно большая часть пола покрыта слоем костного угля. Культурный слой в пределах овала, образованного полуземлянками и ямами-кладовыми, имеет разную окраску и насыщенность различными остатками. По длинной оси расположена линия из 9 очагов - лункообразных углублений, заполненных углисто-зольной массой. Ряд исследователей и, прежде всего, П.П.Ефименко рассматривают первый комплекс как остатки одного жилища, аналогичного в известной мере жилищам Костенок 4 и Пушкарей I на основании порядка в расположении очагов, четкой локализации культурного слоя, правильности очертаний и выдержанности пропорций жилого пространства. Другие специалисты значительно сужают границы комплекса, продолжая называть его жилищем.

Второй жилой комплекс находится в непосредственной близости к юго-западу от первого. Он вскрыт не полностью, но уже сейчас можно сказать, что по общей системе планировки он подобен первому, хотя прослеживается и ряд отличий (Рогачев, Праслов и др., 1982). Прежде всего, это большее количество полуземлянок. Четко прослеживается взаимосвязь: полуземлянка - яма-кладовая; достоверно установлено превращение ямы-кладовой во вторую камеру полуземлянки (Рогачев и др., 1979). Последняя - полуземлянка А по заполнению, размерам и планировке в общем сходна с полуземлянкой А первого комплекса. Она состоит из двух секций и четко выраженного отдельного углубления на месте пологого спуска в жилище. Как и у большинства полуземлянок, у входа на уровне древней поверхности поселения выступали плоские кости мамонта. Установлено, что дальняя камера была первоначально ямой-хранилищем, впоследствии соединенной с полуземлянкой в одно сооружение. Вскрыт и более сложный жилой объект: 2 жилые полуземлянки, обращенные входами к центру площадки. Между их входными камерами была вырыта еще одна, соединенная внутренним переходом с обеими полуземлянками. По характеру находок можно судить, что эта средняя камера служила косторезной мастерской - первое свидетельство специализированного производства на палеолитическом поселении древнее 20 тыс.лет (Праслов, Рогачев, 1983). По центральной линии площадки идут очаги, местами размытые. На полу расчищено множество ямок-хранилищ и местами крупные кости мамонта, часть которых вертикально вкопана в землю.

Костенки 1 относятся к кругу памятников виллендорфско-костенковско-го культурного единства (Г.П.Григорьев, В.И.Беляева) или костенковско-виллендорфской культуры (Л.М.Тарасов, М.В.Аникович). Наиболее близкой к ней является Авдеевская стоянка, поэтому чаще всего говорят о костенковско-авдеевской археологической культуре. Что касается абсолютной датировки, то в настоящее время общепризнана ошибочность даты $14\ 020 \pm 60$ (ГИН-86), полученная по обугленной кости в те времена, когда радиуглеродное датирование в СССР делало свои первые шаги. Серия дат, полученных Л.Д.Сулержицким по костному углю от $24\ 100 \pm 500$ (ГИН-2529) до $21\ 300 \pm 400$ (ГИН-2534), с большинством дат в интервале 22-23 тыс.лет, согласуется с представлениями о возрасте верхнего слоя Костенок 1 в свете аналогий ее культуры с соответствующими памятниками Центральной Европы. Сходная серия дат получена и в лаборатории ИИМК по разным материалам, среди которых есть даты в пределах 19-18 тыс.лет назад. Следует упомянуть также две даты из Лаборатории Аризонского Университета: $20\ 855 \pm 260$ (АА-4799) и $20\ 315 \pm 200$ (АА-4800).

Точное количество костей мамонта не подсчитано, предполагается, что число особей превышает 100. Из других видов отмечены волк, заяц, песец, лошадь, россомаха и другие также в очень заниженных показателях.

Авдеево на правом берегу р.Сейм в 40 км к западу от г.Курска также имеет два жилых комплекса, исследованных в разные годы: первый в 1946-1948 г.г. М.В.Воеводским и М.Д.Гвоздовер, в 1949 г. А.Н.Рогачевым, второй в 30 м к востоку от первого, с 1972 г. М.Д.Гвоздовер и Г.П.Григорьевым еще не

закончен. Оба комплекса представляют собой обширные жилые площадки с линией очагов по центральной оси и полуземлянками и ямами по периферии, т.е. сходны с комплексами верхнего слоя Костенок 1, сохранившимися лучше, поскольку культурный слой Авдеево поврежден последующим воздействием природных агентов. Палинологические анализы указывают на условия перигляциальной степи и сурового климата. Обычная мощность культурного слоя 20-30 см, в ямах и западинах она увеличивается до 50-60 см, что свидетельствует о долговременности поселения. Фаунистические остатки из Авдеева достаточно полно определены Э.А.Вангенгейм. В первом комплексе присутствуют: мамонт - 551/86, носорог - 45/3, северный олень - 22/2, песец - 489/36, заяц - 15/5, волк - 283/12, лисица - 3/1, медведь бурый - 21/3, лошадь - 14/3, бык - 4/1, сайга - 2/1, росомаха - 4/2, куница - 1/1, байбак - 367/27 (Гвоздовер, Григорьев, 1977, с. 51). Во втором комплексе (раскопки 1972-1980 г.г.) встречено много костей и особей мамонта, количество не указано, но упоминаются остатки 4 ранних эмбрионов и 2 полугодовалых особей. Кроме того представлены: носорог - 9/1, северный олень - 6/3 (одна особь очень старая), песец - 2586/62, заяц - 6/1, волк - 1429/25, медведь - 13/2 (одна особь очень крупная), лошадь - 20/3, бизон - 6/1, росомаха - 263/32, байбак - 314/28. Особо отмечено, что среди костей песца, волка и росомахи молодых особей нет. Большой интерес имеют найденные здесь впервые остатки пещерного льва - 81/3, исключительно в виде костей черепа и стоп (Величко, Гвоздовер и др., 1981, с. 53, табл. 2). Фауна в целом характеризует перигляциальные условия. Что касается сезона охоты, то полугодовалые мамонты не могли быть убиты весной, а наличие в фауне только взрослых особей хищников свидетельствуют об осенне-зимнем сезоне охоты.

Вопрос о возрасте стоянки не считается решенным, хотя не должно быть колебаний в исключении полученной давно даты 13 900±200 (ИГАН-78) по зубу мамонта. Соответственными могут быть приняты даты по костному углю из очажных ям: очаг 2 - 22 700±700 (ГИН-1571), очаг 6 - 22 400±500 (ГИН-1969) и 22 200±700 (ГИН-1970).

К кругу костенковско-авдеевской культуры отнесена с некоторыми оговорками стоянка **Хотылево 2**, открытая и изученная Ф.М.Заверняевым. Стоянка расположена на правом берегу Десны в 18 км к северо-западу от г.Брянска, на высоте 17 м над урезом реки, в краевой части водораздельного плато. Остатки поселения включают два крупных зольника, отдельные скопления костных остатков, округлые ямки, углубленные и наземные очаги. Одна из зольных площадок размерами 7.5x5 м была окружена небольшими скоплениями вертикально стоящих костей и скоплениями расщепленного кремня. В центральной части площадки находилась яма округлой формы диаметром почти 1.5 м, заполненная осколками преимущественно трубчатых костей мамонта. Сверху лежал бивень, а на дне - три крупные нижние челюсти мамонта (с западной стороны ямы стояло два черепа, вкопанных альвеолами в землю. от этих черепов, как замечает автор, сохранились только зубы и отдельные более прочные части (Заверняев, 1970, с. 44-45). В другом месте говорится, что в

центральной части площадки (неизвестно той же или нет) находилась очажная яма почти квадратной формы, а с юга предочажная яма, заполненная костями. Предполагается, что площадка представляет "наземное жилище округлой формы зимнего типа" (Величко, Заверняев и др., 1981, с. 63). Как бы там ни было, жилое пространство заметно отличается от структур в родственниках по культуре памятниках.

Фаунистические остатки, по определению В.П.Ударцева, содержат следующие виды (указано только количество костей): мамонт - 600, носорог - 2, бизон - 1, песец - 89, волк - 8, россомаха - 2, медведь - 1, заяц-беляк - 1 и множество грызунов, среди которых А.К.Маркова отмечает обского и копытного лемминга и узкочерепную полевку. Фауна свидетельствует о существовании в период обитания человека открытых ландшафтов с небольшим участием лесной растительности по пойме реки, т.е. перигляциальных лесотундр. Для стоянки известны две радиоуглеродные даты по кости: 23 660±270 (ЛУ-359) и 24 960±400 (ИГАН-73).

Стоянка Гагарино, принадлежащая также к костенковско-авдеевской культуре, возможно, более позднему ее этапу, находится на левом берегу Дона в 5 км выше впадения в него р.Сосны. Открытое впервые долговременное жилище вскрывалось по частям. Оно было прорезано посередине хозяйственной глинокопной ямой, по обе стороны которой С.Н.Замятнин вскрыл линзу культурных остатков диаметром 4.5-5.5 м мощностью до 0.6 м, огражденную крупными плитами девонского известняка, в ряде мест сохраняющими вертикальное положение, а также отдельными крупными костями мамонта (Замятнин, 1935). При исследовании жилища Л.М.Тарасову удалось установить наличие двух больших ям, примыкающих к северной стороне жилища. Они разных размеров, но близки по конструкции: состоят из двух смежных камер, вытянутых в сторону от жилого углубления. Более крупная восточная яма имеет на дне культурный слой, а выше его череп, зубы, обломки бивней, ребра мамонта и 2 известняковые плиты. По мнению Л.М.Тарасова, эта яма сходна с краевыми полуземлянками Авдеева (Тарасов, 1979, с. 56). В целом, кости мамонта мало использовались в качестве строительного материала, упоминается несколько черепов и бивней. Исходя из наличия около 20 только целых бивней, С.Н.Замятнин насчитывал 7-8 особей мамонта, Л.М.Тарасов полагает, что часть бивней была, возможно, собрана и принесена на стоянку. В общей сложности отмечено 108 определимых костей мамонта, кроме того наличие костного угля свидетельствует об употреблении костей в качестве топлива. Из других животных наибольшее число костей и особей принадлежит песцу - 656/24 по плечевым костям и 1007/12 по пяточным костям из старых и новых раскопок соответственно (Тарасов, 1979, с. 32-33, табл. 3).

Радиоуглеродные датировки по зубам мамонта из культурного слоя дают значительный разброс: 17 930±100 (ЛЕ-1432А), 20 150±300 (ЛЕ-1432Б), 20 620±300 (ЛЕ-1432В), 30 000±1900 (ИГАН-83). Наиболее достоверной представляется дата 21 800±300 (ГИН-1872) по костному углю.

Следует упомянуть еще две стоянки - Бердыж и Юровичи, представляющие интерес для нашей темы. В.Д.Будько (1964) опубликовал статью о двух жилищах, якобы открытых в Бердыже во время раскопок С.Н.Замятнина в 1927 г. и К.М.Поликарповича в 1938-1939 г.г. Однако, обращение к первоисточникам вызывает определенные сомнения в наличии непо потревоженных остатков жилых сооружений. Стоянка находится на склоне балки, выходящей к р.Сож, выполненной склоновыми ритмично-слоистыми песчано-алевритовыми отложениями и залегающими на них без заметного перерыва песками, которые подверглись сильным мерзлотным нарушениям (Цапенко и др., 1961, с. 73). Культурный слой, вскрытый в 1927 г., имеет сильное падение. С.Н.Замятнин отмечал, что кости лежали беспорядочно на небольшой площади, несмотря на значительный склон, видимо, находились *in situ*, нередко лежат одна над другой, что указывает на намеренное нагромождение костей человеком. Подобной картины не могло бы сложиться, если бы кости были передвинуты по склону (Замятнин, 1930, с. 481-482). Однако, как видно из приведенной С.Н.Замятниным фотографии (там же, рис. 2, 3), на таком крутом склоне невероятно размещение жилища и вполне допустимо налегание одна на другую сползающих костей. Позже К.М.Поликарпович в своей итоговой работе, характеризуя раскопки 1927-1929 г.г., упомянул, что "Бросается в глаза характерная хаотичность в расположении костей на поселении" (Поликарпович, 1968, с. 26).

В 1938-1939 К.М.Поликарпович вскрыл крупную яму длиной 9-10 м, шириной 3-4 м и глубиной до 3 м, сверху донизу заполненную серовато-зеленым суглинком с прослойками песка и костями. По свидетельству К.М.Поликарповича, если вначале представлялось, что это могла быть жилая яма - землянка, то при углублении она сужалась и превратилась у западной стенки раскопа в узкую трещину шириной 20 см при глубине 2.35 м (Полікарповіч, 1947, с. 56). К.М.Поликарпович пришел к выводу о том, что здесь представлена промоина, куда множество костей мамонта и других животных были сброшены людьми или снесены водой.

При продолжении раскопок Бердыжа в 1969 г. отмечено, что культурный слой, вскрытый к западу от раскопа 1939 г., значительно переотложен, а к югу в шурфах на большой глубине обнаружен мощный культурный слой, содержащий остатки конструкций в виде основания стены из костей мамонта (Будько и др., 1970). В 1970 г. в раскопе, заложенном к северу от раскопа 1929 г., что не соответствует сводному плану, составленному Е.Г.Калечиц (1984, рис. 22), мощный культурный слой содержал остатки сооружения из крупных костей мамонта, лопаток и тазовых костей, врытых в слой стерильной супеси, черепов и нижних челюстей, расположенных по овальной контуру. Встречены также элементы конструкции из двух и более трубчатых костей, поставленных вертикально или залегавших горизонтально одна на другой (Будько и др., 1971).

В.Д.Будько описывает также три ямы-хранилища, расположенные в непосредственной близости от "жилищ" 1927 и 1938 г.г., характерные, по его

словам, для памятников костенковско-авдеевской культуры (Будько, 1964, с. 33-34). сами же жилища, по его мнению, находят близкие аналогии в Пушкарях I, но резко отличаются от аналогичных [так! - З.А.] сооружений в Костенках I и Авдеево. Это обстоятельство почему-то объясняется "близостью Бердыжа к краевым моренам валдайского ледника, суровым климатом приледниковой зоны" (Будько, Вознячук, 1969, с. 9). Раскопки 1970 г. позволили сделать вывод о значительной близости жилищ и других сооружений Бердыжа к аносовско-мезинскому типу жилищ (Будько и др., 1971, с. 303). В этом определении существует явное противоречие между отнесением памятника по инвентарю к костенковско-авдеевской культуре, с чем согласны все исследователи, и типом жилища.

Ситуация проясняется работами Е.Г.Калечиц. Ее раскопки 1971 г. выявили единство слоя на всей площади, идентичность вмещающих слой отложений и несомненную переотложенность культурных остатков (Калечиц, 1984, с. 74). Можно согласиться с Е.Г.Калечиц, что реконструкции В.Д.Будько хозяйственно-бытовых объектов Бердыжа так же ошибочны, как и сделанные В.А.Городцовым для Тимоновки I. Человек не мог обитать здесь после окончания солифлюкционных процессов. Значительные скопления костей мамонта определенным образом свидетельствуют о наличии здесь жилых построек. "Но существовали они, бесспорно, до развития солифлюкционных процессов, а сама стоянка размещалась выше по склону, т.е. южнее. Последующая деструкция слоев, к сожалению, оставила нам лишь деформированные остатки поселения" (там же, с. 90).

Фауна из раскопок С.Н.Замятнина была детально изучена В.И.Громым (Громау, 1930). Особенно подробно подсчитаны и описаны кости мамонта. Заслуживает внимания, что из 16 особей мамонта только 2 принадлежат взрослым животным, остальные молодым, в том числе, по-видимому, одному эмбриону. Согласно итоговым данным Е.Г.Калечиц, абсолютное большинство костей принадлежит мамонту - 1795 от примерно 50 особей. Однако, в приведенном ею списке костей мамонта упомянуто 112 нижних челюстей. Отмечено, что за исключением крупных костей, остатки сильно фрагментированы, раздроблены (Калечиц, 1984, с. 98).

Для Бердыжа получена радиоуглеродная дата $23\ 430 \pm 180$ (ЛУ-104), т.е. не только близкая, но и одна из наиболее древних для костенковско-авдеевской культуры.

Вопрос о датировке и культуре Юровичей еще более сложен. Стоянка на левом берегу р.Припять также расположена на склоне древней балки. Открывший и исследовавший ее в 1929 и 1931 г.г. К.М.Поликарпович говорит об отсутствии культурного слоя в истинном значении этого слова, хотя кости мамонта многочисленны и некоторые части скелета находились в анатомической связи (Паликарповіч, 1930, с. 500; Поликарпович, 1934, с. 78). Среди редких кремней отмечены острия типа граветт. В.И.Громов определил кости от не менее 10 особей мамонта и 1 особи лошади. На костях не замечено следов человеческой деятельности, но это может объясняться их плохой сохран-

ностью (Громов, 1948, с. 165-167). В.Д.Будько, копавший стоянку в 1959-1960 г.г., упоминает о наличии двух культурных горизонтов, причем в разрушенном верхнем горизонте сохранились остатки "своеобразного жилого комплекса, где кроме костей мамонта в качестве строительного материала широко применялись крупные камни и плиты валунного происхождения" (Будько, 1967, с. 31). Кости мамонта из раскопа В.Д.Будько 1959 г. от 6 особей были изучены В.В.Щегловой. Сохранность их различна: в восточной половине раскопа сильно раздробленные кости конечностей, отдельные зубы и череп находились среди крупных валунов, в западной части разбитые кости почти отсутствовали. Здесь целые кости - череп, ребра, несколько костей конечностей явно от одной особи, но с частично нарушенной анатомической связью, залежали в аллювии, что может указывать на их переотложенность (Щеглова, 1961). Это заключение было подтверждено раскопками В.П.Ксензова в 1976 г., установившими, что в Юровичах лишь один горизонт с переотложенными остатками (Ксензов и др., 1977). В западной и центральной частях раскопа расчищены череп молодой особи, тазовые, плечевая и локтевая кости, бивень, ребра, позвонки и другие кости мамонта и несколько кремней. Кости часто налегали одна на другую, иногда отделенные тонкими прослойками разнозернистого песка, некоторые разломаны на части. Эти данные, как и значительный склон участка, позволяют предположить, что культурные остатки могли быть смещены с более высокого пункта. Другой раскопанный участок оказался дном древнего оврага, где в беспорядке лежали различные кости мамонта плохой сохранности. Некоторые из них находились частично или полностью под валунами как в горизонтальном, так и вертикальном положении. В.П.Ксензов отмечает, что по непонятным причинам этот уровень залегания оказался у В.Д.Будько верхним горизонтом. "Грубообломочный валунный материал, возникший после размывания морены, вероятно, ошибочно был принят исследователем за остатки искусственной выкладки, служившей, по его мнению, основанием для жилищ" (Ксензов, 1988, с. 26-27).

Е.Г.Калечиц также признает однослойность памятника и относит его к начальным этапам роста ледника двинской (поздневалдайской) стадии, что, по ее мнению, подтверждается радиоуглеродной датой $26\ 470 \pm 420$ (ЛУ-125) по зубу мамонта.

Особое место занимает стоянка **Елисеевичи**, расположенная на II-ой надпойменной террасе правого берега р.Судость. Несмотря на длительное и интенсивное исследование, она остается одним из самых загадочных памятников верхнего палеолита Поднепровья. Самой досадной является утрата плана первого года раскопок К.М.Поликарповича (1935 г.), когда было обнаружено так называемое "чурингохранилище": на пространстве в 20 кв.м залегало множество костей мамонта, в том числе 27 черепов. Особый интерес представляет скопление костей в северо-восточной части раскопа длиной около 1.5 м и шириной около 0.75 м, как бы окруженное черепами, поставленными на разных расстояниях от него, большей частью альвеолами вниз. Среди черепов находилось более 30 бивней (преимущественно дистальных концов) молодых

мамонтов. На некоторые бивни нанесена резьба. Кроме того, обнаружено свыше 10 крупных овальных пластин из бивня мамонта, покрытых геометрическим орнаментом, и ниже, в юго-западной части скопления, статуэтка женщины также из бивня (Поликарпович, 1940а, с. 83-84). В.Д.Будько видел в этом скоплении остатки жилища (1965, с. 707; 1966, с. 9), что было поддержано и развито В.Я.Сергиным, пытавшимся с помощью полевого отчета К.М.Поликарповича и сохранившихся фотографий восстановить картину размещения черепов и других костей. Одним из его аргументов служит общее заключение, что "в позднем палеолите пока неизвестны столь крупные скопления черепов и других костей мамонта, которые не были бы связаны с жилищами" (Сергин, 1975, с. 59). Вторым аргументом В.Я.Сергина: находки, сделанные в раскопе 1, наиболее примечательны ("чуринги", мотыга, статуэтка) и склоняют к мысли, что на месте скопления черепов мамонта находилось жилище. Представляется, что таких аргументов недостаточно, чтобы предполагать наличие жилища и тем более относить эту конструкцию к жилищам аносовско-мезинского типа.

Это наше заключение находит соответствие в только что вышедшей из печати монографии, посвященной комплексному изучению Елисеевичей: "Реконструкция круглого жилища из костей мамонта, предложенная В.Я.Сергиным, не подтверждена раскопками. Там, где он реконструирует восточную дугу внешнего ограждения (Сергин, 1975), в процессе раскопок 1976 г. вообще не было найдено крупных костей, а культурный слой представлен мелкими расщепленными костями, даже без находок кремня. Кроме того, архивные данные и публикации не позволяют делать подобную реконструкцию" (Величко, Грехова и др., 1997, с. 120). Там же сказано, что вопрос о жилищах в Елисеевичах пока остается открытым.

Структурные элементы, выявленные в Елисеевичах, отличаются большим своеобразием. На уровне культурного слоя прослеживались округло-овальные скопления костей, которые при дальнейшей расчистке оказывались ямами. Они тщательно проанализированы Л.В.Греховой (1985). Одна из ям открыта В.Д.Будько, три других Л.В.Греховой. Размеры их соответственно 2.60x2.75; 2.3x2.0; 2.40x1.68; 2.80x2.10 м, глубина от 0.5 до 0.7 м. Характерной чертой всех скоплений является подбор и расположение костей в заполнении ямы. Как правило, на краю располагаются черепа мамонтов, а на полу под каждым скоплением обнаружены кости и остатки черепа утробной особи мамонта. В состав заполнения входили бивни, нижние челюсти, лопатки, тазовые, чаще всего в обломках, трубчатые кости. Между крупными костями размещались ребра, позвонки, мелкие обломки. Определенное расположение костей в ямах и по их окружности позволяет предположить существование каких-то конструкций, назначение которых неясно. Они отличаются от жилищ из костей мамонта аносовско-мезинского типа небольшими размерами, углубленностью и отсутствием очагов под завалами костей. По признакам кольцевого ограждения и по размещению костей, по форме ям и их глубине они отличаются и от ям-хранилищ. Отмечая эти особенности, Л.В.Грехова считает, что "скопления костей в ямах на стоянке Елисеевичи не обнаруживают

ярких признаков сходства с ямами, заполненными костями на стоянках Донского бассейна и, в частности, в памятниках костенковско-авдеевской культуры" (Грехова, 1985, с. 25). В этой связи кажется убедительной приведенная Л.В.Греховой аналогия с малой полуземлянкой на стоянке Павлов (Клима, 1977). Заслуживает также внимания замечание Л.В.Греховой, что, судя по расположению, ямы не представляют собой самостоятельных объектов, а связаны с общим комплексом стоянки, образуя как бы дугу по отношению к центральной части, трактованной В.Я.Сергиным как обычное жилище. Следует отметить также, что рядом со скоплениями-ямами на уровне культурного слоя находились крупные зольные пятна, что свидетельствует о наличии здесь своеобразного жилого комплекса.

На площади стоянки вскрыты также бесформенные скопления костей с большим разрывом глубин верхних и нижних находок. Установлено, что эти развалы костей являются результатом разрушения культурного слоя в период деградации криогенных структур. Следует остановиться на остатках какого-то образования, открытого К.М.Поликарповичем в 1935-1936 г.г. и получившего наименование "коридора" или "хода". Оно идет с северо-востока на юго-запад на протяжении 6.5 м при ширине 1.0-1.5 м и состоит преимущественно из тазовых костей мамонта (12), лопаток (4), крупных бивней (2) и трубчатых костей. Все половины тазовых костей поставлены по направлению "хода", образуя вместе с другими костями две параллельные стенки, углубленные на 0.5-0.6 м по отношению к уровню культурного слоя. Существенно наблюдение К.М.Поликарповича, на которое раньше не обращалось внимания, что "все пространство внутри хода и снаружи около костей заполнено зеленым суглинком, иногда с золистыми пятнами и прослойками. Дальше, в стороны от стел хода, залегает уже лесс, т.е. светло-желтый суглинок" (Поликарпович, 1940б, с. 288). И действительно, анализ новых данных по криогенным структурам на стоянке позволил установить, что размеры, направление костей, описание заполнения между костями "хода" соответствует характеру мерзлотных деформаций (Величко и др., 1997; с. 56-57, рис. 20). Авторы монографии пришли к выводу, "что к моменту заселения участка первобытным человеком мерзлота уже существовала и морозобойные жилы, образующие полигональную систему, были хорошо развиты. Стоянка функционировала скорее всего до начала активной деградации многолетней мерзлоты" (там же, с. 55).

Неполные данные по фауне Елисеевичей показывают, что минимальное количество черепов мамонта равно 85. Количество костей не поддается учету. В нашем распоряжении только общий список видового состава по раскопкам К.М.Поликарповича (Верещагин, Кузьмина, 1977, табл. 1). В отношении мамонтов упоминается, что в Елисеевичах они позднего "финального" типа. Наибольшее число убитых мамонтов приходилось на группу полувзрослых животных. Ранее отмечалось наличие остатков утробных детенышей. Поразительной особенностью состава промысловой фауны, по словам Н.К.Верещагина, является отсутствие северного оленя (К.М.Поликарпович упоминает мотыгу из ветви рога этого животного) и практическое отсутствие лошади и бла-

городного оленя (по одной кости). наибольшее число видов принадлежит открытым степным пространствам и биотопам зоны тундростепи. Отмечена необычайно большая представительность остатков хищных зверей - песцов (14 654/287) по нижним челюстям), волков (903/36 по голеням), бурых медведей (89/10 по разным костям).

Что касается возраста стоянки, то для нее получены 10 радиоуглеродных дат, подробно проанализированных Л.В.Греховой (1990) и разделившей серию на три хронологические группы. В позднюю группу входят две даты, полученные в разных лабораториях, но совпадающие в пределах поправки почти полностью: 12 970±140 (ЛУ-102) по костному углю и 12 630±360 (ГИН-4137) по зубам мамонта. Средняя группа из пяти дат показывает возраст около 14 000 лет: 14 470±100 (ЛУ-126) по зубу мамонта; 14 080±70 (ГИН-4135) по костному углю; 14 590±140 (ГИН-4136) по зубам из одной челюсти мамонта; 14 100±400 (ГИН-4139) по зубам мамонта с площади зольника; 14 240±120 (ГИН-5475) по углю из зольника. Самые древние даты: 16 850±120 (ГИН-4138) и 17 340±170 (ЛУ-360) по зубам мамонта. По мнению Л.В.Греховой, эти группы не могут быть случайными, поскольку они сопоставляются с конкретным фактическим материалом и конкретной ситуацией. Возникает вопрос, почему же зубы мамонта, взятые в 1970 г. из ямы 1, с глубины 1.3 м дали самую молодую (ГИН-4137) и одну из самых древних дат (ГИН-4138)?

Н.Д.Праслов, принимая единственную дату 17 340±170 (ЛУ-360), указывает, что она относится к плюскому интерстадиалу, сопоставляемому с интерстадиалом лясско. К этому же времени он причисляет 5-ый слой Молодовы 5 и, возможно, такие памятники бассейна Днепра как Добраничевка, Мезин, Межирич (Праслов, 1984, с. 40).

Наиболее полно изучены и наиболее достоверны именно как жилые сооружения остатки конструкций поздней поры верхнего палеолита, выделенные А.Н.Рогачевым в аносовско-мезинский тип. В настоящее время известно 16 таких жилищ: 2 на Дону (Костенки 11, слой 1а и Костенки 2); 14 в бассейне Десны - среднего Днепра: Супонево и Мезин по одному жилищу, Юдиново, Межирич и Добраничевка по четыре жилища. Видимо, сюда можно отнести и мощные скопления костей из старых раскопок в Мезине, Гонцах и Киево-Кирилловской стоянке.

Костенки 11 (Аносковка 2) расположена в приустьевой части Аносова лога, на оконечности центрального мыса, образованного слиянием лога с его отвершком. Памятник многослойный, из пяти культурных слоев наибольший интерес представляет слой 1а, где открыто скопление костей мамонта в форме правильного круга диаметром 9 м, представляющее остатки жилой конструкции (рис. 6). Еще при расчистке А.Н.Рогачев отметил, что "сохранность и характер развалин таковы, что не возникает сомнения в целесообразной выкладке из костей мамонта и определенном порядке их залегания, хотя, разумеется, уже с некоторым нарушением системы, приданной строителями жилища при сооружении" (Рогачев, 1962, с. 13). Определенный порядок размеще-

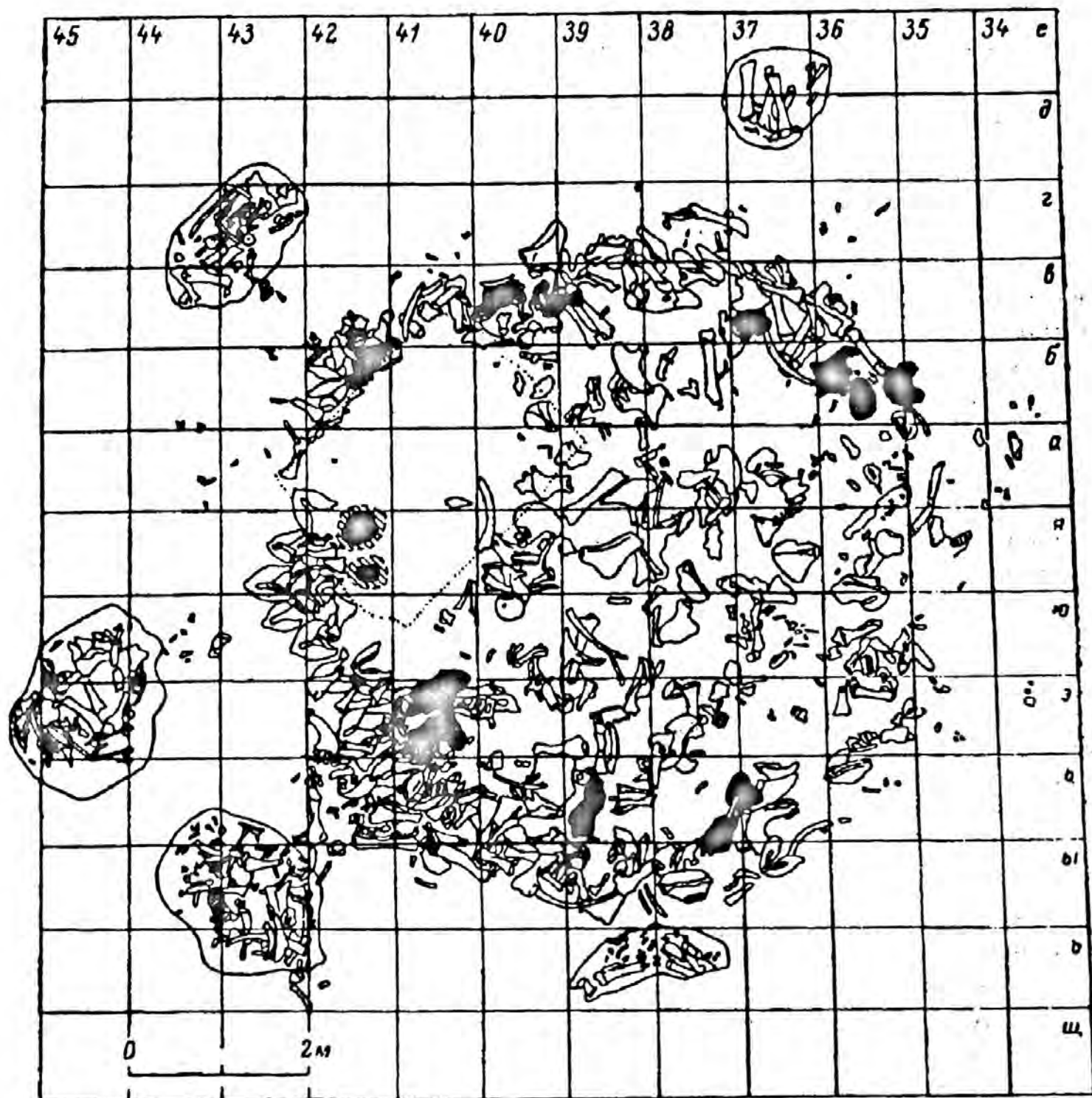

Рис. 6. Костенки 11, слой Ia. План жилища (Рогачев, Попов, 1982, рис. 38).

ния проявляется в группировании костей вокруг слегка углубленного в землю пола жилища; в наличии по краю сплошного кольца мощного нагромождения костей, состоящего как бы из отдельных, плотно примыкающих друг к другу секций; в расположении с внутренней стороны кольцевого ограждения черепов мамонта, размещенных парами против каждой обособленной группы костей. В северо-западной части развалины сильно повреждены современной хозяйственной ямой, во всех стенах которой были обнаружены обрубленные кости. В настоящее время в скоплении учтено 573 кости от не менее, чем 40 особей мамонта. Наибольший интерес представляет наиболее мощная юго-

западная группа костей, где толщина стенки ограждения достигает 1 м. К двум черепам внутри примыкает ряд нижних челюстей, прикрытых трубчатыми костями, лежащими главным образом поперек ограждения, параллельно ветвям челюстей. Далее западный край был обозначен плотной выкладкой из семи нижних челюстей, уложенных в один ряд, зубами вниз, подбородочными выступами наружу.

Кости кольцевого ограждения на всем его протяжении расположены выше, чем кости, лежащие внутри, что объясняется некоторой заглубленностью внутренней части жилища в суглинок. Пол, по-видимому, был неровным, мощность культурного слоя местами достигала 0.8 м. Четко выраженных следов очага не отмечено, хотя в центральной части наблюдались скопления золистрой и углистой массы, рядом с которыми расчищена ямка диаметром 30 см, заполненная костным углем и золой (Рогачев, Попов, 1982, с. 123). Нет данных о расположении входа.

Вокруг жилища расположены пять ям-кладовых, содержащих много различных костей мамонта и еще не расчищенных окончательно. Три из них к западу от жилища, т.е. вверх по склону мыса, однотипны, имеют овальную форму и размеры 2.2x1.3 м. Северная и южная ямы меньших размеров, одна округлая, вторая узкая и вытянутая. Глубина ям не превышает 0.8 м (Рогачев, 1962). Особо описывается одна яма, открытая в 1970 г. и расчищенная в 1978 г. (Рогачев, Попов, Сеницын, 1979, с. 86). В общем плане, следуя за П.П.Ефименко, А.Н.Рогачев допускает, что ямы могли быть жилыми (спальными) и кладовыми (Рогачев, 1962, с. 16).

В 17 м к северо-востоку от жилища вскрыта часть аналогичного сооружения. Расчищенные остатки западной и южной стенок показывают полную идентичность конструктивных особенностей использования трубчатых и плоских костей, черепов и нижних челюстей. Отмечено наличие трех бивней и нескольких групп позвонков, лежащих в анатомической связи. В средней части раскрытого сегмента кольцевого ограждения находились внешний и внутренний ряды вертикально вкопанных костей. Подсчет по нижним челюстям дал минимально 12 особей мамонта. В целом, в фауне присутствует значительно больше костей мамонта, чем указанные 763/60, северный олень и заяц единичны.

Радиоуглеродные даты по кости из слоя Ia обнаруживают большой разброс: 12 000±100 (ЛЕ-1403), 14 610±120 (ЛЕ-1637), 16 040±120 и 17310±220 (ЛЕ-1704А и ЛЕ-1704Б), 19 900±350 (ГИН-2632)

В 120 м от Костенок 11 на левобережном устьевом мысу Аносова лога расположена стоянка **Костенки 2**. Ранее было высказано предположение, что культурный слой Ia Костенок 11 и единственный культурный слой Костенок 2 представляют собой остатки обширного поселения с округлыми жилищами аносовско-мезинского типа (Рогачев, 1970; Григорьев, 1970), но из-за неполной исследованности Аносовки 2 это предположение остается рабочей гипотезой (Рогачев, Аникович, 1984, с. 214).

На площади раскопа в 147 кв.м П.И.Борисковским (1963) расчищены остатки жилища из костей мамонта в виде четко локализованного скопления (рис. 7). Его очертания скопления неправильно-овальные, приближающиеся к пятиугольнику, возможно за счет повреждения современными хозяйственными ямами. Длина скопления, залегающего на древнем склоне по углом 8° , с севера на юг 8 м, с запада на восток - 6.5 м, мощность - 0.5-0.6 м. По вертикали оно состоит из двух горизонтов: верхний представляет собой нагромождение костей исключительно мамонта, лежащих в суглинке и часто нижними концами уходящих в подстилающий песок. И.Г.Пидопличко установил здесь наличие почти 2 000 костей от 28 особей мамонта. Кости не принадлежат в равной пропорции всем частям скелета. Ребер, целых и обломков, было лишь около 100, а бивней, также целых и обломков, около 40. Отмечено много костей конечностей, около 50 лопаток, 14 тазовых, около 140 позвонков, зубы и черепа. Черепа, число которых не указывается, но, видимо, по ним подсчитывались особи, найдены как целые, так и разрушенные. Нижний горизонт толщиной 10 см в плане совпадает со скоплением костей мамонта, он насыщен мелким пережженным костным углем, расщепленным кремнем, осколками костей разных животных. Поскольку он залегал в песке можно предполагать незначительное намеренное углубление пола жилища. В центре находился очаг в виде лунки диаметром 65 см и глубиной 19-15 см, заполненный черной зольной массой с большим содержанием костного угля.

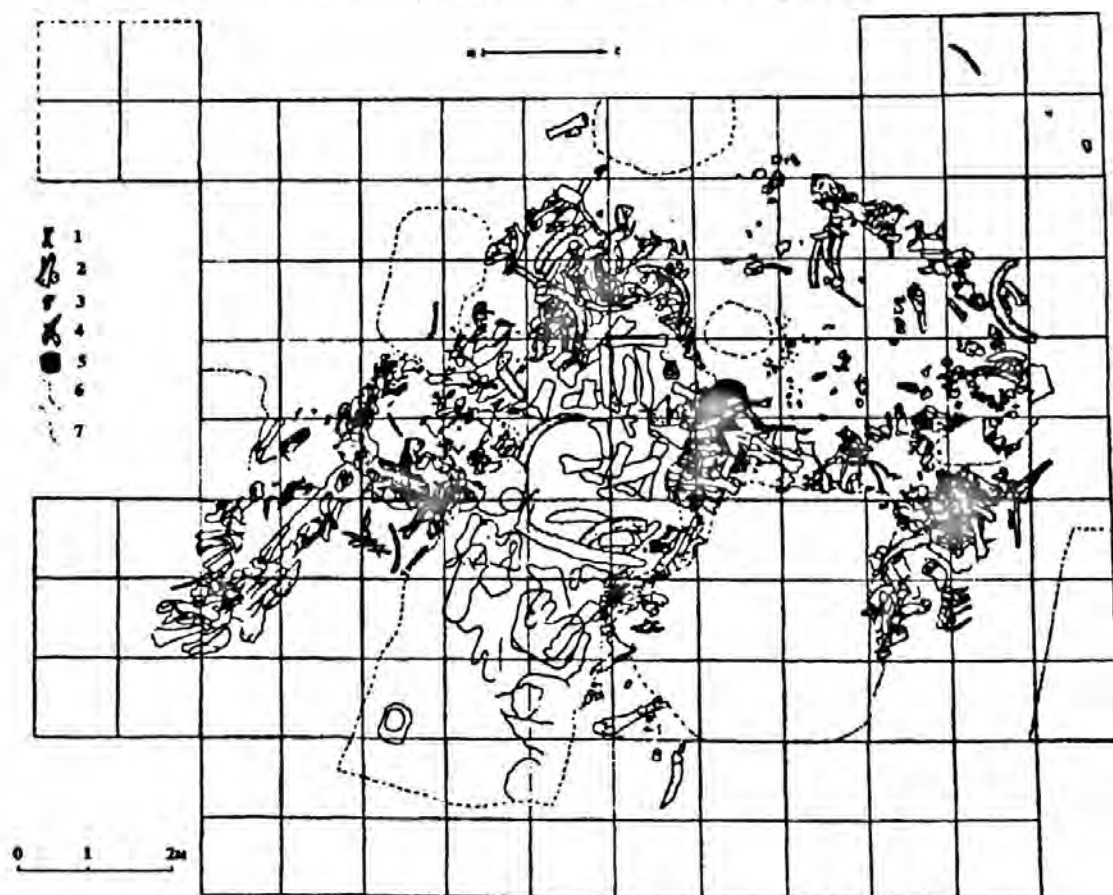

Рис. 7. Костенки 2. План жилища (Борисковский, 1963, рис. 5).

Из 28 мамонтов, входящих в скопление, только 10 были вполне взрослыми. Подавляющее большинство костей, по определению В.И.Громова и

И.Г.Пидопличко, принадлежало молодым особям. Как справедливо отметил П.И.Борисковский, это обстоятельство очень важно для характеристики охотничьего хозяйства. Позвонки, сохраняющие анатомическую связь, несомненно были принесены с мясом и свидетельствуют о том, что палеолитические обитатели стоянки охотились на мамонтов, а не собирали их кости для своих хозяйственных надобностей (Борисковский 1963, с. 17). В.И.Громов указал на несомненность сортировки костей в различных частях скопления, а также тот факт, что ряд бивней, лопаток и других костей мамонта сдавлен, поломан, поврежден в результате удара или сильного давления. Это может свидетельствовать, что значительная часть костей входила в состав конструкции долговременного жилища, а затем была повреждена в процессе его разрушения (там же).

С юго-востока к жилищу примыкала погребальная камера, построенная из костей мамонта и содержащая внутри остатки поврежденного скелета пожилого мужчины (Борисковский, 1963, с. 55-59; Герасимова, 1982, с. 250-253). Фауна, собранная в Костенках 2, включает кости лошади, северного оленя, песца, лисицы, пещерного льва, зайца, носорога, волка, бурого медведя, шуки. Для слоя получены две радиоуглеродные даты по кости, одна из которых $11\ 000 \pm 200$ (ГИН-93), очевидно не соответствует действительности; вторая $16\ 190 \pm 150$ (ЛЕ-1599), видимо, нуждается в подтверждении, поскольку по всем данным стоянка должна быть древнее.

Переходя к бассейну Десны - среднего Днепра, необходимо остановиться, прежде всего, на стоянке Мезин, расположенной на склоне левого берега древней балки в 300 м от ее выхода на правый берег Десны. Открытая в начале XX века и исследованная в последующие годы Ф.К.Волковым, П.П.Ефименко, И.Г.Шовкоплясом и И.Г.Пидопличко Мезинская стоянка - одна из немногих на Русской равнине, которая дает представление не только о характере жилых структур, но и об организации поселения, состоящего из различных элементов. В литературе представлены три схемы раскопов (Борисковский, 1953, с. 241, рис. 120; Шовкопляс, 1965а, рис. 12 и вклейка; Сергин, 1987, с. 74, рис. 34), где совмещены все данные по реконструкции жилищно-хозяйственных комплексов, вскрытых в разные годы.

Полностью достоверен лишь комплекс, раскопанный И.Г.Шовкоплясом в 1954-1955 г.г., центр которого составляет округлое в плане жилище диаметром около 6 м в виде скопления костей мамонтов мощностью местами до 0.5 м (рис. 8а). Учтено лишь 235 костей от 30 особей мамонта, залегающих в определенном порядке, сохраняя в цоколе свое первоначальное положение: наиболее крупные из костей, главным образом, черепа и тазовые кости составляли внешнее ограждение. Все черепа на краю скопления лежали на лобных костях, независимо от того, куда они были обращены альвеолами или затылками: наружу или внутрь скопления. Часть черепов, входивших в ограждение, сохранила один или два бивня; эти черепа лежали альвеолами внутрь скопления, упав на пол сооружения после того, как оно разрушилось. Более мелкие кости мамонта, в частности, многочисленные лопатки занимали промежуточ-

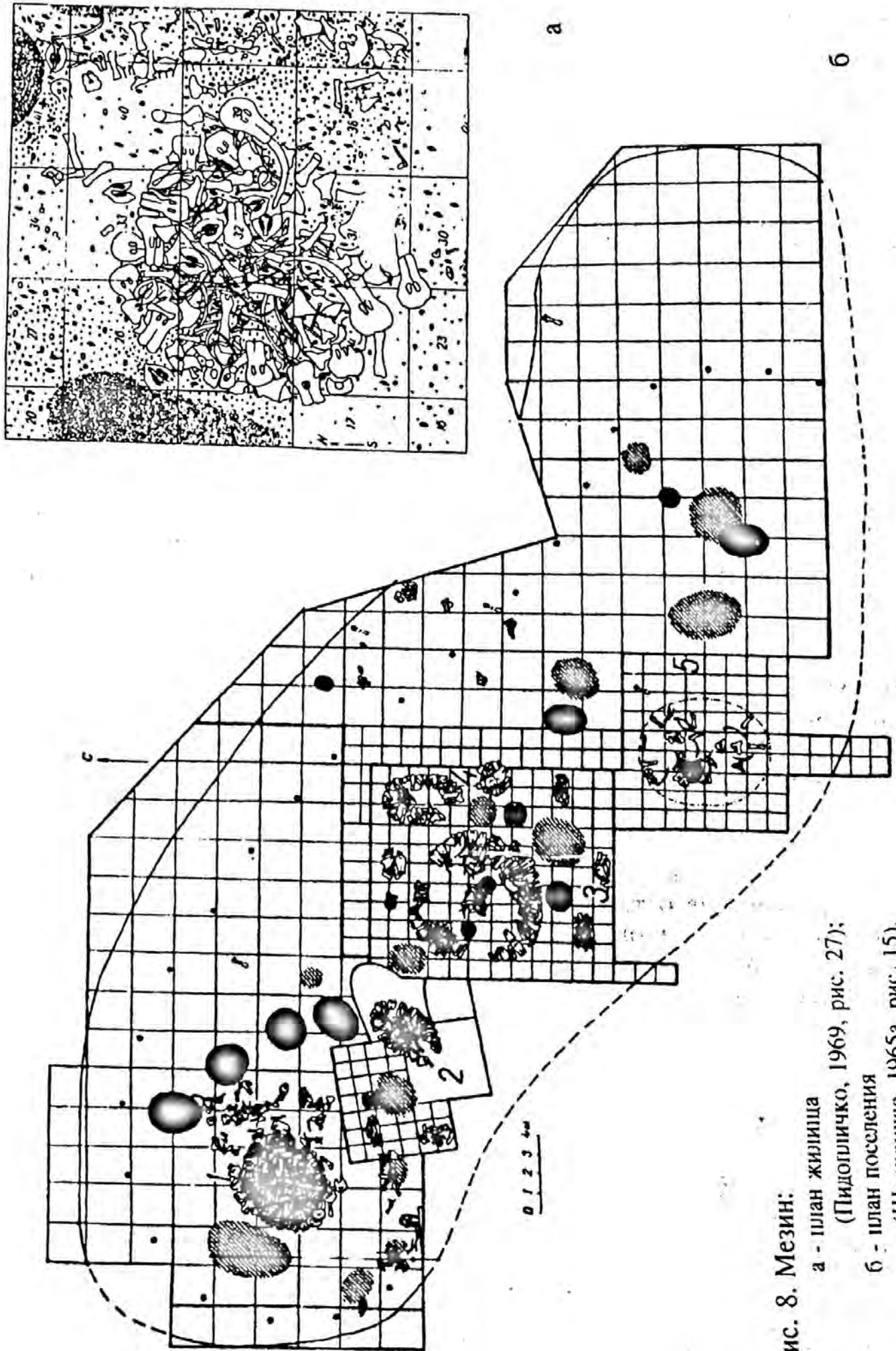

Рис. 8. Мезин:
 а - план жилища
 (Пидогричко, 1969, рис. 27);
 б - план поселення
 (Шовкодіяс, 1965а, рис. 15).

ное положение между этим внешним ограждением и скоплением рогов северного оленя, занимавшим центральную часть. После снятия костей оказалось, что пол сооружения представлял довольно ровную площадку, углубленную в северо-западном конце на 30-50 см ниже уровня стоянки, расположенной на склоне и соответственно выходящей на поверхность в юго-восточном конце. В целом, жилище можно считать наземным. На поверхности пола, вокруг центра, находились три округлых углисто-зольных пятна диаметром 50-70 см, являвшихся, видимо, остатками небольших временных очажков, без заметного углубления в почву. В четырех местах в пол были вертикально вкопаны крупные кости мамонта, служившие, по-видимому, основаниями для столбов, поддерживающих изнутри наклонные стены жилища. Вход находился в юго-восточной части, обращенной к балке и к берегу Десны. Здесь крупные кости цоколя отсутствовали (Шовкопляс, 1956, 1965а).

К северо-востоку и востоку от жилища располагались четыре крупных долговременных очага в виде обширных линзовидных углублений на местах более ранних ям, заполненных костями животных. Еще одна яма, но без следов очага, расположена к северу от жилища и таким образом вокруг него существовало дугообразное окаймление из пяти ям, размещенных на почти равных расстояниях как друг от друга, так и от жилища (Шовкопляс, 1965а, рис. 40 и 41). Ямы имели округлую или овальную форму, размеры 1.8x1.5; 2.0x1.5; 2.3x1.9; 2.0x2.0; 2.5x1.5 м, глубину около 1 м и были заполнены костями животных: мамонта, лошади, волка и различными культурными остатками, постепенно смытыми в яму. И.Г.Шовкопляс отмечает, что "характер заполнения ям, прежде всего, наличие в них большого числа неиспользованных костей, дает основание рассматривать такие ямы в качестве хранилищ костей животных, служивших сырьевым материалом для различных производственных и бытовых потребностей" (там же, с. 89). План поселения, по И.Г.Шовкоплясу (1965а), представлен на рис. 8б.

Фаунистические остатки Мезина за все годы раскопок сведены воедино Н.Л.Корниец на основе определений И.Г.Пидопличко (Корниэць 1962, табл. 9): мамонт - 3896/102, носорог - 37/3, лошадь - 605/56, овцебык - 188/17, бизон - 19/5, большерогий олень - 1/1, северный олень - 439/80, медведь - 35/7, россомаха - 28/5, волк - 973/52, песец - 1745/101, лисица - 1/1, заяц - 37/11, байбак - 4/3, грызуны, птицы. Н.Л.Корниец отмечает, что фауна состоит, главным образом, из лесостепных животных. Остатки крупных хоботных и копытных связаны с промысловой деятельностью человека. Мамонт, как и в других стоянках позднего палеолита, составлял основную массу добычи. Найдены все части скелета, в том числе несколько костей эмбрионов. Наибольшее количество особей принадлежало, судя по зубам и костям конечностей, животным молодым и реже среднего возраста (там же, с. 109, 121, 122).

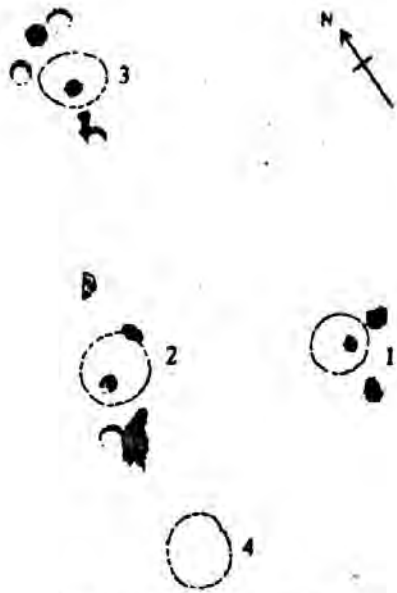
И.Г.Пидопличко также подтверждает, что мамонт был объектом постоянной охоты. "Мамонты являлись постоянным компонентом мезинской фауны, размножались на месте, но в то же время подвергались сезонным миграциям. На втором месте по экономической значимости стоит северный олень,

который был важным объектом охоты поздней осенью, зимой и ранней весной. Летом северный олень в составе мезинской фауны, очевидно, отсутствовал, поскольку среди костного материала не обнаружены кости новорожденных и совсем молодых северных оленей" (Пидопличко, 1969, с. 83).

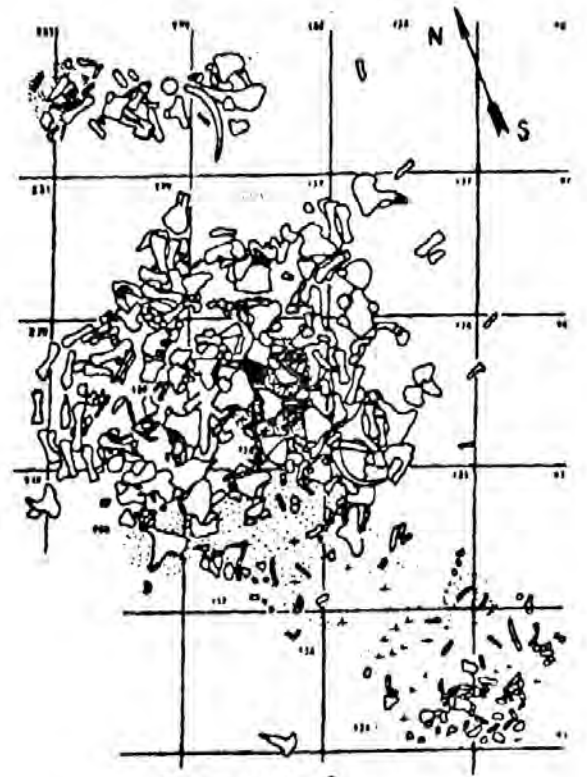
Для Мезина существует несколько очень расходящихся радиоуглеродных датировок. Наиболее древние, полученные по материалам раскопок 1953 г.: по зубу мамонта $27\ 500 \pm 800$ (КИ-1051) и раковинам $29\ 100 \pm 700$ (КИ-1052) и $29\ 700 \pm 800$ (КИ-1053) могут быть сопоставлены с полученными ранее для верха нижележащей ископаемой почвы датами по фракции гуминовых кислот $24\ 210 \pm 270$ (ИГАН-89) и $24\ 300 \pm 370$ (ИГАН-88). Имеются и другие даты по зубам мамонта: $21\ 600 \pm 2\ 200$ (ГИН-4) и $15\ 100 \pm 200$ (ОхА-719).

Наиболее полно и детально изучена стоянка **Межирич**, расположенная на правом берегу Днепра при слиянии рек Роси и Росавы. Стоянка открыта в 1965 г. и исследовалась в последующие годы И.Г.Пидопличко, Н.Л.Корниец и М.И.Гладких (рис. 9). К настоящему времени раскопаны 4 жилых комплекса, включающие жилища и окружающие их ямы-хранилища, очаги, рабочие площадки. Первые три жилища подробно, но разрозненно, согласно отдельным конструктивным элементам описаны И.Г.Пидопличко (1976). Это цоколь, обкладка цоколя, надцокольная обкладка, крыша, забор у входа, вход, забутовка цоколя. Как справедливо отметили А.Н.Рогачев и М.В.Аникович (1984, с. 191), эти группировки костей в большинстве случаев не могут быть проверены по тем схематичным чертежам, которые представлены в публикации. Однако, приводимые И.Г.Пидопличко сведения и подсчеты костей мамонта, использованных при сооружении жилищ, позволяют представить особенности каждой постройки. Попытаемся собрать эти сведения для каждой структуры после некоторых общих характеристик. Цоколи всех жилищ сооружались по одному образцу. Основой цоколя служили черепа, которые вкапывали, как правило, альвеолами вниз, чтобы плоские лобные кости образовывали внутреннюю стенку жилища. Число черепов в цоколе было различным, что зависело, видимо, от размеров постройки. Промежутки между черепами заполнялись вкопанными и прислоненными плоскими и трубчатыми костями мамонта. Почти все они сохранили свое первоначальное положение. свободные пространства между черепами могут указывать на существование входа. И.Г.Пидопличко особо подчеркивает, что черепа мамонта, составлявшие цоколь и несшие опорную функцию, специально вкапывали на значительную глубину (до 0.5 м). "В Межириче вкопанность черепов в цоколях жилищ была настолько четкой и очевидной, что доказывать этот строительный прием охотников за мамонтами нет нужды" (Пидопличко, 1976, с. 99).

Характерной особенностью межиричских жилищ является их очень четко выраженная обкладка цоколя, устроенная в разных постройках по разному, с использованием разного количества и видов костей. И.Г.Пидопличко выделяет надцокольную обкладку из костей, придавливающих шкуры перекрытия, которые свисали до верхов цоколя. Среди них преобладали лопатки и тазовые кости, но использовались также "трубчатые, бивни, коренные зубы и позвон-

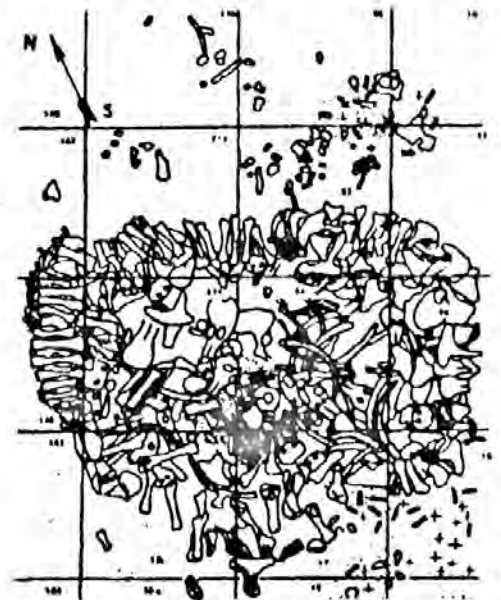
План поселения.

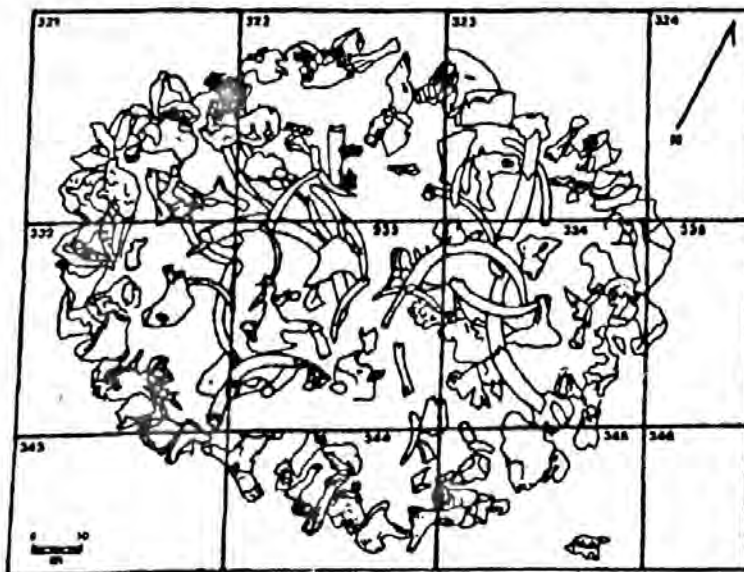
Жилище 3.

Жилище 1

Жилище 2.

Жилище 4.

Рис. 9. Межирич: план поселения и жилищ (Gladkich et al., 1984).

ки мамонта" (там же, с. 108). При описании надцокольных обкладок по отдельным структурам И.Г.Пидопличко упоминает также черепа, что нашло отражение и в реконструкции первого жилища из Межирича в натуральную величину (там же, рис. 33 справа). В целом, выделение надцокольной обкладки представляется наиболее уязвимой частью интерпретации отдельных элементов сооружения. Мало того, что планы жилищ не дают возможности для такой реконструкции, нельзя представить каким образом черепа могли удерживаться выше цоколя. При разрушении жилищ кости были смещены со своего первоначального положения и их отношение к цоколю не может быть установлено.

Следующее подразделение - крыша - выделялась, согласно И.Г.Пидопличко, наиболее четко по сравнению со стенами жилища, благодаря центральному положению относительно небольшого числа костей. "Поскольку на крыше нагрузка от костей была меньшей, чем в нижележащих частях жилища, и некоторые кости на крыше была легкими (рога северных оленей, бивни молодых мамонтов, позвонки и обломки трубчатых и плоских костей), то при естественном разрушении жилища более тяжелые кости нижних ярусов и самой крыши сваливались раньше, а уже на них, позже, сваливались более легкие кости" (там же, с. 110). Такая же картина наблюдается, по И.Г.Пидопличко, в развалинах мезинского и добраничевского жилищ.

Конструкция жилищ позволяет И.Г.Пидопличко утверждать, что все входы были боковыми, а не через крышу. Входы неодинаковы по своему характеру и строению, но все они ориентированы на юг или юго-запад. Кроме основных входов были и дополнительные. В межиричских жилищах прослежена довольно четкая картина внутренних и наружных очагов, свидетельствующих о достаточно длительном функционировании построек. Внутренние очаги имеют ряд общих конструктивных свойств. Они располагались не обязательно в самом центре, так что периферийная часть была недалеко от стены или прилежала к ней и находилась недалеко от входа в жилище. В каждом очаге выделяется его центр, т.е. углубление в земле, заполненное наиболее мощным слоем очажной массы, и периферийная часть, куда, видимо, выгребалась зола из лунки.

Жилище 1. Скопление костей создавало впечатление как бы четырехугольного сооружения, но сам цоколь имел округлые очертания с внешней площадью 42 кв.м и внутренней - 23 кв.м. Цоколь состоял из 25 черепов, из которых только два стоявшие у входа, вкопаны затылочными костями. Черепа выполняли главную опорную функцию, другие кости (лопатка, плечевая, локтевая, 21 тазовая, 8 бедренных, 3 больших берцовых и 22 позвонка) играли вспомогательную роль. Промежуток между черепами для главного входа с юга равнялся 2.5 м. Перед ним находился "забор" из 14 костей мамонта: 6 плечевых, 2 тазовых, 5 бедренных и 1 большой берцовой. При расчистке завала эти кости находились на своих первоначальных местах, лишь слегка были наклонены в сторону входа. И.Г.Пидопличко упоминает о наличии двух запасных входов: с востока и с запада, причем восточный оказался заставленным двумя

колонками из спинных и поясничных позвонков мамонта в анатомической связи, а западный - двумя тазовыми костями, лопаткой и локтевой костью. Обкладка цоколя по своему совершенству не имеет равных в палеолитических жилищах. 95 нижних челюстей были расположены "сосенками" (т.е. челюсть в челюсть) от 2 до 5 экземпляров в каждой (всего 24 "сосенки" или колонки). Напомним, что прямая аналогия такому устройству, хотя и не столь яркая, присутствует в жилище из Аносовки 2. Кроме них в обкладке было несколько крупных трубчатых костей. Выделенная И.Г.Пидопличко маловероятная надцокольная обкладка состояла из 110 костей (17 черепов, 30 лопаток, 10 плечевых, локтевой, лучевой, 15 тазовых, 11 бедренных). На крыше было помещено 35 бивней мамонта, преимущественно от молодых и полувзрослых особей, и два рога северного оленя (Пидопличко, 1976, с. 110, а в табл. 3 упоминаются наряду с 35 бивнями 2 тазовых кости). Для "фасадной дуги" основного входа были подобраны два крупных бивня длиной (по дуге) 2.0 и 2.3 м. Нижние концы бивней упирались в альвеолы краеугольных черепов, вкопанных для этого затылочными костями. И.Г.Пидопличко утверждает наличие подвижных, т.е. не вкопанных и незакрепленных черепов, тазовых и других крупных костей. Черепа, находившиеся внутри жилищ и использовавшиеся для сидения, закрытия входов и т.д., что в общем весьма сомнительно ввиду их тяжести и трудности передвижения, могли играть и культовую роль, о чем свидетельствует череп, стоящий у входа с юго-восточной стороны и несущий нанесенный красной охрой символический рисунок. Очаг также находился ближе к юго-восточной стене. Очажная конструкция состояла из двух групп противоположно вкопанных костей так, что между ними располагался центр очага. Вкопаны часть бивня и три плечевых, а бедренная и вставленная в нее лучевая кости должны были играть роль вертела. Мощность зольного слоя в центре очага составляла 20 см, диаметр равен 1.1-1.3 м.

Количество костей мамонта, использованных для постройки жилища, точнее, раскопанных в скоплении, очень велико - порядка 400. Часто указан возрастной состав особей. Черепа - 46: 17 молодых (3-9 лет), 22 полувзрослых (9-20 лет), 4 взрослых (20-35 лет), 3 старых (35 лет и старше). Нижние челюсти - 95: 1 утробный или новорожденный, 45 молодых, 33 полувзрослых, 16 взрослых, что показывает преимущественное истребление на охоте молодых и полувзрослых особей. Бивни - 40: среди них два очень крупных бивня старых особей для фасадной дуги. Лопатки - 31: 9 молодых особей, 12 полувзрослых, 9 взрослых и 1 старой. Плечевые - 20: 1 молодой особи, 15 полувзрослых, 4 взрослых. Локтевые - 2 кости от молодой и полувзрослой особей. Лучевые - 1 кость. Тазовые - 46: 7 молодых особей, 23 полувзрослых, 16 взрослых (из них неразъединенная пара костей отмечена на крыше). Бедренные - 26: 1 от молодой особи, 20 полувзрослых, 3 взрослых, 2 старых. Большие берцовые - 6: все от полувзрослых особей. Позвонки - 7 анатомических групп и 47 отдельных или сросшихся позвонков, в том числе атлант, эпистрофей и 2 крестца. Ребра - всего 9. 10 отдельных коренных зубов найдены на полу, в очагах и т.п.

Жилище 2. Скопление костей имело сверху вытянутую с запада на восток эллипсоидную, как бы даже прямоугольную форму, хотя цоколь был округлым с внешней площадью 28 кв.м и внутренней 20 кв.м. Для цоколя использовалось 19 черепов, один из которых стоял на затылочных костях, зубами внутрь жилища и лбом, ориентированным наружу. В заполнении промежутков между черепами участвовало около 170 плоских и трубчатых костей, однако в табл. 3 (Пидопличко, 1976) указано лишь 30 костей для постройки цоколя (2 лопатки, 3 плечевые, 4 локтевые, 7 тазовых, 10 бедренных, 4 больших берцовых) и 18 крупных обломков для забутовки цоколя. В обкладке цоколя отмечено 117 костей: 2 нижние челюсти, 2 бивня, 22 лопатки, 20 плечевых, 10 локтевых, 28 тазовых, 27 бедренных, 6 больших берцовых. На северо-западной стороне обкладка оказалась построенной из трех последовательных, налегающих один на другой рядов трубчатых костей, среди которых находилась бедренная кость со сквозным отверстием (там же, рис. 16). Рядом располагалась часть обкладки из тазовых костей и лопаток мамонта, поставленных "на ребро". В другом месте отмечено, что верхняя часть стены была сделана первоначально из длинных костей, таких как бедренные и большие берцовые. Эти кости были поставлены в ряд вертикально (Gladkih et al., 1984, p. 167). Можно напомнить, что характер обкладки цоколя представляет полную аналогию северо-западной части жилища 3 Юдинова. В надцокольную обкладку И.Г.Пидопличко включил 114 костей (11 черепов, 2 бивня, 60 позвонков, 8 лопаток, 6 плечевых, 1 локтевую, 2 лучевых, 14 тазовых, 2 больших берцовых и 5 обломков). К крыше отнесено 26 бивней и, кроме того, неразъединенные тазовые кости взрослого мамонта, обвалившиеся при разрушении жилища почти в центр его, на очаг. Для основного входа в жилище служил разрыв между костями на западной стороне, равный 2 м. Напротив него между двумя цокольными черепами стояло 12 вкопанных бедренных костей мамонта с глухими, несквозными дырами. 8 из них были вскрыты во время раскопок в ненарушенном или наклонном положении на тех местах, где они были в древности вкопаны. Эти кости должны были входить в конструкцию, предназначенную для удлинения входа в жилище и составляли своеобразную пристройку. В южной части жилища между двумя парами черепов был, по-видимому, двойной низкий вход, прикрытый арками из бивней мамонта. Судя по табл. 3, данной И.Г.Пидопличко (1976), в оформлении входов в жилище 2 участвовало 6 бивней. Внутренний очаг располагался ближе к юго-западной стороне в 1 м от южной стенки постройки. Очаг мощный, хорошо сохранившийся во всех деталях. Очажное углубление имело диаметр около 60 см и толщину в центре 32 см. Вместе с периферийной частью площадь очага равна 4.5 кв.м. В радиусе примерно 60-70 см от его центра очаг был обложен лопатками и тазовыми костями молодых мамонтов и несколькими трубчатыми костями. О том, что эти кости не упали сверху, свидетельствует их обгорелость с внутренней стороны, в отличие от упомянутой целой тазовой кости, не имевшей никаких следов огня. Опоры для вертельных перекладин в основной части очага имели некоторые особенности: одна состояла из двух бедренных и двух плечевых

костей, вкопанных вертикально впритык у самой стенки жилища; вторая - из бедренной кости, на верхнем конце которой сделана прорезь для тонкой части вертела - найденной здесь обломанной тонкой бедренной кости молодого мамонта.

Общее количество костей мамонта во втором жилище около 600. Черепа - 32: 10 молодых, 19 полувзрослых, 3 взрослых. Кроме того, возле жилища находились 2 утробных или новорожденных (до 2 лет). С данными из описания по черепам (Пидопличко, 1976, с. 72-74) несколько расходятся данные табл. 4, где в жилище отмечено 10 молодых, 17 полувзрослых и 3 старых, а 1 молодой и 1 полувзрослый вместе с двумя утробными или новорожденными располагались около жилища. Нижние челюсти - 2, обе от полувзрослых особей. Бивни - 41, из них 6 были над входами, 5 небольших возле внутреннего очага, остальные в надцокольной части и на крыше. 1 бивень принадлежал очень молодому мамонту и 1 очень старому. Лопатки 42: 4 молодых особей, 17 полувзрослых, 18 взрослых, 3 старых. У одной лопатки был сбит гребень. Плечевые - 32: 3 молодых особей, 21 полувзрослых, 7 взрослых, 1 старой. 2 кости имеют сквозные, несколько вытянутые отверстия. Локтевые - 11: 4 молодых особей, 5 полувзрослых, 2 взрослых. Лучевые - 5. Одна кость длиной 60 см (без эпифизов) имеет на дистальном конце отверстие, которое началось в центре эпифиза и вышло на передней стороне диафиза. Подобное искусственное отверстие отмечено также на обломке бедренной кости со следами обожженности. Тазовые - 61: 3 молодых особей, 29 полувзрослых, 27 взрослых. Одна неразъединенная пара старой особи упомянута находившейся на крыше, другая пара в обкладке (там же, с. 82-83), хотя в табл. 2 отмечена только одна пара. Бедренные - 59: 5 молодых особей, 30 полувзрослых, 16 взрослых, 8 старых. 12 костей имеют несквозные дыры и один уже упоминавшийся обломок, который, как полагает И.Г.Пидопличко, служил для вкладки удлинителя. Большие берцовые - 12: 4 молодых особей, 7 полувзрослых, 1 взрослой. В жилище 2 особенно много ребер - 192, что позволило И.Г.Пидопличко высказать предположение, что здесь жил мастер-косторез (там же, с. 85), хотя не исключено широкое применение ребер для перекрытия. Позвонки - 4 анатомических группы и 70 разрозненных позвонков, в том числе атлант, 2 эпистрофея и 7 крестцов. 13 отдельных коренных зубов не принимали участие в конструкции.

Жилище 3. Скопление костей неправильно-округлой формы с внешней площадью 15 кв.м и внутренней - 12 кв.м. Цоколь состоял из 54 костей, включающих 12 черепов, 8 лопаток, 9 плечевых, 3 локтевых, 11 тазовых и 11 бедренных, а также 20 крупных обломков для забутовки. Обкладка цоколя сохранилась в северо-западной и северной частях. Кости расположены горизонтально и разреженно. Представлена 41 кость, в том числе 6 нижних челюстей, 6 лопаток, 3 плечевых, 3 локтевых, 5 тазовых, 7 бедренных и 11 больших берцовых. Надцокольная обкладка, по И.Г.Пидопличко, состояла из 102 костей: 2 бивня, 54 позвонка, 12 лопаток, 3 плечевых, 4 локтевых, 4 лучевых, 4 тазовых, 2 бедренных, 7 больших берцовых и 10 крупных обломков. К крыше

отнесено всего несколько бивней мамонта. И.Г.Пидопличко упоминает, что по аналогии с жилищем 1 "над главным входом должны были находиться тазовые и другие кости, хотя вследствие значительного размыва завала точно определить кости, бывшие над входом не представилось возможным" (Пидопличко, 1976, с. 111). Однако, в табл. 3 упоминаются помимо 7 бивней, 3 лопатки и 2 тазовые. Вход в жилище 3 был расположен с юго-западной стороны. С севера между двумя черепами, возможно, находился запасной вход. Внутренний очаг расчищен ближе к юго-восточной стенке, частично против входа в жилище. Он был в значительной мере размыт делювиальными потоками, поэтому очажная масса была разнесена по всему полу жилища. Несмотря на размытость, из приочажной конструкции сохранились во вкопанном состоянии, хотя и с большим наклоном, бедренная, большая берцовая и половина плечевой кости мамонта, стоявшие вплотную к обращенной внутрь жилища лобной части черепа. Среди трубчатых костей, лежащих рядом, И.Г.Пидопличко выделяет и кости, служившие вертелами.

Развалины этого жилища наиболее повреждены в связи со значительным уклоном древней поверхности в сторону Росавы, общее количество костей, включая ребра и позвонки порядка 300. Черепов - 17, плюс найденный около жилища череп утробного или новорожденного детеныша. 6 черепов принадлежали, судя по описанию, молодым животным, 9 полувзрослым и только 2 взрослым. Это частично расходится с данными табл. 4. Нижние челюсти - 12: 4 молодых особей, 6 полувзрослых, 1 взрослой и 1 старой. Бивни - 11 в жилище и 2 вне его, один из них принадлежал очень молодой особи. Лопатки - 29: 1 молодой особи, 16 полувзрослых, 12 взрослых. У двух лопаток были сбиты гребни. Плечевые - 15: 1 утробной или новорожденной особи, 3 молодых, 9 полувзрослых, 2 старых. Локтевые - 10: 2 молодых особей, 4 полувзрослых, 4 взрослых. Одна кость с приросшей лучевой. Лучевые - 7, вместе с упомянутой. Тазовые - 22: 5 молодых особей, 7 полувзрослых, 9 взрослых, 1 старой. Бедренные - 20: 1 утробной или новорожденной особи, 6 молодых, 7 полувзрослых, 6 взрослых. Большие берцовые - 18: по две от утробных или новорожденных, а также молодых, 13 полувзрослых, 1 взрослой. Особенно много этих костей в обкладке жилища. Ребра - 65. Позвонки - 2 анатомические группы и 84 отдельных позвонка, в том числе 2 атланта, 2 эпистрофея и 2 крестца.

Жилище 4. Открыто в 1976 г. к юго-западу от структур 1 и 2 методом ручного бурения. В раскопе, заложенном в 1978 г., расчищено мощное скопление костей мамонта в форме неправильного овала размерами 5.85x4.62 м, ориентированного по линии запад-восток. В состав внешней обкладки примерно в равной пропорции входят черепа, нижние челюсти, лопатки, тазовые и трубчатые кости. В центральной части развалин находилось 39 бивней. 3 трубчатые кости на краевых участках вкопаны в вертикальном положении. Отдельные плоские кости имеют искусственно сделанные отверстия округлой и неправильной формы. Некоторые кости окрашены охрой. Характерно симметричное расположение костей во внешней обкладке, в том числе своеобраз-

ных колонок, составленных из нижних челюстей мамонта, аналогичных "со-сенкам" жилища 1 (Гладких, Корниец 1979). Жилище не закончено исследованием и опубликовано лишь предварительно (Gladkih et al., 1984). Отмечено, что подобно другим структурам из костей мамонта, жилище 4 имеет основную стену почти округлой формы, в которой чередовались сегменты, составленные разными костями: один сегмент повторяет рисунок нижних челюстей жилища 1, другой сложен из трубчатых костей как в жилище 2. Вместе с тем, образцы, выявленные в других структурах, здесь слегка варьируют. Если в жилище 1 все нижние челюсти уложены подбородочными выступами вниз, то повторная аранжировка в жилище 4 включает две колонки с подбородочными выступами вниз рядом с одной колонкой подбородками вверх. Еще в одном сегменте стены по бокам черепа были одинаковые устройства из двух лопаток и таза, которые образуют зеркально-симметричное отражение одно-другого. Стена заполнена кусками позвоночного столба, также образующими ритмичный рисунок. Обкладка юго-восточной стены жилища выполнена только черепами, плотно примыкающими один к другому.

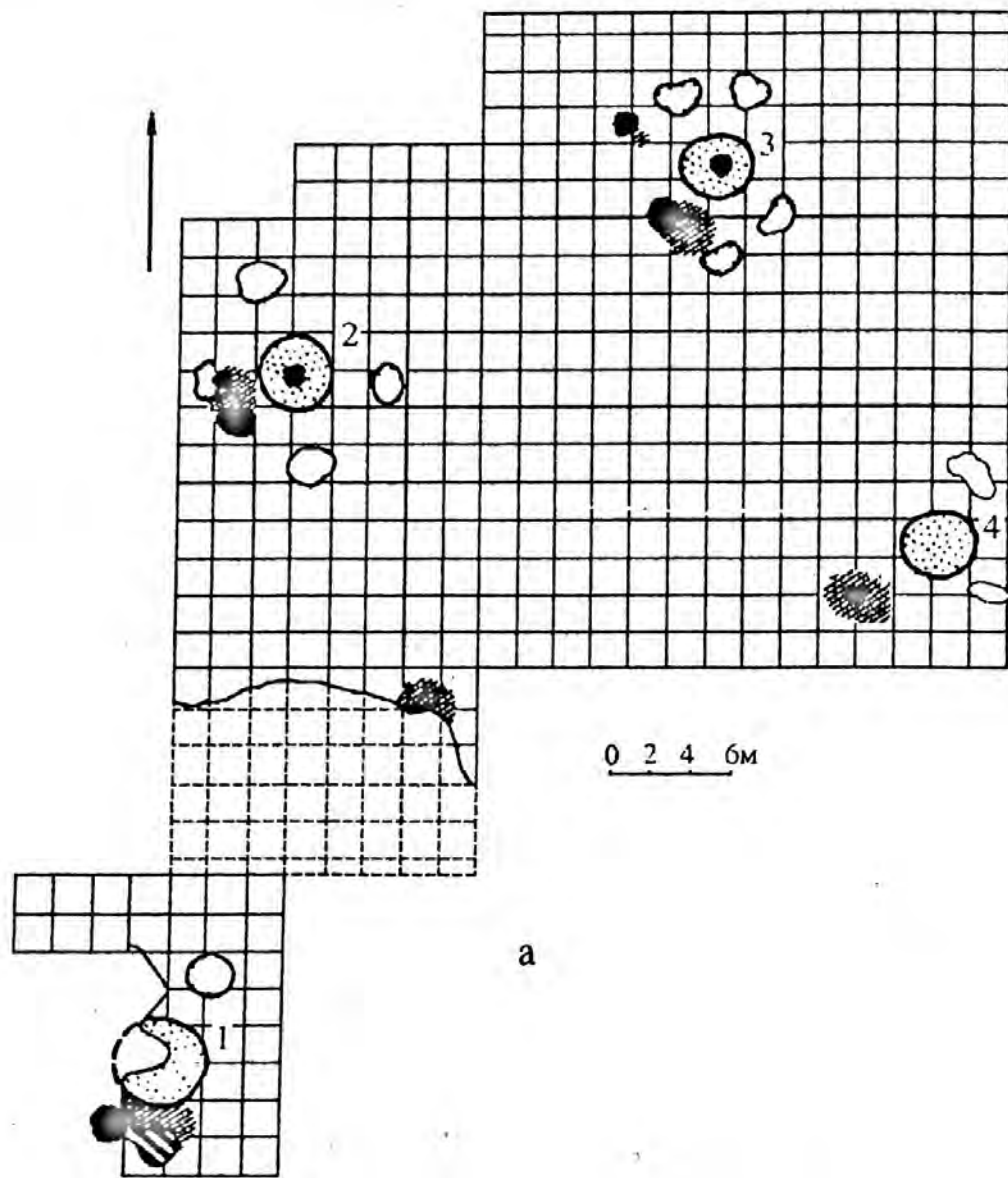
Анализ анатомического и возрастного состава костей мамонта из межиричских жилищ заслуживает особого внимания. В этой связи интересно замечание И.Г.Пидопличко, что нижние челюсти, а также плоские и трубчатые кости от одних и тех же особей находились в разных жилищах (Пидопличко, 1976, с. 225). Это не совсем понятно в отношении нижних челюстей. Сопоставлялись ли они с черепами, что заведомо очень сложно, или в разных местах встречались обломки одной и той же нижней челюсти? Описание и подсчет костей мамонта убедительно показывает, что обитатели межиричского поселения занимались хорошо развитой дифференцированной охотой. Нет никаких сомнений, что "мамонт был самым крупным и самым важным охотничьим животным" (там же, с. 221). В качестве объекта охоты на втором месте был заяц. Число его остатков во много раз превышает число других животных (исключая мамонта), вместе взятых: 2576 костей от 73 особей. По всем признакам, его добывали не только ради мяса, но и меха. Северный олень (37/10) и бизон (17/6) также были объектами охоты. Значительно реже встречается лошадь (2/2). Широко представлены хищные: песец (146/11), волк (79/12), россомаха (59/8). Любопытно, что среди грызунов полностью отсутствуют лемминги. Отмечено большое количество птиц, в том числе особенно белая куропатка (66/21). Фаунистические остатки позволили определить сезон охоты (Корниец, Гладких и др., 1981, с. 116). Так, преобладание среди костей мамонта молодых животных и наличие утробных детенышей указывает на осенне-зимний сезон охоты. Крупных зверей добывали в зимнее время, поскольку их кости принадлежат взрослым животным. О весенне-летней охоте на северного оленя можно судить по обломкам черепов с отпавшими рогами. Водоплавающих птиц (лебедя, гуся, утку) добывали летом. В целом, фауна Межирича носит лесостепной облик. Палинологические анализы характеризуют климат во время существования стоянки как сухой и относительно хо-

лодный, однако, теплее, чем в максимальную фазу оледенения на прилегающей с севера территории.

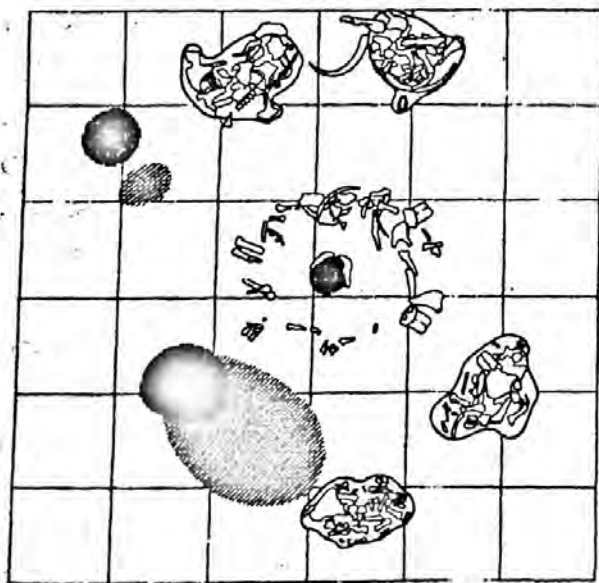
Что касается времени существования стоянки, то, оставляя в стороне нетрадиционные взгляды И.Г.Пидопличко на возраст межиричского поселения, следует взять за основу многочисленные радиоуглеродные датировки, расположенные в диапазоне от 19 тыс.лет назад до 11 тыс.лет назад, т.е. разброс дат еще более велик, чем в частности в Юдинове. Любопытно, что жилище 1 дает и наиболее древнюю дату $19\ 280 \pm 600$ (КИ-1058) и одну из самых молодых - $12\ 900 \pm 200$ (ОхА-709), обе по кости мамонта.

Стоянка **Добраничевка** на левом берегу р.Супой, левом притоке Днепра в 130 км к юго-востоку от Киева представляет собой один из редких случаев на Русской равнине поселения, исследованного на всей сохранившейся площади - около 2 000 кв.м, к сожалению поврежденной до раскопок. Здесь обнаружены остатки четырех хозяйственно-бытовых комплексов: округлых костно-земляных жилищ аносовско-мезинского типа с ямами-хранилищами, очагами и площадками для обработки кремня (рис. 10). Общий план поселения не привязан к реке, возможно существование еще одного комплекса, о чем свидетельствуют остатки рабочей площадки. Даны также достаточно упрощенные планы 2-го и 3-го комплексов, на которых вместо скоплений костей в жилищах представлены лишь отпрепарированные кольцевые ограждения цоколей (Шовкопляс, 1972а, рис. 1, 3, 4).

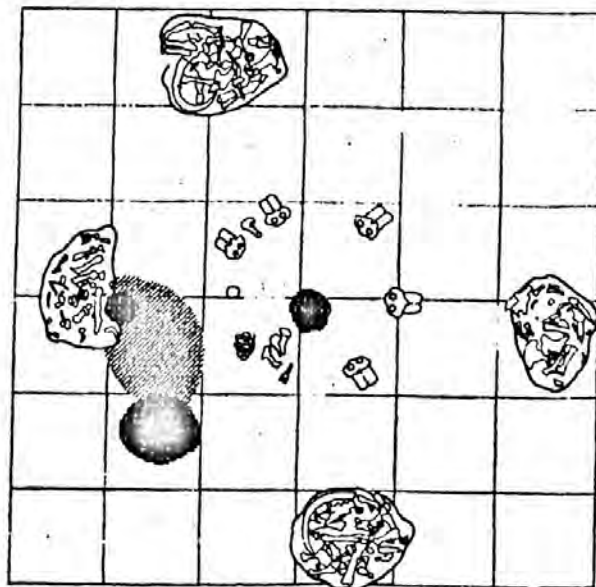
Комплекс 1 (1953 г.) - округлое в плане жилище с поврежденной земляными работами западной частью, диаметром 3.8 м, имело отчетливо выраженный наземный характер (Шовкопляс, 1955, 1972а). Во время раскопок остатки жилища представляли собой скопление костей мамонта. По краю его находились наиболее крупные кости, в частности 10 черепов, вкопанных в землю альвеолами и сохраняющих вертикальное положение, с небольшим наклоном к центру. Все черепа своими лобными плоскими костями были направлены внутрь жилища. Между сохранившимися черепами цоколя, по свидетельству И.Г.Пидопличко (1969, с. 70) были вкопаны 2 лопатки, 3 плечевые, локтевая, 3 тазовых, бедренная и большая берцовая кости. Если учесть и разрушенную часть жилища, продолжает И.Г.Пидопличко, то всего, кроме 10 черепов, на сооружение цоколя пошло не менее 29 целых трубчатых и плоских, а также около 50 обломков крупных костей мамонта. В качестве дополнительного материала для укрепления цоколя и придавливания перекрытия было использовано 18 нижних челюстей и около 30 бивней, из которых 24 находились главным образом в центре, а обломки 6 бивней обнаружены в разрушенной части сооружения. Отдельно упоминаются 17 лопаток. Таким образом, здесь представлено 125 костей (считая крупные обломки) от 18 особей мамонта. Внутри жилища очаг отсутствовал, он, видимо, размещался снаружи, где сохранилась лишь "выгребная яма", куда, по мнению И.Г.Шовкопляса, бросались зола и угли при очистке лунки. Около южной стенки жилища 1 находилась рабочая площадка с довольно большим количеством расщепленного кремня, а в 2 м к северо-востоку - крупная яма-хранилище, округлая в плане и суженная к низу

а

б

в

Рис. 10. Добраничевка:

а - план поселения, б- жилища 3,

в - план жилища 2 (Шовкопляс, 1972а).

(верхний диаметр около 2 м, нижний - 1.7 м); глубиной около 1 м. Яма была плотно забита костями животных, главным образом, мамонта. Некоторые из костей имели следы погрызов хищниками, а также частичной обработки и использования.

Комплекс 2 (1967 г.) - округлое в плане жилище диаметром 4 м с кольцевым ограждением, аналогичным цоколю жилища в комплексе 1. Многие черепа (число не указано) сохраняют вертикальное положение. В центре жилища находился линзовидный очаг размерами 1x0.8 м и глубиной около 20 см, заполненный костным углем и золой. За пределами жилища размещались два очага. Один размерами 1.8x1.4 м (Шовкопляс, 1972а, с. 179, 180) или 1.4x1.3 м (Толочко, 1968, с. 186) мощностью до 10 см не имел заметного углубления и представлял собой скопление угля и золы. Второй такой же, но значительно меньший по размерам (диаметр 0.5 м), очаг расположен на рабочей площадке к западу от жилища, частично затрагивая край ямы-хранилища. Жилище окружали 4 ямы, они имели овальные очертания, размеры от 1.6x1.2 до 2.8x2.0 м, немного сужены ко дну, глубину от 0.5 до 1 м. Кости в ямах залегали бессистемно, но очень плотно. К сожалению, как и в других случаях, состав и количество костей в ямах не приводится; судя по планам, представлены различные кости мамонта, кроме черепов.

Комплекс 3 (1969 г.) - округлое в плане жилище диаметром около 4 м (Шовкопляс, 1970, 1972а,б, 1974; Шовкопляс и др., 1981) представляло собой скопление костей мамонта, по краю которого находились наиболее крупные элементы: черепа, бивни, лопатки, тазовые и кости конечностей, иногда сохраняющие свое первоначальное положение в конструкции. Все черепа были повернуты к центру лбами, плоские и горизонтально лежащие по краю трубчатые кости были обращены концами к центру скопления, создавая все вместе почти сплошное кольцевое ограждение, внутри которого находились более мелкие и легкие - лопатки, ребра, небольшие бивни. Количество костей в северо-восточной половине скопления было значительно большим, чем в западной, и залегали они более плотно, т.е. обкладка стен сооружения была особенно мощной для защиты от зимнего холодного ветра. Вход в жилище находился с юго-западной стороны. В центре постройки расчищен небольшой округлый в плане очаг диаметром 0.7 м и глубиной в центре до 17 см. Его северная половина была обставлена двумя крупными тазовыми костями мамонта, внутренняя поверхность одной из них сильно обгорела. К северо-западу и к юго-западу от жилища располагались два округлых очага диаметром 1.7 и 1.2 м, не углубленных, но с большим содержанием костного угля и золы. Рядом с ними обнаружены рабочие площадки по обработке кремня. Как в комплексе 2, в состав третьего комплекса входили 4 крупные ямы-хранилища неправильно овальные в плане размерами от 2.1x1.5 до 2.5x1.7 м, глубиной до 1 м. Кости лежали плотно, бессистемно. По планам можно установить бивни, лопатки, обломки тазовых, трубчатые, кусок позвоночника.

Комплекс 4 (1970 г.) - округлое в плане жилище диаметром около 4 м (Шовкопляс, 1971, 1976). Как и в скоплениях костей на местах жилищ в трех

предыдущих комплексах; более крупные из них располагались по краю, а более легкие занимали внутреннюю часть. Аналогично жилищу комплекса 3, количество костей в северо-западной половине скопления было более значительным, они залегали плотнее, чем в юго-западной части, где находился вход. Расположение двух бивней свидетельствует, что вход мог быть устроен в виде арки, острые концы бивней сходились наверху. В центре постройки находился очаг в виде круглого, диаметром 0.7 м, линзовидного углубления, заполненного костным углем и золой и глубиной очага более 10 см ниже уровня пола. К юго-западу от жилища сохранились большие скопления кремня и кости в различных стадиях обработки. Там же располагался и крупный очаг. Вокруг жилища расчищены 4 ямы-хранилища. Самая крупная размерами 2.5x1.5 м и глубиной 0.8 м доверху заполнена целыми крупными костями мамонта; три другие, значительно меньших размеров и менее глубокие содержали, немного мелких костей, частично использованных.

В результате изучения Добраничевки И.Г.Шовкопляс пришел к следующему выводу: "Хозяйственно-бытовые комплексы стоянки, принадлежавшие, вероятнее всего, парным семьям, располагались на ее площади по кругу, образуя между собой свободное пространство, эпизодически использовавшееся обитателями стоянки для той или другой цели. Основные культурные остатки стоянки были сосредоточены на площади отдельных четко обособленных хозяйственно-бытовых комплексов" (Шовкопляс, 1971, с. 229-230).

По данным И.Г.Шовкопляса (Шовкопляс и др., 1981, с. 103-104), в Добраничевке собрано 2766 костей мамонта от 91 особи. Заслуживает внимания, что северный олень (30/5) представлен в основном орудиями из рога и отдельными костями конечностей. Единичность костей зубра (2/1), овцебыка (2/1), шерстистого носорога (2/1 и росомахи (1/1), можно объяснить редкостью или спорадичностью появления этих животных в окрестностях Добраничевки (Пидопличко, 1969, с. 68, прим. 1) или охотой на них вдали от стоянки (Шовкопляс и др., 1981, с. 104). Значительно шире представлены пушные звери: песец (64/7), волк (53/3), медведь (13/1), заяц (3/2). Интересны находки анатомических групп костей песцов - целых скелетов или отдельных их частей. Редкой находкой является череп бурого медведя. Следует учитывать, что приведенные цифры являются заниженными, поскольку одно жилище и две ямы являются нетронутыми музейными экспонатами, к тому же часть культурного слоя была разрушена до раскопок.

Для Добраничевки имеется лишь одна радиоуглеродная дата: 12 700±200 (ОхА-700), по зубу мамонта. Она не кажется соответствующей действительности, поскольку некоторые другие даты, полученные в Оксфордской лаборатории по зубам мамонта, представляются омоложенными (Бердыж, Чулатово 1, Межирич, Юдиново). С другой стороны, интересно замечание И.Г.Пидопличко, что Добраничевка является как бы одним из последних памятников деятельности охотников на мамонта. Обитатели стоянки беспощадно уничтожали мамонтов: "... из всех 28 особей убитых мамонтов только 2 были старых, 3 - взрослых, 20 - полувзрослых и 3 совсем молодые (до 5 лет). Следовательно, в

основном истреблялось маточное поголовье этих животных" (Пидопличко, 1969, с. 69). И.Г.Шовкопляс находит, что жилища Добраничевки близки к сооружениям в Мезине и Гонцах (1965а, с. 264). Позже он сопоставляет Добраничевку по ее характерным особенностям с Гонцами и Межиричем (Шовкопляс и др., 1981, с. 106).

Наконец, 4 жилища из поселения Юдиново на Судости неравноценно представлены в печати. Многие данные о первых двух жилищах, особенно втором, отсутствуют. Общие сведения о памятнике и о последних двух жилищах см. в предыдущих выпусках, посвященных Юдинову (Абрамова, 1995; Абрамова, Григорьева, Кристенсен, 1997).

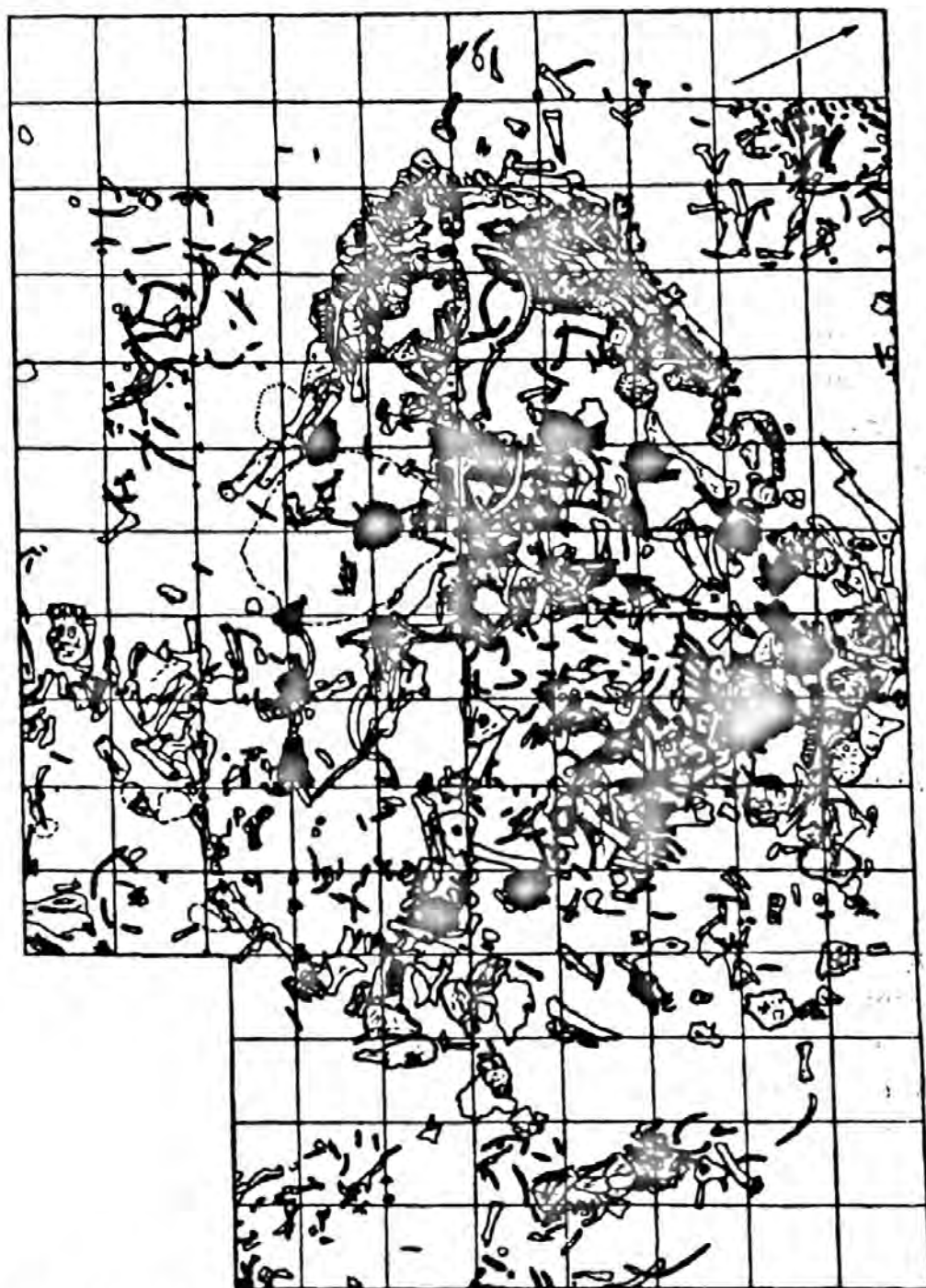

Рис. 11. Юдиново. Жилище 1
(Поликарпович, 1968; Сергин, 19746).

Жилище 1 исследовано К.М.Поликарповичем в 1947 г. очень важно замечание К.М.Поликарповича о приоритете этого открытия, поскольку "анало-

гичных сооружений на других стоянках верхнего палеолита раньше встречено не было" и только позже остатки подобных жилищ были найдены в Аносовке 2, Добраничевке и Костенках 2 (Поликарпович, 1957, с. 10). К сожалению, материалы раскопок 1947 г., оставались малоизвестными и были опубликованы лишь посмертно, благодаря стараниям А.Н.Рогачева (Поликарпович, 1968). Жилище представляет собой скопление костей мамонта в виде неправильного овала размерами 9.5x9 м (рис. 11). Толщина ограждения местами достигает 1 м. Внутренняя часть стен состояла, как правило, из черепов мамонта, поставленных вертикально, альвеолами вниз и лобными костями внутрь сооружения. На северном и западном участках преобладали трубчатые кости конечностей, главным образом, плечевые, бедренные, большие и малые берцовые. Они не всегда лежали горизонтально, некоторые занимали наклонное или почти вертикальное положение. Отмечены половины тазовых костей и лопатки и менее многочисленные нижние челюсти. очень редко в описании упоминаются бивни, хотя в заключении говорится и массовом нахождении "сравнительно больших черепов мамонта с иногда уцелевшими бивнями и зубами" (Поликарпович, 1968, с. 185). Обнаружено несколько кусков позвоночного столба по 10-12 позвонков в неповрежденной анатомической связи. Внутреннее пространство было заполнено множеством ребер.

Точных данных о количестве костей мамонта не приводится, упоминается 30 черепов и характерные для всех юдиновских жилищ кости, снабженные намеренно пробитыми отверстиями: 7 тазовых, 20 лопаток и 6 бедренных. В отверстие одной из лопаток было продето довольно длинное ребро. Отмечено также, что концы двух бедренных костей лежали один на другом и на каждом из них сделано по отверстию, которые совпадали. В западной части ограждения находилось очажное пятно. Все это позволило К.М.Поликарповичу определить скопление костей как развалины жилища - одну "из первых весьма полно выраженных древнейших архитектурных форм" (там же, с. 153). Но если, согласно К.М.Поликарповичу, внутренняя полезная площадь сооружения составляла около 46 кв.м. то, по В.Я.Сергину, она будет менее 25 кв.м. Опираясь, главным образом, на аналогии с другими жилищами В.Я.Сергин считает, что данная конструкция имела в основании круг из 17 черепов мамонтов с внутренним диаметром около 5 м. Выкладки из костей мамонта, вероятнее всего, по мнению В.Я.Сергина, служили для утепления жилища и защиты его от сточных вод (Сергин, 1974б). Это наблюдение особенно касается северо-западной части ограждения, которая придает жилищу вид прямоугольника, чего на самом деле не было.

Жилище 2 исследовано К.М.Поликарповичем в 1947 г. и В.Д.Будько в 1964 г., но не опубликовано в должной мере (Поликарпович, 1957; 1968; Будько, 1966, рис. 1). Оно имело, скорее всего не овальную, как думал В.Д.Будько, а круглую форму, поскольку юго-восточная часть ограждения, как бы срезана по прямой линии (рис. 12). Это легко объясняется наличием ямы от колхозного погреба, названной К.М.Поликарповичем раскопом I, разрушившей культурный слой. Это подтверждает и фотография. любезно предо-

ставленная мне Л.М.Тарасовым, где соответствующая стенка раскопа с жилищем 2 состоит из мешанной земли. размеры сохранившегося скопления костей мамонта по внутреннему овалу - 3.4 м, по внешнему - до 5 м. В.Д.Будько отмечает, что основание жилища было несколько углублено в землю. Из его полевого отчета за 1964 г. следует, что в сооружении было использовано 7 черепов мамонта; 11 нижних челюстей; 2 бивня; 16 лопаток, почти все они имели отверстия в плоской части, иногда в гребне; 3 обломка тазовых костей; 6 бедренных, 25 больших берцовых, 2 малых берцовых, одна из которых находилась в явной связке с большой берцовой, другая предположительно; 6 плечевых костей, которые вместе с бедренными и берцовыми расположены по всей длине восточной стенки ограждения. Локтевые кости не отмечены. Лучевых костей - 3, хотя, судя по чертежу, определение двух из них сомнительно. Таким образом, вместе с неопределимыми костями, во внешнем ограждении насчитывается 81 кость, кости внутри жилища не учтены.

Рис. 12. Юдиново. Жилище 2 (Будько, 1966).

Жилище 3 (рис. 13), открытое в 1981 г. имеет округлую форму диаметром 5 м (Абрамова, 1995, с. 28-77). Внутренняя часть углублена в землю на 50-60 см. Стены цоколя толщиной около 1 м состоят, прежде всего, из вкопанных в землю альвеолами черепов мамонта, хрупкие теменные и затылочные кости которых, находясь сверху, оказались разрушенными. Некоторые из черепов потеряли свое первоначальное положение, но в целом, они расположены группами по три, реже четыре, и укреплены лопатками и тазовыми костями. Часть ограждения, наиболее массивная и сложная, образована переплетением из 8 бивней, помещенных дугами вверх и опирающихся на черепа и другие кости. Всего в сооружении жилища 3, не считая многочисленных ребер и позвонков с длинными остистыми отростками, принимало участие 150 костей, из них 32 черепа и 31 трубчатая кость.

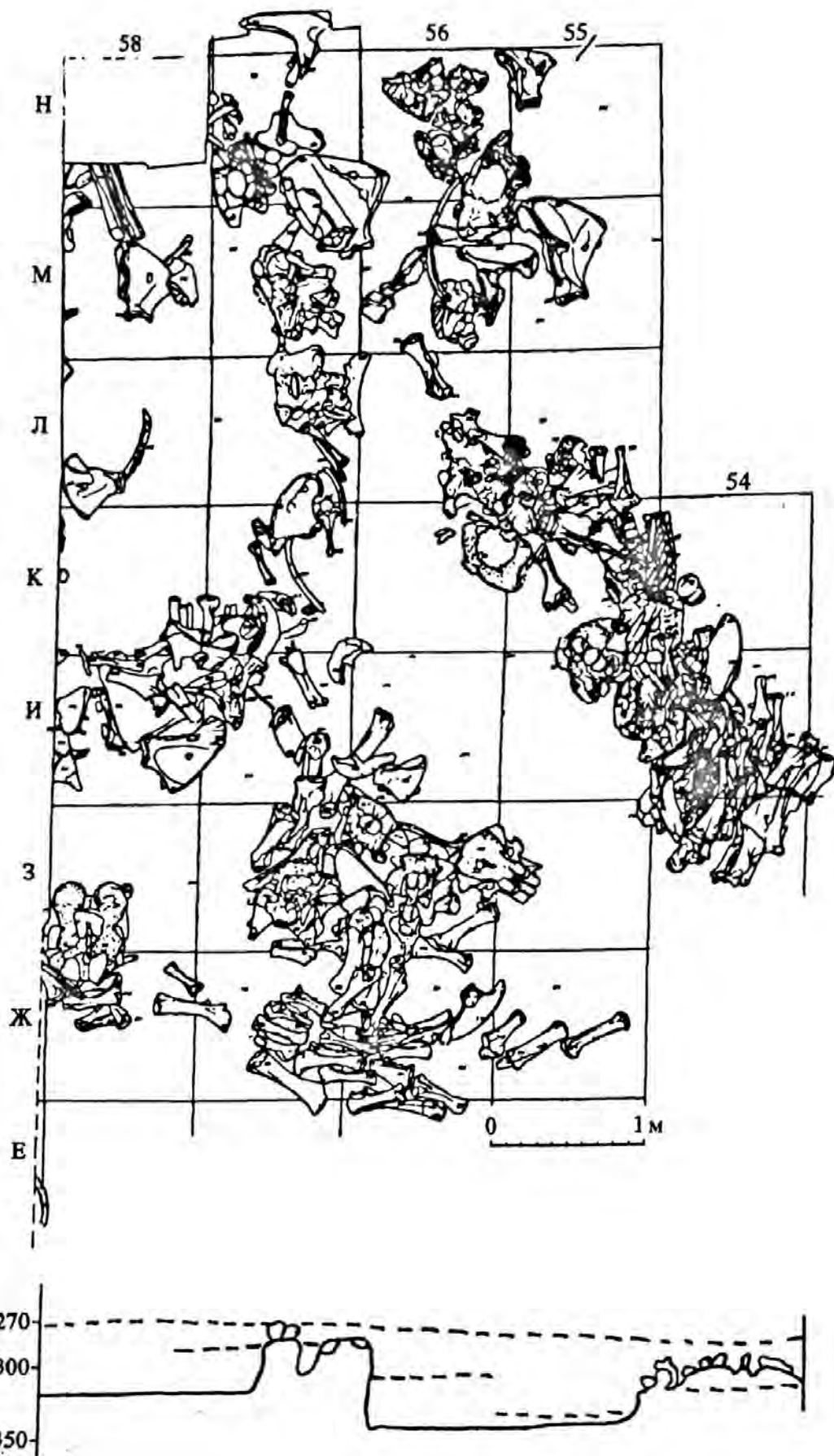

Рис. 14. Юдиново. Жилище 4.

Жилище 4 (рис. 14), обнаруженное в 1983 г. в непосредственной близости от жилища 3, вскрыто не полностью, его западная стенка уходит под стенку павильона, но можно предполагать, что оно имело округлую форму и

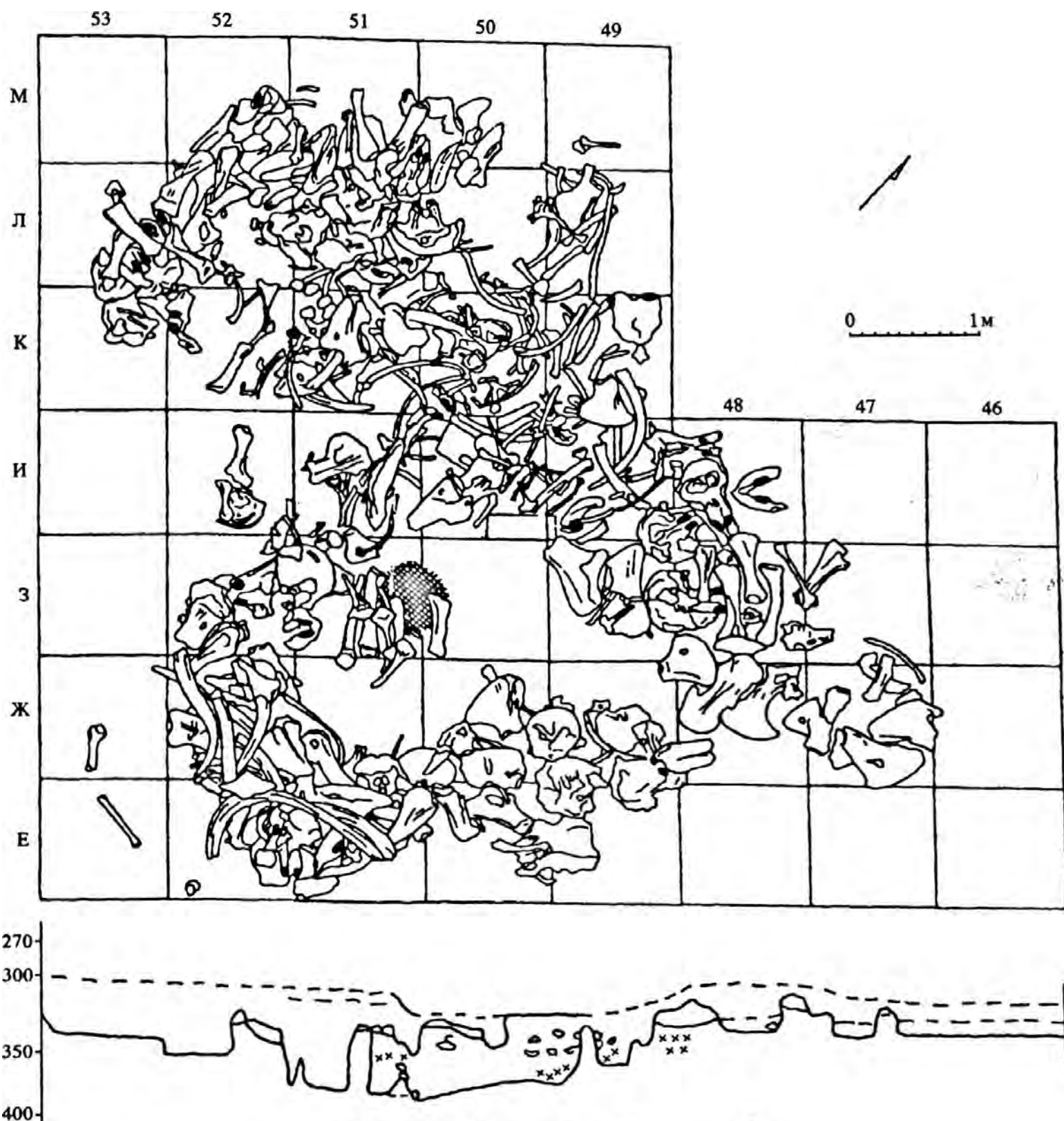

Рис. 13. Юдиново. Жилище 3.

диаметр около 5 м (Абрамова, 1995, с. 77-105). В ограждении мало черепов и совсем нет бивней. Восточный участок состоит из пяти кусков позвоночного столба с различным количеством позвонков в анатомической связи. Многочисленные трубчатые кости (из 152 крупных костей расчищено 19 черепов и 90 трубчатых), преимущественно молодых животных, уложены рядами - "поленицами", по выражению К.М.Поликарповича, отметившего такие ряды в жилище 1. Особенностью жилища 4 является своего рода "ход" или "лаз", длиной около 2 м и внутренней шириной до 70 см, построенный из черепов, лопаток и трубчатых костей.

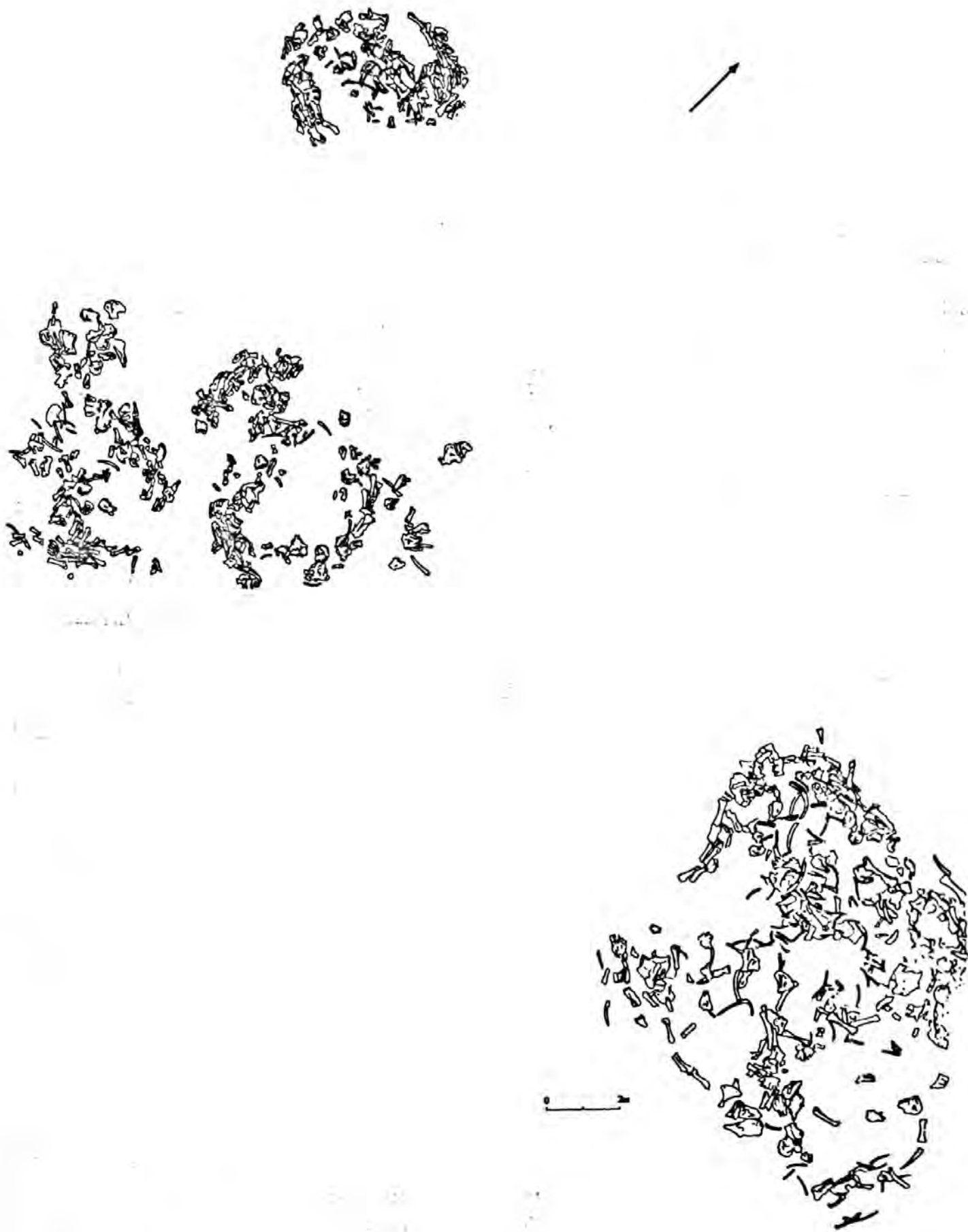

Рис. 15. Юдиново. План поселения (составлен Г.Г.Сорокиной).

Общим для всех юдиновских сооружений является наличие вкопанных черепов как основы конструкции и широкое использование костей, прежде всего, лопаток с намеренно пробитыми отверстиями. Каждое из жилищ Юди-

нова имеет и свои специфические черты, приведенные здесь лишь попутно. В частности, на рис. 13-14 наглядно показано различие между наземным жилищем 4 и углубленным в землю жилищем 3, но в целом эти структуры обнаруживают больше сходства между собой, чем с любым жилищем, отнесенным к аносовско-мезинскому типу. С жилищем из Аносовки 2 (слой 1а) особенно роднит углубленный характер трех из них, черта, которая не отмечена у прочих сооружений; с мезинской постройкой сближают размеры и форма, примерное число использованных черепов; с межиричскими конструкциями - размеры, такие детали как выкладка сегментов цоколей из рядов трубчатых костей и намеренно пробитые отверстия на костях. Наименьшее число признаков юдиновские жилища имеют с добраничевскими, наибольшее с постройкой из Костенок 2. План поселения Юдиново не обнаруживает какой-либо закономерности, он безусловно не полон и дальнейшие раскопки на этом ограниченном мысу могут обнаружить и другие структуры. (рис. 15).

Что касается фауны, то в общей сложности на Юдиновском поселении учтены как минимум кости 90 особей мамонта. К фауне из старых раскопок, определенной В.И.Громовым, Н.К.Верещагиным и И.Е.Кузьминой (Абрамова, 1995, с. 9), следует добавить следующие предварительные данные о костных остатках из раскопок 1980, 1983-1985, 1987-1990 г.г., любезно сообщенные мне И.Е.Кузьминой. Было определено 18 тысяч костей от 10 видов млекопитающих: мамонт - свыше 50 особей, песец - 140 особей, овцебык, впервые обнаруженный на стоянке - 34 кости, северный олень - 50 костей, лошадь - 3 кости (из них 2 зуба), сурок - 17 костей, в том числе череп и 2 нижние челюсти, волк - 45 костей, медведь бурый - 8 костей (4 метаподии и 4 фаланги) медведь пещерный (эпифиз бедренный и 3 ребра), мелкий хищник - 1 метаподия. Кроме того, определены птицы - 29 костей (в том числе 2 плечевых гуа 7 костей орла, 1 кость филина). Специально были изучены 1703 кости песца т.е. 96% от общего количества материала, исключая мамонта (Кузьмина, Саблина, 1993). В результате этого исследования, с привлечением данных из Елисеевичей, был выделен новый подвид песца *Alopex lagopus rossicus subsp. nova*.

ХАРАКТЕРИСТИКА ЖИЛИЩ АНОСОВСКО-МЕЗИНСКОГО ТИПА.

Как уже говорилось, аносовско-мезинский тип костно-земляных жилищ выделен А.Н.Рогачевым на основании четырех основных характерных черт: округлые в плане, наземные, сложенные из большого количества костей мамонта и окруженные двумя-четырьмя ямами-кладовыми. Для сравнительного анализа жилищ этого типа можно выделить доминанты с одной стороны расширяющие положения А.Н.Рогачева, с другой, вносящие некоторые исправления. Прежде всего, окружающие ямы не имеют прямого отношения к жилищу, они входят вместе с ним в жилой комплекс, который также может иметь свои специфические черты.

Жилища аносовско-мезинского типа различаются по размерам (внешним и внутренним), количеству костей (особей), примененных для их сооружения, характеру (наземные, углубленные), форме (округлые и овальные), конструктивным деталям (наличие в стене переплетения бивней, кусков позвоночника, кладки из нижних челюстей, выкладок из трубчатых костей: горизонтальных, наклонных и вертикальных; наличие костей с отверстиями), наличию и расположению входа (с юга, с другой стороны), наличию очага (внутри, в непосредственной близости снаружи).

1. **Размеры**, включающие внешний и внутренний диаметры (или площадь). Самые крупные жилища отмечены на Дону: в Аносовке 2 диаметры 9 и около 7 м, в Костенках 2 - 8х6.5 и около 7 м. К ним близки размеры жилища 1 из Юдинова: 9.5х9 м, как показал В.Я.Сергин, за счет внешних обкладок, при внутренней площади примерно 25 кв.м. Жилище 1 из Межирича имеет по внешнему контуру 5.85х7 м и внутреннюю площадь 23-24 кв.м. И.Г.Пидопличко отметил, что такие крупные размеры объясняются наличием защитной оболочки из нижних челюстей мамонта. Несколько меньшие размеры имеют жилища 2 и 4 из Межирича с площадью по внешнему периметру 28 и 27 кв.м и внутренним пространством в 20 кв.м. У мезинского жилища внешний диаметр менее 6 м и внутренняя площадь также 20 кв.м. Возможны подобные размеры у жилищ из Супонева, Гонцов, Кирилловской. Любопытно, что 3 жилища из Юдинова (2-4) при внешнем диаметре 5 м обладали большей толщиной цоколя и их внутренняя площадь не превышает 12 кв.м. Эта площадь была, по-видимому, и у жилища 3 из Межирича. В Добраничевке наибольший диаметр основания 4 м и жилое пространство равно 12-12.5 кв.м. Таким образом, разброс пригодной для жилья площади достаточно велик, оптимальной можно считать 20 кв.м.

2. **Количество использованных костей** мамонта и их набор различны и не обнаруживают прямой зависимости от размеров жилища. Естественно, приведенные ниже цифры в ряде случаев достаточно условны, хотя количество черепов, составляющих основу цоколя во всех без исключения жилищах, может считаться достоверным. В некоторых случаях число особей подсчитывалось по другим костям, в частности по нижним челюстям. Для общего количества костей учитывались черепа, нижние челюсти, бивни, лопатки, тазовые и длинные кости конечностей, т.е. кости, имеющие конструктивное значение.

Если считать по числу черепов, то первое место (46), также как и по особям (95 по числу нижних челюстей), занимает жилище 1 Межирича при 180 других костях. Это находится в противоречии, с одной стороны, с жилищем 4 в Межириче (40 черепов и 105 других костей) и, с другой стороны, с жилищем в Аносовке 2 (36 черепов и 527 костей). Жилище 2 в Межириче составляли 34 черепа и 271 кость. Далее идут юдиновские жилища 3 (32 черепа и 118 костей) и жилище 1 (30 черепов при неизвестном общем количестве костей). В Мезине 18 черепов мамонта дополняются другими костями, в числе которых 58 лопаток, других костей 159, а число особей достигает 30. В жилище 3 Межирича отмечено 17 черепов и 146 других костей. Наименьшее число

черепов (10) в жилище 1 Добраничевки (единственном, данные которого доступны), где число особей 18 по нижним челюстям и 52 других кости, и в жилище 2 Юдинова - 7 черепов, 11 особей по нижним челюстям, учтено всего 77 костей (числа, по всей вероятности, неполны). Данные по Костенкам 2 обобщены, по подсчетам И.Г.Пидопличко, собрано около 2 000 разных костей, принадлежащих 28 особям. Несомненно сюда включены особенно многочисленные повсюду ребра и позвонки, которые в других случаях не учитывались. Итак, количество использованных черепов колеблется от 7 до 46, количество особей от 11 до 95 и количество костей от 80 до 563.

3. Характер жилища по отношению к окружающей почве. А.Н.Рогачев отмечал, что постройки этого типа могли быть и наземные, и углубленные в землю. Примером этого служат жилища Юдинова: 4 - отчетливо наземное, 1-3 - отчетливо углубленные в землю не менее чем на 50 см по сравнению с древней земной поверхностью. В Добраничевке уровень пола жилища 1 в среднем на 20 см ниже поверхности, на которой отложился культурный слой, а в жилищах 2 и 3 И.Г.Шовкопляс упоминает, что они наземные. В жилище Аносовки 2 отмечена легкая заглубленность. Жилище Костенок 2, по свидетельству П.И.Борисковского, было наземное, пол его почти не углублен по сравнению с древней поверхностью. В Межириче, по И.Г.Пидопличко, пол не углубляли, а просто вкапывали кости цоколя.

4. Форма. Локализация скоплений костей на площади стоянок дает очень четкие, как правило, округло-овальные очертания. В Аносовке 2, Мезине и Добраничевке - это почти правильный круг; в Межириче структуры имеют различные разновидности овала: 3 - округло-овальную, 1 и 4 - овальную, - неправильно-овальную. Очертания жилища в Костенках 2 напоминают не правильный пятиугольник, возможно за счет некоторого сползания костей по склону. Различны по форме цоколи жилищ в Юдинове: 1 может быть отнесен к неправильно-овальным; 2, вероятно, был округлым, но одна стенка уничтожена поздней ямой; 3 - округлый, снабженный странной "пристройкой", о форме 4 судить трудно, так как он вскрыт неполностью.

5. Особые конструктивные детали. При несомненном сходстве всех жилищ аносовско-мезинского типа каждое обладает своими особыми конструктивными деталями даже на одном поселении. Обязательным элементом - основой устойчивости цоколя являются намеренно вкопанные черепа. Прием вкапывания, как отметил И.Г.Пидопличко, не был строго определен. Черепа располагались парами (Аносовка 2), парами или группами по 3-4 (Юдиново, жилище 3). В Юдинове (жилище 1), Межириче, Добраничевке черепа были вкопаны в землю альвеолами и лобные кости направлены внутрь жилища. В Мезине черепа лежат на затылочных костях, но лобные кости направлены также внутрь структуры. Часть черепов, входивших в ограждение в Мезине и в жилище 4 Межирича, сохранила в альвеолах один или два бивня. В Добраничевке также найдены три черепа молодых мамонтов с бивнями.

Остальные детали цоколя свидетельствуют о целесообразной укладке костей и определенной их сортировке для заполнения пространств между

черепами или для укрепления черепов. Часть стены состоит из сложного переплетения бивней в Костенках 2 (15 экз.), в жилище 3 Юдинова (8 экз., дополненные другими костями). Часть стены состоит из кусков позвоночника, содержащих до 9 позвонков в анатомической связи и даже более. Обнаруженные в Костенках 2 эти группы рассматривались П.И.Борисковским как мясные запасы, принесенные на стоянку, однако, бесспорное вхождение таких кусков в стенки жилищ 1, 2, 4 Юдинова и всех жилищ Межирича свидетельствует об их роли в качестве строительного материала вскоре после снятия с них мяса. Часть внешней обкладки цоколя состоит из рядов вложенных друг в друга нижних челюстей: Межирич, жилища 1 и 4, особенно выразительные в первом; Аносовка 2. Некоторые участки стен сложены в виде выкладки из трубчатых костей. В Костенках 2 длинные кости конечностей вкопаны в суглинок и подстилающий его песок под углом 45° и больше. Верхние концы костей наклонены внутрь скопления. Они образуют, по словам П.И.Борисковского, нечто вроде полуповаленного забора, окаймляющего скопление. Подобные выкладки из крупных трубчатых костей отмечены в жилищах Юдинова ("поленницы", по К.М.Поликарповичу) и Межирича ("заборы", "ограды", по И.Г.Пидопличко). Кости, особенно лопатки, с намеренно пробитыми отверстиями характерны для Юдинова, они отмечены во всех структурах. В частности, в жилище 3 из 35 лопаток у 19 имеются отверстия: у одной в предостной части, у 12 в заостренной части, у 5 в гребне и у одной в заостренной части и гребне. Кости с отверстиями отмечены также в Гонцах, Супоневе, Елисеевичихах, Межириче. В Межириче найдены также трубчатые кости с несквозными "глухими" углублениями.

6. Наличие и расположение входа. По наблюдениям В.Я.Сергина, южная ориентировка входа с отклонениями к западу или востоку существовала у всех среднеднепровских жилищ там, где ее удается определить. В Добраничевке (жилище 1) вход выражен нечетко, но можно предположить, что он находился с юга между вкопанными черепами мамонта. Основной тип входа мезинского и межиричского жилищ, согласно И.Г.Пидопличко, помещался на фасадной стороне, не имевшей сплошного ограждения из костей, и создавался с помощью черепов с торчащими бивнями. Кроме того, в этих жилищах отмечены малые запасные или временные входы, которые, в частности, в первой структуре Межирича оказались ориентированными один на запад, другой на восток. Южное положение входа в гонцовском жилище осложнено тем, что вход был обращен против склона плато. В Мезине, по И.Г.Шовкоплясу, вход в жилище находился с юго-востока и был обращен к балке и к берегу Десны, т.е. в наиболее удобном положении. Наличие входа далеко не всегда фиксируется с определенностью. Так, в Юдинове входами в жилище 3 в равной мере могут быть и восточный и западный участки. С востока за пределами стенки ограждения расположен развал тазовых и лопаток, который может рассматриваться и как часть стенки, упавшей наружу. Более сложна и обширна "пристройка" с запада. Расположенное рядом почти свободное от костей пространство, возможно, и является остатками входа. В жилище 4 Юдинова также

могут быть два входа: один мог быть представлен пустым промежутком в юго-восточной части ограждения, второй - "коридором" или точнее "ходом" с севера. П.И.Борисковский, детально описавший жилище в Костенках 2, отмечает, что вследствие значительной поврежденности жилища поздними ямами трудно ответить на вопрос, где располагался вход. Основываясь на ряде косвенных свидетельств он считает маловероятным, чтобы вход находился с юга. В жилище Аносовки 2 также нет явного указания на вход, хотя в юго-восточной части А.Н.Рогачев упоминает нечто вроде "коридора".

7. Наличие очага. Вопреки мнению, что характерной чертой палеолитических жилищ является непременно наличие внутреннего очага, для жилищ аносовско-мезинского типа это не всегда обязательно. В жилище Мезина на поверхности пола расчищены остатки трех небольших округлых в плане очажных пятен диаметром около 50-70 см, состоявших из скоплений костного угля и золы без заметных углублений. В отчете Ф.К.Волкова о раскопках 1913 г. есть упоминание, что около одного кострища, открытого им, возможно внутри структуры, были вкопаны по сторонам длинные кости мамонта. По предположению Ф.К.Волкова, эти кости могли поддерживать перекладину для жарения мяса. Это близко напоминает устройства из трубчатых костей, отмеченные И.Г.Пидопличко около некоторых очагов в межиричских жилищах. В структуре 1 Добраничевки явных следов постоянного очага не обнаружено, но прослежены очажные пятна диаметром 40 см, а в жилищах 2-4 имеются остатки углубленных линзовидных очагов. В Юдинове жилища 2 и 4 не содержат очажных пятен. В западной части жилища 1, занимая пространство между костями, залегала, по К.М.Поликарповичу, очажная линза диаметром 2 м, но, по В.Я.Сергину, это пространство занято поздней ямой. Что касается жилища 3, то можно говорить и о внутреннем, и о внешнем очагах. Внутренний около западной стенки жилища представляет небольшое зольное пятно, прикрытое сверху упавшими трубчатыми костями, возможно, аналог "устройства" из Межирича. Наружное кострище примыкает вплотную к стенке жилища с северо-запада и имеет вид языка, опускающегося по слабому склону в северном направлении, противоположном реке. Размеры кострища, насыщенного костным углем и золой, 1.35x1.30 м. Оно имеет линзовидное сечение и толщину 12 см в центре.

На Дону внутри жилища в Костенках 2 располагался очаг в виде углубления диаметром около 65 см со сплошным заполнением из костного угля и золы. В Аносовке 2 А.Н.Рогачев отмечал в центральной части жилища следы значительного скопления золистей и углистой массы и рядом на полу небольшую ямку диаметром 30 см с таким же заполнением, однако, на план очертания очага и ямки не нанесены.

Все эти данные представлены в табл. 1, где приводится 15 основных признаков. Таблица неполна из-за отсутствия многих сведений, что отражено в виде вопросов в соответствующих местах, но тем не менее она позволяет провести дальнейшие сравнения. Так, на рис. 16 отчетливо видны три группировки жилищ по размерам: выделяются самые крупные (Аносовка 2 и Юдино-

Таблица 1.

Основные характеристики жилищ анововско-мезинского типа.

Жилище	Размеры	Кол-во особей	Характер		Форма		Конструктивные детали				Вход		Очаг	
			назем-нос	углуб-ленное	округ-лая	оваль-ная	перешле-тение бивней в стене	куски позво-ночн-ка	кладка из нижних челюстей	выкладка из трубчатых костей	кости с от-верс-тиями	с юга	с дру-гой сто-роны	внут-ри
Анововка, 2	+++	++	-	+	+	-	?	+	+	?	?	?	?	-
Костенки, 2	+++	++	+	-	-	+	+	-	+	?	+	+	+	-
Юдиново, 1	+++	++	-	+	-	+	?	-	+	+	?	?	-	+
Юдиново, 2	+	+	-	+	+	-	-	-	+	+	?	?	?	?
Юдиново, 3	+	++	-	+	+	-	+	-	+	+	+	+	+	+
Юдиново, 4	+	+	+	-	?	?	-	-	+	+	+	+	+	-
Мезин	++	++	+	-	+	-	-	-	-	?	+	+	+	+
Межиряч, 1	++	+++	+	-	-	+	-	-	+	+	+	+	+	-
Межиряч, 2	++	++	+	-	-	+	-	-	+	+	+	+	+	-
Межиряч, 3	+	+	+	-	-	+	-	-	+	+	+	+	+	-
Межиряч, 4	++	++	+	-	+	-	+	-	+	+	+	+	+	-
Добраничевка, 1	+	+	-	+	+	-	-	-	?	?	?	?	?	+
Добраничевка, 2	+	+	+	-	+	-	-	-	?	?	?	?	?	+
Добраничевка, 3	+	+	+	-	+	-	-	-	?	?	?	?	?	+
Добраничевка, 4	+	+	?	?	+	-	-	-	?	?	?	?	?	+

Примечание: размеры: +++ - крупные, ++ - средние, + - малые;

количество особей: +++ > 90, ++ - 25-40, + < 20;

по остальным признакам: + - наличие, - - отсутствие, ? - неизвестно.

во, жилище 1) и самые мелкие (Добраничевка). Наиболее многочисленна группа, включающая остальные жилища, из нее при желании можно отделить Костенки 2 и Межирич, жилище 1.

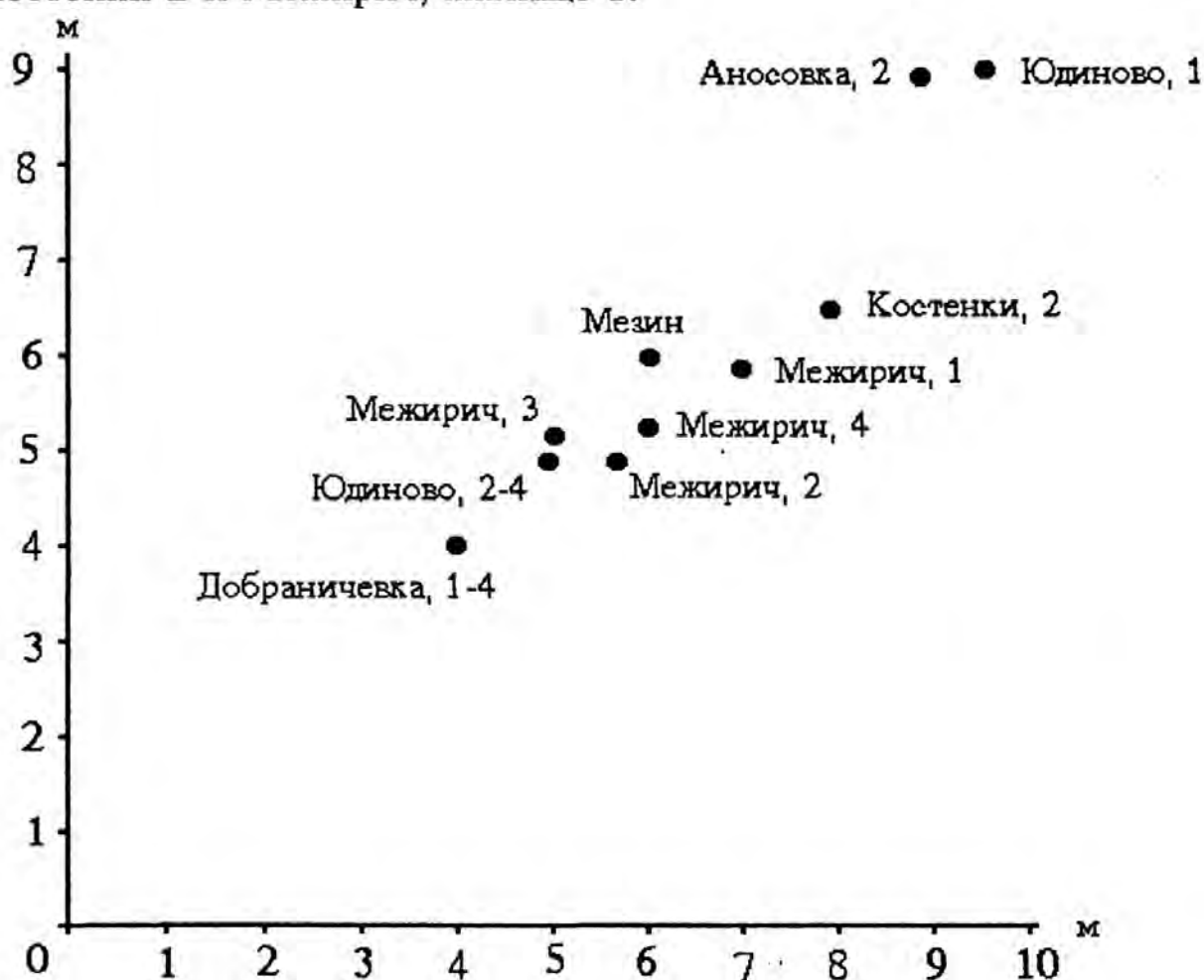

Рис. 16. Размеры жилищ аносовско-мезинского типа.

В табл. 2 обобщены результаты сопоставления признаков сходства между жилищами на основании табл. 1. Несомненно, они могли бы быть иными, если бы в табл. 1 вместо знаков вопроса стояли бы определенные плюс или минус. Однако, некая тенденция, особенно хорошо выраженная для полно опубликованных материалов, улавливается и теперь. Прежде всего, намечаются общности для групп жилищ одного поселения. Так, в Межириче сходство между опубликованными жилыми сооружениями выражается 7-9 признаками, только сравнение жилищ 3 и 4 дает 5 признаков. В целом, жилища Межирича наиболее близки юдиновским и далеки от добраничевских, за исключением жилища 3, которое имеет с добраничевскими довольно высокую степень сходства. Любопытно, что все четыре жилища Межирича представляют одинаковую - среднюю степень сходства с мезинской постройкой и наиболее высокую с жилищем из Костенок 2. Сходство жилищ Добраничевки между собой также выражено посредством 5-6 признаков. Они достаточно далеко (помимо упомянутого жилища 3 из Межирича) отстоят от других жилищ, в особенности от крупных (Аносовка 2; Костенки 2; Юдиново, жилище 1), а также от жилища 4 Межирича. В Юдинове жилища имеют между собой от 3 до 5 общих признаков, поскольку отсутствуют некоторые общие данные по жилищам

Количество сходных признаков для стоянок
с жилищами аносовско-мезинского типа.

Жилища	Костенки 2	Юдиново, жилища				Мезин	Межирич, жилища				Добраничевка, жилища			
		1	2	3	4		1	2	3	4	1	2	3	4
Аносовка, 2	3	4	3	4	1	2	2	2	2	3	2	1	1	1
Костенки, 2		5	2	5	4	4	6	7	5	6	-	1	2	1
Юдиново, 1			4	5	3	2	4	5	3	5	2	1	1	1
Юдиново, 2				5	5	1	3	3	6	3	4	3	3	3
Юдиново, 3					4	5	4	5	6	4	4	3	4	4
Юдиново, 4						2	5	5	7	4	2	3	3	2
Мезин							4	4	4	4	2	3	4	3
Межирич, 1								9	7	8	1	2	3	2
Межирич, 2									7	8	1	2	3	2
Межирич, 3										5	4	5	6	5
Межирич, 4											-	1	2	1
Добраничевка, 1												5	5	5
Добраничевка, 2													6	5
Добраничевка, 3														6

1 и 2. За исключением опубликованной крайне скудно постройки 2, юдиновские жилища обнаруживают сходство с сооружением из Костенок 2 и в малой степени, кроме жилища 3, с конструкцией из Мезина. Жилище из Аносовки 2, послужившее эпонимом для выделения этого типа палеолитических жилищ, отстоит наиболее далеко от всех других, кроме жилищ 1 и 4 Юдинова, что, возможно, объясняется наличием многих неясностей в его конструкции. В заключение необходимо заметить, что материал слишком невелик, чтобы быть доказательным, работа требует продолжения как по линии уточнения фактических данных, так и по линии поисков методов сопоставления. Однако все вышеизложенное подтверждает правоту А.Н.Рогачева в выделении особого и, пожалуй, наиболее выразительного и достоверного типа жилищ в верхнем палеолите Русской равнины. Они существенно отличаются от малых полуподземных жилищ, характерных для более древней костенковско-авдеевской культуры и в некоторой степени для Елисеевичей. В широких хронологических рамках, которые предстоит уточнить, аносовско-мезинский тип жилищ может быть отнесен к периоду 16-14 тыс. лет назад. Территориальные границы в меридиональном направлении в бассейне Десны-Днепра идут от самого северного памятника Супонево до самого южного Межирич на протяжении приблизительно 420 км. Донские памятники отстоят от них на расстоянии около 330 км к востоку. Несмотря на ряд индивидуальных особенностей, жилища этого типа, построенные из единого строительного материала с применением единых архитектурных приемов, составляют культурно-этнографическое единство.

РОЛЬ КОСТЕЙ МАМОНТА В СТРОИТЕЛЬСТВЕ ЖИЛИЩ.

Кости мамонта - органический материал, который благодаря фоссилизации является единственным источником для понимания строительства жилых структур. Применение деревянных жердей, веток, шкур животных, хотя и несомненное, не оставило реальных свидетельств. Образование земляных завалинок, столь же бесспорное, не всегда доказуемо. Залегание стоянок в однородных лессовых отложениях лишь в редких случаях позволяет установить их на основании таких косвенных признаков, как отсутствие культурных остатков, насыщающих слой. В лессах так же трудно определить и наличие ямок от столбов, часто эту роль могли играть мышелки черепов, позвонки и кости с намеренно пробитыми отверстиями. Кости мамонта принадлежали на некоторых стоянках десяткам и даже сотням особей. Основной вопрос - как и каким образом добывались эти кости. В настоящее время большинство исследователей стоит на точке зрения, что эти огромные скопления являются результатом активной охоты палеолитического человека, не исключая и других способов добычи костей: собирательства на поверхности земли уже отпрепарированных природой остатков или извлечения туш из вечной мерзлоты, обычно на месте массовой гибели мамонтов. Наряду с этим продолжает существовать мнение, особенно у зарубежных ученых, отрицающее активную охоту и отдающее предпочтение пассивным методам добычи пищи, строительного материала и сырья для производства поделок.

Поскольку такое мнение явно или подспудно опирается на взгляды В.И.Громова, рассмотрим этот вопрос более подробно. В.И.Громов отнюдь не отрицал охоты на мамонта и значения этого животного в жизни человека на протяжении всего верхнего палеолита. Так, он признавал, что мамонт, как и лошадь, были главными объектами охоты в бассейне Дона, но, хотя остатки мамонта по числу особей занимают первое место среди других животных, в частности в Костенках 1 и в Гагарине, они не слишком многочисленны и вряд ли полностью являются результатом охоты палеолитического человека, который приносил на эти стоянки только части трупов и бивни, найденные в окрестностях. Другое дело, подчеркивает он, такие стоянки как Борщево 1 и Костенки 2, где обнаружены довольно беспорядочные, весьма внушительные по размерам нагромождения различных частей скелета, аналогичные скоплениям в Бердыже, Супоневе, Мезине, Пшедмости и других без какой-либо заметной сортировки. Это приводит В.И.Громова к выводу, что обнаружение человеком местонахождений хорошо сохранившихся трупов мамонта при наличии вечной мерзлоты и обусловило возникновение самих стоянок (Громов, 1948, с. 203-204). Аргумент В.И.Громова, что крупные кости мамонта в таких скоплениях оказываются перемешанными и, главным образом, не имеют следов искусственных расколов, может быть оспорен тем, что кости представляли собой ценный строительный материал, поэтому и не раскалывались. Нет ничего удивительного в том, что кости, собранные тем или иным путем, должны были накапливаться и храниться в качестве запасов. В любом случае они

должны были быть извлечены из общей груды трупов и отпрепарированы - в скоплениях они лежат довольно плотно.

Продолжая эту тему В.И.Громов утверждает, что "...громадные скопления костей мамонта характерны преимущественно для стоянок гляциальной области, нельзя не обратить внимания при этом на то, что там находятся целые трупы мамонтов, а не отдельные части их, которые человек мог бы приносить на стоянку, убив животное где-нибудь в окрестностях" (там же, с. 402). На это можно возразить, что по имеющимся данным ни на одной палеолитической стоянке Русской равнины не найдено целого (нерасчлененного) скелета мамонта и нет уверенности, что из коллекционных материалов можно собрать скелет целой особи. В.И.Громов приводит как убедительное доказательство то, что подсчет животных приходится вести по зубам, обломкам черепов и челюстей, т.е. по таким частям, которые для человека не представляли хозяйственного значения и, кроме бивней, не использовались. Следовательно, заключает он, приносить эти части на стоянку не имело смысла. Транспортировка целых трупов животных, убитых в разных местах, вряд ли была возможной, как и то, что животные сами систематически приходили на стоянку, чтобы быть убитыми. Если продолжить эти размышления, выходит, что человек селился на "кладбище мамонтов" и перед ним не стоял вопрос транспортировки крупных и, казалось бы, ненужных костей: черепов и нижних челюстей (зубы как производное от них). По этому поводу можно привести примеры, заимствованные из Западной Сибири, где кратковременные охотничьи лагеря были устроены около двух мамонтов в Шикаевке II в бассейне р.Тобол (Петрин, Цейтлин, 1976) и около одного мамонта в Томской стоянке (Кашенко, 1901). Вопрос в том, что остается неизвестным были ли эти мамонты убиты (добиты) охотниками или найдены как трупы в свежем или замороженном виде. Более показательным местом естественной гибели мамонтов, освоенное палеолитическим человеком в Волчьей Гриве в Барабинской степи (Окладников и др., 1971; см. также Абрамова, 1989, с. 170-172). Особенно важно отметить, что целых костей мамонта нет: крупные кости, особенно трубчатые, разбиты. Нельзя не упомянуть и типичное "кладбище мамонтов" в Берелехе в бассейне р.Индикирки за Полярным кругом, где в хаотическом беспорядке залегало огромное количество костей мамонта, а палеолитическая стоянка располагалась в 200 м ниже по течению (Верещагин, 1977). Ничего подобного на Русской равнине нет. В недавние годы появились, правда, упоминания о не связанных с деятельностью человека остатках 5 мамонтов в Каменке на левобережье Северского Донца и 20-40 мамонтов под Севском. Отсутствие кладбищ мамонтов О.Соффер считает закономерным, т.к. в конце плейстоцена здесь исчезла вечная мерзлота, способствовавшая их сохранению (Соффер, 1993а, с. 107). Вряд ли это главная причина, поскольку на палеолитических стоянках кости мамонта сохраняются часто в превосходном состоянии. На Русской равнине скопления костей мамонта связаны с долговременными стоянками и транспортировка, не целых туш, а отдельных час-

тей, возможно на небольшие расстояния, была освоена палеолитическим человеком.

Таким образом, отнюдь не доказано, что на той или иной стоянке находилось скопление именно трупов мамонта и, тем более, что они не были результатом разновременных охот. Последнее, по словам В.И.Громова, подтверждается наблюдениями во время раскопок над характером сохранности и расположением костных остатков в скоплениях. Противореча себе, он подчеркивает, что кости мамонтов имеют вполне определенную сортировку, произведенную человеком. Он снова упоминает, что подавляющее большинство остатков в скоплениях не имеет следов раскалывания или других видов деятельности человека, в то время как там, где скоплений нет, кости могут быть расколоты. Нам кажется, что нахождение некоторых костей в скоплениях в анатомической связи может доказывать лишь то, что большие скопления свидетельствуют об избытке мяса, когда не было необходимости раскалывать кости. Наоборот, расколотые кости могли быть встречены, если люди пытались расчленивать мерзлую тушу теми небольшими по размерам кремневыми орудиями, которые находились в их распоряжении. Целостность костей доказывает великолепное знание анатомии зверя: при отделении черепа не повреждались ни мышелки, ни эпистрофей, при делении позвоночника на части не разрушались позвонки, так же как и суставные поверхности лопаток и тазовых при отделении трубчатых костей. Конечно, расчленивать было легче свежую тушу животного.

В.И.Громов продолжает далее: защитники взгляда, что находимые на стоянках кости мамонта являются остатками исключительно охотничьей добычи, указывают обычно на преобладание костей молодых животных и, по-видимому, беременных самок, мотивируя это большей легкостью охоты. Так, в Костенках 1, например, было найдено около 20 только молочных бивней и зубов. В.И.Громов считает этот факт неубедительным: при естественной массовой гибели животных в первую очередь гибнут молодые особи, как это доказывает Бинагадинское местонахождение древней фауны в Азербайджане. Рассмотрим этот вопрос на более близких примерах.

На многих поселениях Русской равнины с жилищами из костей мамонта, начиная с 4 слоя Молодовы I, отмечается наличие, а иногда и преобладание костей молодых и полувзрослых мамонтов. Приведем эти данные, напоминая, что они существуют не для всех памятников. В Радомышле из 47 особей 16 принадлежат молодым и полувзрослым; без указания числа они упомянуты в Костенках 1 и в Авдеево, где отдельно сказано о 4 ранних эмбрионах и 2 полувзрослых особях в комплексе 2. Молодые особи преобладают в Бердыже (по раскопкам С.Н.Замятнина, из 16 только 2 взрослых, остальные молодые, в том числе 1, вероятно, эмбрион) и в Гагарине (из раскопок С.Н.Замятнина в 1926 г. из 2 особей 1 молодая, из раскопок Л.М.Тарасова из 3 особей 2 молодые). В Елисеевичах большей частью представлены полувзрослые и упоминается наличие утробных. В Мезине наибольшее число составляют молодые особи, в том числе несколько эмбрионов, реже встречаются особи среднего

возраста. Н.Л.Корниец приводит таблицу возраста мамонтов по зубам из нижних челюстей (раскопки 1954-1956 г.г.): 4 - 8-10 дней, 8 - 2 года, 14 - 5 лет, 16 - 9 лет, 21 - 20 лет и 24 - 35-40 лет (Корниец, 1962, табл. 11). Сходные данные получены и в Межириче. В жилище 1 из 46 черепов 17 принадлежали молодым и 22 полувзрослым, а из 95 нижних челюстей - 1 утробному или новорожденному, 45 - молодым и 33 полувзрослым. В жилище 2 из 32 - 10 молодых и 19 полувзрослых, к которым добавляется 2 утробных, найденных около жилища. В жилище 3 из 17 черепов - 6 молодых, 8 полувзрослых и только 2 взрослых. Череп утробного или новорожденного был около жилища. В Добраничевке из 28 изученных черепов 3 совсем молодые (до 5 лет) и 20 полувзрослых, в связи с чем И.Г.Пидопличко замечает, что истреблялись маточное поголовье животных. Есть данные и для Костенок 2, где из 28 особей только 10 были вполне взрослыми. Все это свидетельствует о целенаправленной охоте на молодых животных, которых легче добыть, легче разделать, части которых легче перенести на стоянку, не говоря уже о вкусовых качествах мяса. Было бы странным предположить, что, найдя "кладбище" мамонтов, люди намеренно выискивали трупы молодых животных - то же касается и сбора костей на поверхности. Видимо, следует исходить из того, что главным в поведении человека было обеспечение мясной пищей - мы вернемся к этому вопросу.

Согласно В.И.Громову, если нам неизвестны способы массовой добычи мамонтов, то "мало вероятным кажется предположение о том, что многие десятки (если не сотни) мамонтов могли быть *одновременно* убиты охотником в одном месте и потому, естественно, не могли быть полностью использованы в пищу" (Громов, 1948, с. 403). В.И.Громов не ссылается на автора этого предположения, но очевидно, что такая постановка вопроса не выдерживает критики. Большое скопление костей мамонта на стоянке вовсе не означает, что оно могло быть результатом массовой охоты в одном месте и в одно время, а произошло в течение долговременного накопления костей вследствие последовательных охотничьих действий и приноса частей туши на стоянку. И самое главное, В.И.Громов считает возможным объяснять происхождение больших скоплений костей, скорее всего, "естественным накоплением трупов мамонтов, которые человек находил в замерзшем состоянии и в большей или меньшей мере использовал для своих целей" (там же). но он не пытался объяснить каким образом люди добывали эти трупы, в какой сезон и в каких условиях. Как реально представить себе поселение на месте гибели животных: зимой невозможно, после таяния снега на поверхности "кладбища", при постепенном вытаивании отдельных трупов, расчленивая их и оставляя кости на месте со следами своей повседневной жизнедеятельности? Даже, если люди обосновали свой лагерь не на, а рядом с местом массовой гибели животных, трудно вообразить условия существования поблизости от растаявших и разлагающихся трупов.

В.И.Громов не исключает, что мамонт мог быть и охотничьей добычей, причем наиболее доступной была облавная охота с загонem животных к кру-

тому обрыву, с которого они падали, а затем добивались охотниками, как это происходило в Солютре. Но Солютре - это охотничья стоянка, специализированная на добыче лошадей в течение очень длительного времени. Культурный слой в Солютре простирается у подножия утеса не менее чем на 1 гектар и имеет несколько горизонтов, из которых мощный горизонт с брекчией из костей лошади относится к финальному перигору и датируется 22 650+-500 лет назад. На Русской равнине нет ни одного подобного примера ни по палеогеографическим условиям, ни по характеру культурного слоя (Амвросиевское костище бизонов, как и Солютре - примеры другого рода). Кроме того, при облавной охоте люди не могли использовать всю добычу и, несмотря на хищнический характер поведения, должны были учитывать объем доступных ресурсов. Представляется, что охота могла проводиться лишь на отдельных животных или небольшие обособленные группы, отбившиеся от стада. Способы охоты остаются нам неизвестными, если не привлекать данные этнографии, относящиеся к современным слонам, т.е. совершенно иной экологии (см. например, Верещагин, 1971; Haynes, 1988a, б). Несомненно одно: охота должна была быть коллективной.

ОХОТНИЧЬЯ ДОБЫЧА.

Каков же был удельный вес мамонта в полном объеме охотничьей добычи? Ограничимся рассмотрением результатов сравнительного анализа фаунистических остатков только из поселений с жилищами аносовско-мезинского типа, привлекая материал из Елисеевичей, Гонцов, Супонева, Тимоновки I и II (табл. 3). Следует учитывать досадную неполноту данных, делающую не только затруднительным, но и невозможным процентное отношение различных видов. Ценителей процентов отсылаем к работе О.Соффер (Soffer, 1985, tabl. 2, 7), замечая попутно, что ряд абсолютных цифр, приведенных О.Соффер, отличается от наших. Если они идут в сторону увеличения или отсутствуют в наших данных, мы ставим их в скобки, поскольку О.Соффер самостоятельно проработан ряд фаунистических коллекций и привлечены ее собственные полевые заметки при раскопках Межирича в 1978-1983 г.г. (там же, p. 114).

Прежде всего, обращает на себя внимание бедность остатков промысловых животных на донских стоянках: помимо мамонта и единичных костей зайца, в Аносовке 2 только две кости северного оленя, а в Костенках 2 только 11 костей лошади. Примерно такая же картина в Добраничевке (несколько больше костей северного оленя и две кости носорога), в Супоневе и Тимоновских стоянках. Что касается Елисеевичей то, по заключению Ю.Н.Грибченко, мамонт здесь также был основным объектом промысла. "Единичные находки костей северного оленя, лошади или медведя говорят о том, что эти животные (или их кости) случайно попадали на участок стоянки" (Величко и др., 1997, с. 88). Совершенно очевидно, что здесь основным источником пищи был мамонт, остальные виды оказываются в роли случайной добычи.

Таблица 3.

Фауна стоянок с жилищами аносовско-мезинского типа.

Животные Стоянки	Мамонт	Носо- рог	Ло- шадь	Бизон (зубр)	Овце- бык	Северный олень	Благород- ный олень	Заяц	Песец	Волк	Мед- ведь	Источники
Аносовка 2, слой 1а	763/10					2/1		3/1		5/1		Рогачев, Попов, 1982, с.125; Верещагин, Кузьмина, 1977, с. 105
Костенки 2	2000/28		11/2					6/1	21/2	1/1	1/1	Борисковский, 1963, с. 78; Верещагин, Кузьмина, 1977, с. 101
Юдиново	102/10		6/2	6/2		+	+	1/1	109/25	8/3	7/2	Поликарпович, 1968, с. 176; Верещагин, Кузьмина, 1977, табл. 2
	> -/50		3/-		34/-	50/-			17303/140	45/-	8/-	Кузьмина, Саблин, 1993
	(246/56)	(13/7)		(26/2)				(4/-)	(147/25)	(32/3)	(13/1)	Soffer, 1985, tabl. 2.7
Мезян	3979/116	17/3	659/61	19/5	188/7	444/83		37/11	1842/112	1004/59	35/7	Шовкопляс, 1965, с. 97
Межрич	3677/149		2/2	17/6		37/10		2576/73	146/11	79/12	12/3	Корнеев и др., 1981, табл. 4
						(41/10)		(2633/79)		(82/12)		Soffer, 1985, tabl. 2.7
Добраничевка	650/28			2/1	1/1	16/2		3/2	28/3	52/3	1/1	Корнеев, 1962, табл. 18
	(2766/91)	(2/1)				(30/5)			(64/7)	(53/3)	(13/1)	Soffer, 1985, tabl. 2.7
Елисеевичи	-/85		1/1			1/1	1/1	3/2	14654/287	903/36	89/10	Верещагин, Кузьмина, 1977, табл. 1
	(>12187/60)					(2/1)			(15374/278)	(1045/36)	(96/10)	Soffer, 1985, tabl. 2.7
Гонцы	2981/53			5/2		91/14		514/16	68/12	44/5	5/2	Пидопличко, 1936
	(4000/93)					(991/14)						Soffer, 1985, tabl. 2.7
Супоново	+++	+	++	+		+		+	++	++	+	Громов, 1948, с. 139
	(287/7?)	(2/1)	(53/1)	(1/1)		(2/1)		(3/1)	(27/1)	(38/2)	(1/1)	Soffer, 1985, tabl. 2.7
Тимоновка I	-/15					-/3		-/1	-/2	-/1	-/2	Громов, 1948, с. 141
Тимоновка II	-/12					-/1		-/1	-/6	-/1	-/1	Величко и др., 1977, с. 82
	(> 21/12)					(10/1)		(5/1)	(78/6)	(5/1)	(1/1)	Soffer, 1985, tabl. 2.7

Примечания: числитель - количество костей, знаменатель - число особей;

количество костей: +++ - очень много, ++ - много, + - встречается, - - отсутствует информации.

Несколько отличается от этой группы Юдиново, где более широко представлены виды и несколько больше костей, особенно по раскопкам последних лет. Вызывают удивление приведенные О.Соффер данные о находке в Юдинове 13 костей носорога от 7 особей, нигде в литературе не подтвержденной. Видимо речь идет о простой ошибке, которая допущена также в количестве костей бизона. Не иначе как опиской можно объяснить и количество костей северного оленя в Гонцах, где по сравнению с упомянутыми выше стоянками достаточно много костей и особей северного оленя и зайца. Наиболее богаты и видами и количеством костей Мезин и Межирич. Для Мезина характерно наличие костей носорога, очень большое число северного оленя, лошади и овцебыка, для Межирича исключительно велико число зайца, но при этом и количество особей мамонта на этих стоянках наибольшее. Судя по остаткам охотничьей добычи Межиричское поселение было обитаемо круглый год.

В мою задачу не входит уточнение экологии стоянок или их относительной хронологии на основании фаунистических остатков, но вклад каждого найденного вида в мясной рацион охотников поздней поры верхнего палеолита очевиден.

Мамонт - одно из самых типичных и характерных животных позднего плейстоцена. Как и в предшествующей период продолжали существовать благоприятные условия для жизни и размножения этого гиганта, о чем свидетельствует подавляющее большинство его остатков на каждой стоянке.

Носорог - столь же характерный для ледниковой эпохи был достаточно редок. Достоверные остатки происходят только из Мезина. Единичные кости могли быть принесены случайно в Добраничевку и в Супонево.

Лошадь - широко представлена только в Мезине. В Супоневе костей достаточно много, но они принадлежат одной особи. В Аносовке 2, Добраничевке, Гонцах, Тимоновке I и II кости лошади отсутствуют, в остальных стоянках они единичны.

Бизон, которого ряд исследователей называет зубром, встречен в Межириче и Мезине, в значительно меньшей степени в Юдинове и Гонцах, единичные кости отмечены в Добраничевке и Супоневе. В Аносовке 2, Костенках 2, Елисевицах и Тимоновских стоянках бизон отсутствует.

Обвцебык. Мысль В.И.Громова (1948, с. 433), что остатки этого животного не могут быть отнесены к обычным, часто встречающимся представителям ископаемой фауны, подтверждается нашими материалами. Кости широко представлены только в Мезине, в меньшем числе в Юдинове и лишь одной костью в Добраничевке. Обломок черепа обвцебыка отмечен на стоянке Бугорок в Пушкарях.

Северный олень характерен для всех рассматриваемых стоянок, за исключением Костенок 2, где он отсутствует, и Елисевичей, где найдена лишь одна мотыга из рога этого животного. В Мезине он занимает второе место после мамонта, в Гонцах, Межириче и Юдинове представлен достаточно хорошо, из Добраничевки, Тимоновских стоянок и Супонева происходит малое количество остатков. В.И.Громов замечает, что подобно леммингам и песцам се-

верные олени имеют на Русской равнине значение руководящих ископаемых и "представляют большой палеоэкологический и зоогеографический интерес, свидетельствуя о значительном смещении к югу во вторую половину квартала границы распространения этого животного по сравнению с современным его ареалом" (там же, с. 439-440).

Благородный олень, напротив, настолько редок, что можно предположить возможность неточного определения или случайное попадание в фаунистические коллекции Юдинова и Елисеевичей единичных костей. О наличии благородного оленя в Юдинове упоминает только К.М.Поликарпович со ссылкой на определение В.И.Громова (Поликарпович, 1968, с. 176), Н.К.Верещагин, изучавший фауну Юдинова в 1955 г., этих костей не видел. В этой связи интересно замечание В.И.Громова, что на Европейской равнине вполне достоверных находок благородного оленя нет (Громов, 1948, с. 437).

Заяц в большей или меньшей степени представлен на всех стоянках. По количеству костей и особей выделяется Межирич. Достаточно костей зайца в Гонцах и Мезине, на остальных памятниках отмечены лишь единичные остатки. Определенно, заяц добывался не только ради мяса, но и пушистого мягкого меха.

У нас нет прямых свидетельств употребления в пищу других пушных зверей: песца и волка, находка целых скелетов скорее доказывает обратное. **Песец** представлен на всех рассматриваемых стоянках, кроме Аносовки 2, в широко расходящихся количествах. Так, в Юдинове из раскопок последних лет изучению подверглись 17303 кости песца, принадлежащие 140 особям, подсчитанным по таранным костям (Кузьмина, Саблин, 1993). Вместе с костями из старых раскопок в Юдинове определено 165 особей. В Елисеевичах по меньшему числу костей - 14654 Н.К.Верещагин установил наличие 287 особей песца по нижним челюстям. Любопытно замечание Н.К.Верещагина о необычайно высокой численности в Елисеевичах остатков хищных зверей. "Создается впечатление, что первобытные охотники занимались здесь более пушным промыслом, чем собственным пропитанием. Особенно велико участие остатков песца, и при этом взрослых особей, от сеголетков до весьма старых - 8-10-летнего возраста при полном отсутствии щенков" (Верещагин, Кузьмина, 1977, с. 80). Согласно последнему обстоятельству, Н.К.Верещагин приходит к выводу, что промысел песцов велся только в зимнее время; предположение, что песцы не щенились в районе Елисеевичах, а прикочевывали сюда, мало вероятно. Не отрицая возможности зимней охоты, можно, однако, думать, что вряд ли охотники были заинтересованы в шкурках щенков.

Волк встречен в меньших количествах, чем песец, но на всех стоянках. Особенно много его в Мезине и в Елисеевичах; он более редок в Межириче, Гонцах, Добраничевке, Юдинове; единичные кости упомянуты в Супоневе, Тимоновских и донских стоянках. Кости волка обычны в верхнепалеолитических стоянках Центральной и Восточной Европы и в предшествующий период. Лишь один пример. В Костенках 1 собрано несколько десятков костей: части черепа, обломки челюстей, клыки, длинные кости конечностей рассе-

яны на площади жилого комплекса. Особенно много остатков волка (видимо, от нескольких особей) обнаружено в заполнении землянки Б. Здесь же рядом с землянкой лежали кости конечностей волка в анатомической связи (Ефименко, 1958, с. 332). В.И.Громов, описывая фауну Костенок 1, приходит к заключению, что волки и песцы вряд ли являлись предметом специальной охоты. По-видимому, эти животные в большом числе держались около стоянки: следы их погрызов встречаются на некоторых костях крупных млекопитающих. Массовые находки костей доказывают, что охота на волков не была трудной, но они не всегда употреблялись в пищу полностью, так как кости часто лежали в анатомическом порядке (Громов, 1937, с. 273).

Бурый медведь встречается значительно реже. Наибольшее количество, как и других хищников представлено в Елисеевичах, затем идут Мезин и Межирич. По две особи медведя отмечено в Юдинове, Гонцах и Тимоновке I. В Костенках 2, Добраничевке, Супоневе и Тимоновке II кости медведя единичны, а в Аносовке 2 отсутствуют.

Мы не сочли возможным включать в таблицу чрезвычайно редко встречающиеся и немногочисленные кости других животных (гигантского оленя, кабана, росوماхи, мелких лесных хищников, промысловых грызунов, рыб и птиц), лишь характеризующих фауну той или иной стоянки и ничего не дающих для сравнительного анализа. В заключение хотелось бы привести справедливое замечание Н.К.Верещагина: "Палеолитические племена, как и современные, всегда добывали и использовали преимущественно тех промысловых животных, которые были у них "под рукой", были массовыми и наиболее доступными" (Верещагин, 1971, с. 201). Нет сомнений, что именно таким животным был мамонт.

ДЛИТЕЛЬНОСТЬ СУЩЕСТВОВАНИЯ ПОСЕЛЕНИЙ.

Конструкции из костей мамонта, ямы-хранилища, плотно заполненные костями, очаги, рабочие площадки по обработке кремня и кости, фаунистические остатки в целом, как и все другие следы человеческой деятельности позволяют подойти к вопросу о продолжительности существования поселений. Этот вопрос неоднократно рассматривался в литературе, причем оценки длительности жизни поселения колеблются от нескольких месяцев до нескольких десятилетий и даже больше. Широкое освещение он получил в работах Н.Б.Леоновой и О.Соффер. Н.Б.Леонова отмечает, что для решения этого вопроса, одного из самых спорных в палеолитоведении, необходимо выработать методику выявления и сравнения структур различных памятников: у однородных стоянок, относящихся к одному хозяйственному типу, одной культуре, структура должна быть похожей и наоборот. Но даже при установлении структуры вопрос о длительности поселения, как и во многих других случаях, упирается в полноту исследованности и документированности памятников (Леонова, 1983). Обычно наиболее распространенным признаком долгого обитания считается мощный культурный слой. Рассматривая ряд факторов его об-

разования Н.Б.Леорова справедливо замечает, что сама по себе мощность культурного слоя не является доказательством длительности его накопления и нуждается в серьезном и многостороннем анализе (Леорова, 1993). Затронем лишь один фактор, имеющий прямое отношение к нашей теме: сезонность поселения, разницу между культурными слоями, отложенными в весенне-летний и осенне-зимний периоды, фактор, рассмотренный Н.Б.Леоровой на основе работ Л.Бинфорда (Binford, 1978) и О.Соффер (Soffer, 1985): "Данные этноархеологии говорят, что культурный слой на весенне-летних памятниках всегда менее мощный, даже при значительной длительности обитания. Это обусловлено большей подвижностью населения, отсутствием в этот период больших охот, отсутствием массивных утепленных жилищ. И, напротив, значительно мощнее осенне-зимние памятники, отражающие в культурном слое все эти реалии: остатки жилых конструкций, следы утилизации охотничьей добычи за долгую зиму, следы разнообразной бытовой и производственной деятельности, сконцентрированной в жилых или утепленных помещениях" (Леорова, 1993, с. 78). Мы еще вернемся к вопросу о сезонности.

Далее Н.Б.Леорова, исходя из положения, что наличие таких сооружений и прочих строительных конструкций считается в литературе не менее распространенным признаком долговременности поселения, сопоставляет легкие и "массивные" жилища. Следы легких наземных жилищ из укрепленных на каркасах шкур лошадей и бизонов выделяются в культурном слое по особой отсортированности и локализации находок в скоплении с четкими пространственными границами. На их площади представлены следы различной трудовой деятельности, что позволяет предполагать их относительную долговременность, несмотря на отсутствие большого числа костей, использовавшихся для конструкции. Что же касается "массивных" жилищ с большим числом костей мамонта, то они традиционно считались долговременными, так как, якобы, требовали большого труда при их создании. Однако, замечает Н.Б.Леорова со ссылкой на О.Соффер, типичное жилище с фундаментом из черепов мамонта могло быть построено за несколько дней группой из 10 или 20 мужчин.

О.Соффер действительно проделала большую работу для установления этих данных, применив достаточно сложную методику по оценке общего веса различных костей мамонта по жилищам и по стоянкам в сочетании с оценками человеко-часов труда для транспортировки и сооружения земляных укреплений и каменных монументов, заимствованных из экспериментальной археологии Дж. Коула (Soffer, 1985). Ее подсчеты не лишены интереса, но слишком произвольны, чтобы быть доказательными.

По сути дела, сама постройка жилища - это не главный аргумент в утверждении долговременности. При сравнении легких и "массивных" жилищ необходимо учитывать их основное различие: первые - переносные, вторые - стационарные и долговременность их совершенно несопоставима. Одно дело - соорудить легкий каркас и натянуть шкуры, другое дело - собрать, принести и, главное: вкопать кости мамонта, создавая сложную конструкцию из пере-

плетения различных крупных костей, Не удивительно, что даже раскопки таких поселений с жилищами требуют значительно больших затрат физического труда и времени, чем стоянок без жилищ или с легкими конструкциями. Конкретно-исторический подход, в данном случае к поселениям аносовско-мезинского типа, делает необходимым учитывать имеющиеся данные, и в первую очередь, значительные накопления культурных остатков в сопутствующих жилищу ямах и очагах-зольниках.

Могли ли они быть отложены в один сезон жизни поселения, как утверждает О.Соффер (Соффер, 1993б; более подробно Soffer, 1985, p. 328-350)? Для решения этого вопроса О.Соффер использовала индекс разнообразия Шеннона-Вайнера, приложенный ею к фаунистическим остаткам из 29 палеолитических стоянок бассейна Десны - среднего Дона, существовавшие около 26-12 тыс. лет назад. Признав, что эти стоянки были обитаемы в крайне холодное и сухое время, О.Соффер обратилась к этнографическим данным северных широт: для эскимосов (Бинфорд и Часко) и для оджибвеев (Джохим), которые показали существенную разницу в охотничьей добыче в холодное и теплое время года: большее разнообразие пищевых ресурсов летом и сокращение этого разнообразия зимой. Прежде чем перейти к материалам Русской равнины, О.Соффер делает ряд предварительных замечаний: 1) роль разных видов в списке фауны неясна, в частности подсчеты костей мамонтов ведутся на трех уровнях, поскольку неизвестно их происхождение, 2) существуют значительные различия между стоянками северной и южной частей территории в видах, на которые велась активная охота, 3) на индекс разнообразия влияет деятельность человека, которая вносит деформации в картину сезонности, например, запасы пищи в ямах могли включать виды, добытые в разные сезоны. Другим примером деформации может быть специализация охоты на 1-2 вида.

Эта преамбула вызывает вопросы и возражения. Прежде всего, из списка 29 стоянок необходимо исключить те, которые заведомо дадут искаженную картину: стоянки с поврежденным или даже отсутствующим культурным слоем (Чулатово I, Курово, Новгород-Северская, Ново-Бобовичи, Погон, Юровичи; стоянки, практически без фауны (Клюссы, Коршево I и II, Косица); стоянка Журавка, в которой отсутствует мамонт. Далее неясно деление стоянок на северные и южные. Ссылаясь на И.Г.Пидопличко, О.Соффер упоминает, что охота на северного оленя играла существенную роль в северных стоянках и, действительно его много в Мезине и Чулатове II, но в Супоневе и Юдинове кости северного оленя единичны, а в Елисеевичах практически отсутствуют, в то время как в южных стоянках (Межириче, Гонцах и Добраничевке) удельный вес северного оленя достаточно велик. О.Соффер далее утверждает, что охота на степного бизона и зайца активно велась только в южной части региона. Но, если в Межириче отмечены остатки 6 особей бизона, то в Мезине - 5 и в Чулатово II - 4, в этих же северных стоянках достаточно и костей зайца. Поэтому ускользает смысл деления территории на северную и южную части. По поводу специализации охоты на 1-2 вида мне представляет-

ся, что когда, наряду с непременным мамонтом, встречаются единичные кости другого вида, вряд ли можно говорить о специализации: может быть, это случайная добыча, может быть, кости других видов не оказались на раскопанном участке. Последнее обстоятельство, связанное с объемом вскрытой площади поселения, является наиболее уязвимым местом в методике О.Соффер.

Методика подсчета индекса разнообразия заключается в следующем: данные по минимальному количеству особей переводятся в данные, выраженные в килокалориях на каждый вид, и показатели делятся на количество квадратных метров, раскопанных на каждой стоянке. Этим устанавливается влияние раскопанной площади на количественные оценки. В этой связи необходимо напомнить, что, во-первых, далеко не все рассматриваемые стоянки содержат "одинаково маломощные культурные слои", как это утверждает О.Соффер, и, во-вторых, различные участки стоянки могут представлять как пустые квадраты, так и мощные скопления костей. Среднее из полученных количественных оценок не может быть показателем влияния раскопанной площади - оно будет случайным.

Достигнутые результаты показывают, что стоянки с высоким и низким индексами разнообразия встречаются как в северном, так и в южном регионе, причем стоянки с высоким индексом разнообразия без жилищ и ям-хранилищ были заселены в теплое время года, а стоянки с низким индексом разнообразия как с жилищами из костей мамонта с ямами или без ям, так и без жилищ, но с ямами заселялись в холодное время года. Все это вполне вероятно и могло быть допущено а priori, но имеются 3 исключения: Радомысль, Мезин, Супонево, давшие высокий индекс разнообразия, и поэтому в них представлены и холодный, и теплый периоды. О.Соффер объясняет эту несогласованность разными причинами, в частности, Радомысль, возможно, датируется более теплым отрезком либо брянского интерстадиала, либо более позднего теплого периода, что вполне правдоподобно, учитывая предполагаемый более ранний возраст этого памятника. Данные для Мезина и Супонева объяснить труднее, они могли быть заселены в течение нескольких сезонов, но в любом случае О.Соффер убеждена, что речь не может идти о круглогодичном постоянном присутствии человека на этих стоянках. Мне кажется, что категоричность этого суждения не является более доказанной при помощи предлагаемого нового метода, чем подсчеты С.Н.Бибикова (1969), И.Г.Пидопличко (1969) и др. Поэтому можно согласиться с самой О.Соффер, когда она признает, что "В целом индекс разнообразия следует рассматривать как эвристическое средство, которое в первом приближении можно использовать для данной области. Полученные этим методом результаты должны быть проверены другими, независимыми средствами, для того, чтобы принять или отвергнуть полученный результат" (Соффер, 1993б, с. 10).

Представляется, что решение этого вопроса следует искать не только в теории но и, главным образом, на практике. Вскрытое полностью поселение с многочисленными жилищами из костей мамонта и сопутствующими им ямами, при установлении их одновременности, позволит судить о продолжительности

его жизни. Практическая работа - раскопки жилого комплекса 2 Костенок 1 и более позднего поселения Юдиново - убеждает меня в том, что ни тот, ни другой памятник не могли существовать только в течение одного сезона, во всяком случае, исключается постройка жилища в любой период, кроме летнего.

ВОПРОСЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЖИЗНИ И МОДЕЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ ГРУППЫ

Проблемы длительности использования жилища, продолжительности жизни на поселении, одновременности или разновременности жилищ тесно связаны с числом и составом группы, обитавшей на поселении. Естественно, что на основании исключительно археологических источников очень мало можно сказать о социальной организации общества. Изучение жилищ в Юдиново и других аналогичных поселениях позволяет признать, что ячейкой этого общества была семья, состоящая из представителей трех поколений. На пригодной для обитания внутренней площади постройки, равной 12-20 кв.м могло разместиться не только для ночлега, но и для повседневной жизни, 6-10 человек, включая стариков и детей. Считать, что поселение принадлежало одной семье, которая то ли сезонно, то ли через несколько лет возвращалась на избранное место и строила здесь новое жилье, кажется невероятным, вся жизнь этого общества строилась на коллективных началах. Нам не дано узнать по каким причинам семьи объединялись в коллективы: родственным или экономическим, или тем и другим, но все данные свидетельствуют о таких объединениях.

Именно коллективная жизнь позволяла адаптироваться к суровой окружающей среде перигляциальной зоны. Основа экономики - охота на мамонта, в какой бы форме она не происходила, требовала коллективности и в самой охоте, и в свеживании туши и в транспортировке добычи на место поселения. Так решалась главная забота человека для выживания - обеспечение пищей и на каждый день, и про запас в ямах-хранилищах. Другое необходимое условие, особенно в холодном климате, - домостроительство - совершалось за счет сбора крупных костей мамонта, очень тяжелых в свежем состоянии (о других строительных материалах можно говорить лишь умозрительно - они до нас не дошли, но и их заготовка также требовала значительных усилий). Изучение жилых конструкций показывает, что их создание требовало невероятной затраты труда, непосильной для одной семьи с 1-3 взрослыми мужчинами. Немаловажной была и добыча сырьевых ресурсов. Там, где поблизости не было источников кремня, как в Юдиново, его надо было добыть и принести в подготовленном виде из других мест, возможно, достаточно отдаленных. Естественно предположить, что коллектив выделял из своей среды в летнее время добытчиков кремня, а остальное общество оставалось не месте основного поселения. Как и во всяком коллективе при изготовлении орудий труда особое место занимали умелые мастера: нередки находки совершенных изделий, как бы сделанных одной рукой. Другой важный источник сырья - бивень, который мог быть использован только в свежем виде, отсюда намеренное хране-

ние его в ямах. Несомненно существовало и поло-возрастное разделение труда, выразившееся и в заботах повседневной жизни, куда входят занятия, оставившие материальные следы: выкапывание ям, раскалывание костей для топлива, выделка шкур, шитье одежды и т.п. Несомненно и наличие в коллективе одаренных личностей, создававших подлинные шедевры первобытного искусства. Большое значение имеет факт наличия в Юдинове специализированного производства мелких бус - нашивок из тонких пластинок бивня мамонта.

Таким образом, остатки поселений, дошедшие до нас, принадлежали са-оостаточной группе, обеспечивающей живущих вместе людей всем необходимым. Количество семей зависело, помимо прочих условий, и от окружающей среды: истощение ресурсов эксплуатируемой площади приводило к перемещению коллектива на новые места, но эти перемещения не могли быть сезонными или ежегодными, слишком велик был труд, затрачиваемый на более или менее долгое обоснование.

Недавно опубликованная монографически Машицка пещера в Польше представляет собой неоценимый источник для создания модели верхнепалеолитической жилой стоянки. Благодаря множественным антропологическим остаткам, этот уникальный замкнутый комплекс впервые дает возможность на археологических материалах изучить структуру и размеры основной верхнепалеолитической социальной группы (Maszycka Cave ..., 1995).

Пещера находится в окрестностях Кракова, на высоте около 65 м на левом склоне долины р.Прадник. Материалы раскопок 1883 г. геолога Г.Оссовского и новых исследований, проведенных С.Козловским в 1962-1966 г.г., согласуются между собой, представляя однородный стратиграфический и планиграфический, полностью сохранившийся ансамбль, что, очевидно, зависело от одновременной и быстрой гибели обитателей стоянки. По культурной принадлежности он относится к мадлену III "с наветт" и по хронологическому положению, согласно радиоуглеродным датам: 14 520±240 л.н. (Ly-2453) по кости лошади и 15 490±310 л.н. (LY-2454) по рогу северного оленя со следами работы, сопоставляется с древнейшими стоянками этой фации во Франции и с нашим кругом аносовско-мезинских поселений.

Замечательна планиграфия стоянки (Kozlowski, Sachse-Kozlowska, 1995, p. 165-169). Археологический материал был распределен на общей площади 70 кв.м, включая пещеру и террасовую площадку перед ней. Находки, залежавшие в первоначальном положении, дают возможность для функционального разделения стоянки. Галерея (рис. 17) - задняя часть пещеры, где был открыт целый череп бизона с рогами, лежащий позади огромного блока известняка. Он происходил из старых раскопок Г.Оссовского и, к сожалению, не сохранился. С.Козловский полагает, что он мог быть окрашен. Галерея первоначально была узким проходом на поверхность земли; теперь этот проход занесен отложениями. Задняя камера (рис. 17), тускло освещенная, площадью около 13 кв.м. Г.Оссовский открыл здесь только крупные кости животных, включающих 3 правые бедренные кости носорога, неповрежденные кости лошади и медведя, С.Козловский замечает, что Г.Оссовский нашел многие из

костей, прислоненными к крупным камням, возможно, это доказывает, что они были помещены в ямы-хранилища. При переходе в переднюю камеру (рис. 17, 3) находились кости, расколотые вдоль и поперек, что свидетельствует о разделке мяса и особенно извлечении мозга.

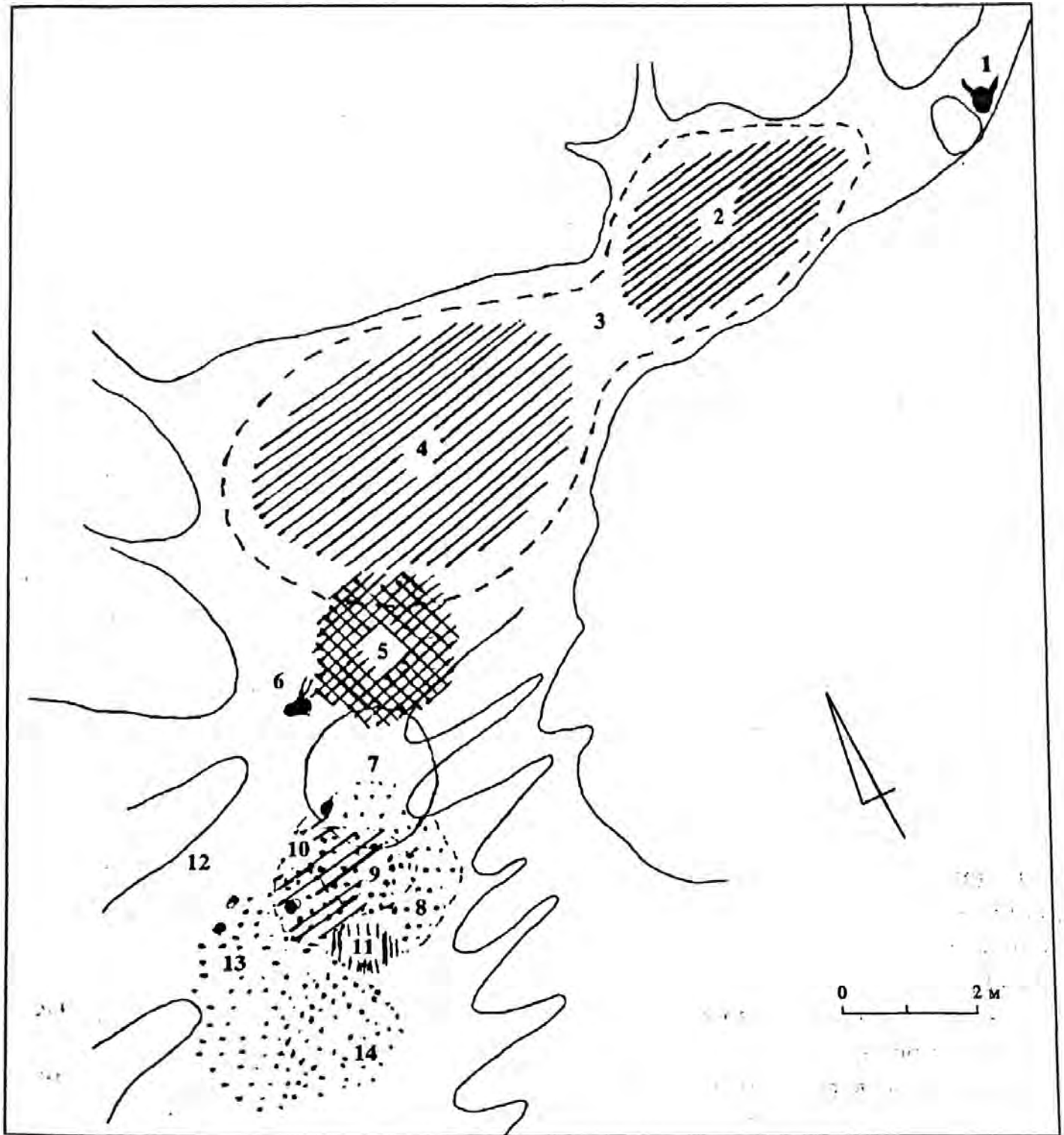

Рис. 17. Машицка пещера. Планиграфия стоянки. 1- целый череп бизона, 2 - бедренные кости носорога, 3 - крупные кости животных, целые и расколотые, 4 - находки отщепов, 5 - концентрация Б (костяной/роговой инвентарь), 6 - окрашенный череп сайги, 7 - концентрация А (кремневые нуклеусы, ретушированные орудия и пластинки), 8 - расколотые кости, 9 - ретушированные пластинки, 10 - целые кости животных, 11 - мелкий нуклеус и сколы оживления, 12 - остатки охотничьего оружия, 13 - отщепы, 14 - узкие пластины (Kozłowski, Sache-Kozłowska, 1995, fig. 2).

Передняя камера (рис. 17, 4), полностью освещенная, площадью около 40 кв.м. В ее северной части, наряду с упомянутыми крупными костями были более широко рассеяны мелкие кости и фрагменты костей, немногочисленные кремневые отщепы, пластины и орудия. Ближе к входу Г.Оссовский открыл округлую или овальную концентрацию костяных и роговых изделий (концентрация Б, рис. 17, 5) диаметром около 2.5 м, включающую свыше 25 наконечников дротиков, из которых около 15 были целыми, и 7 фрагментированных крупных наконечников копий. Все наконечники были обнаружены в наклонно стоящем положении. В этом скоплении находились и другие предметы из кости и рога, в частности, одна багетт из бивня мамонта, а также два каменных терочника. В южной части скопления (или повсюду ?) встретилось более 40 фрагментов человеческих костей. Ближе к западной стенке в маленьком корытоподобном углублении отмечен череп антилопы-сайги, окрашенный красной охрой (рис. 17, 6).

К юго-юго-западу от устья пещеры простирается почти на 10 м терраса р.Праздник. Максимальная протяженность археологического материала - 5-6 м от входа, причем у пещеры находки залежали в неповрежденном положении, а далее были затронуты узким потоком солифлюкции. В этом потоке содержались главным образом мелкие предметы, вымытые из площадки непосредственно напротив пещеры.

Концентрация А расщепленного кремня (рис. 17, 7) округлой или овальной формы, диаметром 2 м, располагалась снаружи у входа в пещеру. Она содержала большую часть орудий, обнаруженных на стоянке. Южнее этой концентрации находилось более мелкое скопление ретушированных пластин (рис. 17, 9), вместе с концентрацией целых костей (рис. 17, 10). Немного восточнее расчищено скопление продольно расколотых костей (рис. 17, 8) и прямо к югу от него - скопление поперечно расколотых костей. Еще далее к югу крупная концентрация отщепов (рис. 17, 13) содержала группу из нуклеуса и двух отщепов переоформления (рис. 17, 11) и частично перекрывала скопление узких пластин (рис. 17, 14). Западнее потока солифлюкции обнаружены предметы рогового охотничьего оружия и отдельные кремневые скребки.

Четко прослеженная планиграфия стоянки представляет три главные зоны деятельности:

1) жилище в пещере, возможно, с деревянной загородкой типа шалаша, с "тотемом" в виде окрашенного черепа сайги у входа, со спальным пространством примерно для 20 человек (задняя часть передней камеры пещеры), очагом или очагами, которые не обнаружены, и местом хранения костяных и роговых изделий (концентрация Б) и кремневого инвентаря (концентрация А). Мелкие кости, возможно, кухонные отбросы, рассеяны по площади жилища;

2) зона хранения запасов в задней камере пещеры. В конце задней камеры - другой "тотем" - череп бизона;

3) зона индустриальной деятельности на террасе, напротив входа в пещеру, занимает 20-30 кв.м и состоит из различных микрозон: место в западной

части площади, где с принесенных на стоянку туш снимали шкуры, их потрошили и расчленяли, дальше к востоку мясо разрубали и есть отдельное место, где длинные кости раскалывали для извлечения мозга. Площадь, где разрубали мясо, могло быть местом, где его готовили для употребления в пищу и где туши делились на части для хранения. Ретушированные пластины и сломанные пластины, собранные на террасе, возможно, связаны с расчленением, снятием шкур и отделением мяса от костей. Южнее расположена мастерская мелких пластин вместе с сопутствующим расщепленным кремнем (рис. 18).

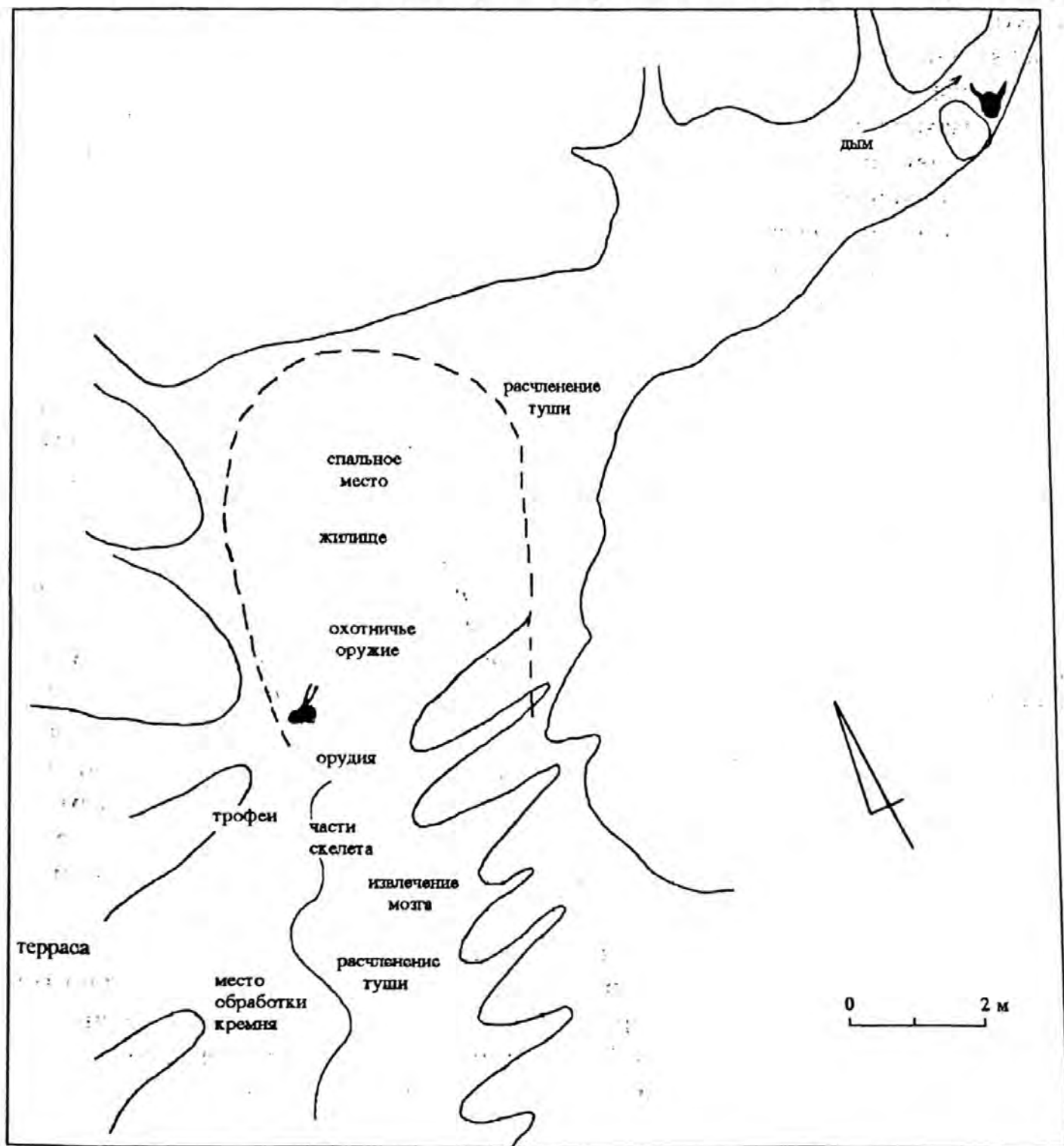

Рис. 18. Мащицка пещера. Функциональная зональность стоянки (Kozłowski, Säche-Kozłowska, 1995, fig. 29).

Такая ясная планиграфия, несмотря на ее сложность, свидетельствует, что стоянка была заселена короткий период - привлечение других данных позволяет авторам предположить срок не более трех месяцев, приходящихся на осенне-зимний период. Удивляет отсутствие очага, авторы оставляют это вопрос открытым.

Связь антропологических остатков с культурным слоем несомненна. Человеческие кости из коллекции Г.Оссовского были сгруппированы точно при входе в пещеру вместе с костяными изделиями. На террасе, раскопанной С.Козловским, человеческие кости были рассеяны беспорядочно (Kozlowski, Sachse-Kozlowska, 1995, p. 170-172; Karica, Wiercinski, 1995). В целом, собрано свыше 50 костей, главным образом, фрагментов черепов, особенно теменной и затылочной частей черепной крышки. Антропологи установили на многих фрагментах следы раскалывания, резания, скальпирования. Следы ограничиваются внешней поверхностью фрагментов, являются одновременными заселению стоянки и создают четкое впечатление каннибализма, явно направленное на потребление мозга.

Если признать, что в Машицкой пещере каннибализм имел место, а это кажется достаточно доказанным, то возникает вопрос: кто был убит и съеден? Жители Машицкой ели своих врагов или сами были съедены? Последняя ситуация значительно более вероятна и хорошо коррелируется с исключительной полнотой археологического комплекса. Вероятность этого предположения увеличивается далее за счет возрастной структуры находок, указывающей на так называемую естественную популяцию. Фрагменты принадлежат по крайней мере 16 особям. Возрастная структура состоит из 5 взрослых/зрелых, 2 молодых, 1 подростка и 8 детей. Из них лишь 8 могут быть определены по полу, не только из-за плохой сохранности костного материала, но и из-за большого числа детей, пол которых трудно определить с уверенностью. Среди 8 особей от юношеского до зрелого возраста установлено 2 мужчин, 1 подросток - мальчик, 3 женщины (включая одну в возрасте 30-40 лет) и 2 девушки. Авторы отмечают, что строгий отбор костей привел к уменьшению группы обитателей Машицкой, которая, возможно, была более близкой по размерам к так называемой расширенной семье, насчитывающей 20-25 человек в среднем. Такая расширенная семья состоит из 2-3 нуклеарных семей и может считаться локальной группой, более высокой единицей, чем нуклеарная семья, в социальной иерархии. Локальная группа нормально экзогамна и полностью открыта для внешнего мира. Размеры группы хорошо согласуются со стандартными размерами охотничьих групп практически повсюду в мире. Предполагаемые 2 (3 ?) нуклеарные семьи должны были занимать одно большое жилище (6x4-5 м) с одним или двумя очагами, с одинаковым ассортиментом костяного и кремневого инвентаря.

Размеры рассмотренных нами жилищ в стоянках на открытом воздухе на Русской равнине позволяют считать каждое сооружение предназначенным для одной нуклеарной семьи, а поселение - как место обитания локальной группы.

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ КРЕМНЕВОГО ИНВЕНТАРЯ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК БАССЕЙНА ДЕСНЫ - ДНЕПРА.

Как известно, кремневый инвентарь - наиболее массовый материал в палеолитических стоянках, наиболее хорошо сохраняющийся в различных условиях в отличие от костяного и, благодаря этому, наиболее широко используемый для различного рода построений, касающихся культурной принадлежности памятников и их хронологической позиции. В этих построениях основное внимание уделяется аналогиям в технике расщепления кремня и особенно в типологии орудий, причем привлекаются не только реальные количественные показатели той или иной категории, группы или типа орудий, но и различные более изощренные методы, основанные на подсчетах процентных отношений, представленных в инвентарях различных стоянок. При этом не учитывается характер памятников, вскрытая площадь, наличие в окрестностях выходов сырья и прочие особенности, накладывающие определенный и выразительный отпечаток на количественные показатели.

В поисках аналогий для кремневого инвентаря Юдинова и обращаясь в первую очередь к ближайшим памятникам Среднеднепровского бассейна, сталкиваемся со значительными трудностями. Несмотря на более чем столетнюю историю исследования верхнего палеолита этой обширной области, до сих пор не выработано единой типологической системы.

Каждый исследователь применяет собственную систему в описании кремневого инвентаря, иногда не учитывая некоторые специфические черты, иногда, напротив, основываясь на некоторых очень важных морфологических особенностях, не учитываемых другими исследователями. Подсчеты процентных отношений различных категорий орудий становятся часто субъективными и не дают возможности для полноценного сравнительного анализа. Часто даются пропорции для очень малого числа орудий, что приводит к существенным искажениям при сравнении инвентаря.

Вырабатывая типологию каменного инвентаря верхнего палеолита на среднем Енисее я имела возможность опираться на материалы, полученные в результате собственных многолетних раскопок ряда стоянок кокоревско-новоселовского района. Прделанная большая работа по вычислению процентных отношений и составлению кумулятивных графиков играла чисто вспомогательную роль для подтверждения особенностей двух выделенных археологических культур (Абрамова, 1979а, б). Это доказывает, что на процентные отношения можно опираться лишь при наличии единой типологической системы, в других же случаях лишь с большой осторожностью, учитывая привходящие обстоятельства, особенно в тех случаях, когда в процентах выражаются минимальные количества орудий. Проработать же все имеющиеся отношение к теме коллекции по единой системе оказалось невозможным, поэтому пришлось использовать лишь опубликованные данные.

Напомним общие характеристики кремневого инвентаря определенного участка стоянки Юдиново (150 кв.м), как основы для сравнения (Абрамова, 1995; Абрамова, Григорьева, Кристенсен, 1997). Прежде всего, служивший основным сырьем меловой кремень приносился на поселение в виде уже подготовленных или опробованных желваков и плиток, видимо, с берегов Десны, поскольку в окрестностях стоянки выходов кремня не отмечено. Почти все нуклеусы призматические, одноплощадочные и двуплощадочные, сильно сработаны и в ряде случаев превращены в отбойники. Широко представлены сколы "оживления" нуклеусов, которые нередко использованы для изготовления орудий - свидетельство того, что сырьем дорожили. Основной заготовкой для орудий служили пластинки, часто неправильных очертаний, преимущественно средних размеров (длиной 4-7 см). Возможно, благодаря тому, что производилась промывка всей земли, извлеченной из культурного слоя, собрано огромное количество мельчайших отщепов и чешуек (87 902 экз.), что составляет 88% от общего числа расщепленного кремня (99 887 экз.). Если отбросить эту категорию, непригодную для дальнейшего использования, то из оставшихся 11 985 экз. собственно орудия (1592 экз.) составляют 13.3%, а с добавлением обломков орудий (260 экз.) и предметов со следами обработки и использования (612 экз.), то 20.5%. Очевидно, немаловажную роль в этих показателях играет то, что материал происходит с площади двух жилищ и особенно зольной ямы.

Что касается орудий, то наиболее многочисленны резцы и скребки. Резцов 548 или 34.4% орудий, не считая 159 хорошо сохранившихся обломков, а учитывая обломки, то 44%. Из целых инструментов подавляющее большинство принадлежит боковым с ретушью на конце - 328, которые вместе с безретушными (17) составляют 62.9% резцов. Остальные формы значительно реже представлены: двойных 74 или 13.5%, двугранных 35 или 6.4%, угловых 75 или 13.6%, единичных - 19 или 3.5%. Показательно, что 448 резцов изготовлены из пластинок разных размеров, 33 из пластинчатых отщепов, 20 из отщепов и 47 из сколов "оживления" нуклеусов.

Скребки по численности даже превосходят группу резцов - 605 целых или почти целых и 83 обломка, выделенные по наличию рабочего лезвия со скребковой ретушью, т.е. в целом 43.2% орудий. Разнообразие форм скребков и особенно случайность формы той или иной основы не укладывается ни в какие классификационные схемы. Орудий на пластинчатых заготовках относительно немного - 139 из пластинок преимущественно средних размеров и 75 из пластинчатых отщепов. 289 изготовлено на отщепах также средней величины, 101 из сколов "оживления" и 1 из краевого отщепка резца. К округлым формам может быть отнесен единственный микроскребок. Двойные скребки (26) с противоположащими лезвиями изготовлены только из отщепов. Следует отметить наличие на лезвиях некоторых скребков "шипа" или выступа.

Комбинированные орудия немногочисленны, из них скребки-резцы составляют 38 или 2.4%, резцы-острия и скребки-острия единичны.

В особую группу выделены орудия из микропластинок, отличающиеся от мелких пластинок более узкими пропорциями и более правильной огранкой. Чаще всего, они представлены в обломках. Если в целом их 147 экз. или 9% орудий, то особого внимания заслуживают микропластинки с притупленной спинкой - 4 целых и 36 обломков, острия - 14 и другие формы - 18 экз.

Орудия из пластинок более разнообразны, в отличие от единичных орудий из отщепов. При совместных подсчетах пластинки разных размеров с ретушью по краям составляют 30 экз. или 1.9% и только 2 отщепа имеют ретушированные участки по краям. Пластинки разных размеров со скошенным ретушью концом представлены 57 экз. или 3.5% орудий, часть их бесспорно может являться заготовками ретушных резцов, как в свое время справедливо заметил М.В.Воеводский. Острия из пластинок достаточно разнообразны, но немногочисленны - 28 экз. или 1.8%. Не исключено, что некоторые из них служили проколками или резчиками. Отмечены также 2 острия из отщепов. Орудия с выемками по краю представлены пластинками (25 экз.) и отщепами (6 экз.), что вместе составляет 1.9% инструментов, орудия с выемками на конце соответственно 17 из пластинок, 6 из отщепов, т.е. 1.4%; изделия с подтеской 8 и 6, т.е. 0.8%; проколки 5 и 3, т.е. 0.5%; двойные (5) и своеобразные орудия (4 из пластинок и 4 из отщепов) вместе 0.8%. И, наконец, надо отметить 4 скребла из отщепов, дающие 0.25%.

Наибольший интерес представляет сравнение с одной из деснинских стоянок **Чулатово II**, расположенной примерно в 80 км к югу от Юдинова. За три года работ (1936-1938 г.г.) М.В.Воеводским было вскрыто свыше 1000 кв м и исчерпана вся сохранившаяся часть стоянки. Культурные остатки на площади заселения распределены неравномерно. В основном раскопе на центральном мысу выявлено около 100 рабочих площадок для обработки кремня и кости, а также несколько небольших кострищ с остатками золы древесного и костного угля и скоплениями около них красной краски. Размеры их обычно не превышали 1-1.5 м в диаметре и толщину 1-1.5 см. В юго-западной части поблизости от группы кострищ найдено много расколотых трубчатых костей и черепов мамонта. Рядом со скоплениями прослежены небольшие округлые в плане ямки диаметром 20-30 см и глубиной до 30 см, на дне которых лежали тонкие правильные пластинки бивня мамонта, что свидетельствует о назначении этих ямок как хранилищ. Вместе с тем, большая часть ямок была заполнена зольным культурным слоем без находок. М.В.Воеводский отмечает, что, судя по залеганию материала, можно думать, что некоторые части стоянки неоднократно меняли свое назначение. Так, например, центральная часть сначала служила для жилья: тут были найдены остатки западины, с вертикально вкопанными по одной стене костями мамонта (Воеводский, 1947а, с. 44, рис. 2). Поблизости от западины располагалось несколько кострищ. Потом на этом месте изготовляли орудия, о чем свидетельствуют рабочие площадки. Аналогичная картина установлена и в юго-западной части поселения. К сожалению, более подробные описания жилых сооружений отсутствуют, но дан общий план вскрытой площади (Воеводский, 1952а, вклейка у с. 102). М.В.Воевод-

ский пришел к заключению, что "по-видимому, жилища здесь имели характер легких шалашей или навесов и лишь одно, расположенное в центре поселения, было более постоянным, со слегка углубленным в землю полом" (там же, с. 131). По мнению М.В.Воеводского, стоянка представляла собой небольшое временное поселение, существовавшее, по всей вероятности не более года. Однако, И.Г.Пидопличко и И.Г.Шовкопляс (1961, с. 76) считают возможным говорить об остатках долговременного жилища, в конструкцию которого входили крупные кости мамонта. Как нам кажется, Чулатово II представляло собой летнее, не один год посещаемое стойбище, специализировавшееся на первичной подготовке кремневых желваков. О том, что это не была типичная мастерская свидетельствуют и остатки жилищ, и многочисленные кости мамонта, представленные всеми частями скелета. Кости сильно раздроблены, у трубчатых костей вскрыты мозговые полости, а черепа разбиты на мелкие части. На этом основании "можно предположить, что кости приносились вместе с частями туши в свежем состоянии, так как трудно думать, что в ископаемых костях или даже замороженных тушах мог сохраниться в хорошем состоянии костный мозг" (Воеводский 1952а, с. 126). М.В.Воеводский отмечает, что кроме ряда поделок из свежих бивней, большинство костей мамонта в фаунистических остатках говорит об охоте на это животное. Однако, о фауне Чулатово II известно очень мало. Упоминается о немногих костях северного оленя и быка (там же, с. 107). В.И.Громов, со ссылкой на И.Г.Пидопличко (1938), помимо мамонта, упоминает крестец лошади или оленя, рог северного оленя и кости песка (Громов, 1948, с. 130).

Значение стоянки заключается в том, что в ее непосредственных окрестностях находятся выходы кремневого сырья, характерные для правого берега Десны и насколько нам известно, отсутствующие в долине р.Судости в районе Юдинова. Анализ кремневых материалов Чулатова II позволяет предположить несомненное родство с Юдиновым. Складывается впечатление, что именно здесь юдиновцы запасались кремнем. Это могло бы найти подтверждение и в традициях домостроительства (остатки жилища из костей мамонта), и в преобладании костей мамонта, но такие характеристики слишком общие: за кремнем могли приходиться и из других базовых лагерей, и только структура кремневого комплекса показывает культурную близость Юдинова и Чулатова II. Напомним, что в Юдинове почти отсутствуют следы первичной обработки кремня. С полной определенностью можно говорить, что на поселение приносились уже подготовленные или опробованные желваки и плитки. В Чулатове в основании толщи мела залегает сплошная прослойка плитчатого кремня, а на 2-3 м выше горизонт желвачного кремня. Просмотр многочисленных обломков кремня и нуклеусов из культурного слоя позволил М.В.Воеводскому установить, что весь кремень несомненно добывался в коренных отложениях мела, на стоянку приносились большие куски плиток и целые желваки и вся их подготовка производилась на месте. Часть крупных обломков представляет собой неиспользованные части плиток, остальные являются отбросами от раз-

бивания плиток и выравнивания краев при подготовке нуклеусов. Желвачные обломки состоят из сбитых отростков и концов желваков.

Среди сравнительно немногочисленных подготовленных нуклеусов преобладают плитчатые, у которых скалывание производилось с узких боковых сторон. В целом, они мало продуктивны и не удивительно, что в Юдинове встречено больше желвачных нуклеусов. Судя по очень краткому описанию и немногим рисункам, нуклеусы в Чулатове II, в отличие от юдиновских, мало сработаны. М.В.Воеводский отмечает, что плитчатые нуклеусы очень своеобразны и почти не поддаются сравнению, а желвачные находят аналогии в Гонцах, Тимоновке, Супоневе и других стоянках. Из сколов переоформления нуклеусов М.В.Воеводский упоминает только реберчатые пластинки, характерной особенностью большей части которых являются сколы исключительно на одном ребре. Предполагая наличие других видов сколов переоформления и отбойников в Чулатове II, не выделенных М.В.Воеводским, подчеркнем, что в Юдинове высокое число таких предметов свидетельствует об интенсивном расщеплении уже подготовленных в другом месте нуклеусов и их подправке для нового использования. В Чулатове II массовую группу отходов производства представляют осколки, включающие и чешуйки, число которых, к сожалению, не указано. Большая часть отщепов является первичными сколами с желваков и с краев плиток, снимающими корку и выступы. Пластинки многочисленны, в общем, они довольно правильные и длинные, что отчасти может быть связано, как считает М.В.Воеводский, со снятием с плитчатых нуклеусов. Длина их от 3 до 12 см, причем 80% пластинок имеет длину 4-8 см, ширину от 0.7 до 4.0 см. Подавляющее большинство пластинок обладает шириной 1-2 см.

Что касается состава и обработки орудий, то сравнивая Чулатово II и Юдиново можно говорить о полной идентичности. Набор орудий в Чулатове II более беден и однообразен. М.В.Воеводский отмечал, что законченные орудия представлены почти исключительно резцами и скребками. Особенно многочисленны резцы, главным образом, боковые, которые сходны с юдиновскими до деталей. По М.В.Воеводскому, скребки представляют довольно однообразную серию, будучи изготовленными из пластинок, но, судя по немногочисленным рисункам, есть и другие основы. В Юдинове скребки более многочисленны и разнообразны, что объясняется потребностями повседневной жизни. В Чулатове II отмечены также пластинки с ретушью и следами использования, в том числе орудия с неглубокими выемками типа скобелей, и единичные косые острия, которые М.В.Воеводский, по-видимому справедливо, считает заготовками боковых резцов. Единственное острие из пластинки (Воеводский 1952а, рис. 5, 4) полностью аналогично орудью из Юдинова (Абрамова и др., 1997, рис. 27, 22).

В целом, некоторая бедность орудиями Чулатова II объясняется характером памятника, на котором временно жили, обрабатывая сырье и обеспечивая себя пищей и необходимыми орудиями для ее добычи и разделки.

Для понимания характера памятника представляется очень ценной статья Н.Б.Леоновой (1976), посвященная анализу "производственных комплексов", выделенных М.В.Воеводским на вскрытой площади. По мнению Н.Б.Леоновой, комплексы не могут считаться производственными, т.к. все они расположены на территории больших скоплений, т.е. на месте интенсивного обитания (там же, с. 10). Анализу подверглись 3 скопления: первое площадью около 16 кв.м, второе - около 8 кв.м и третье - 43 кв.м (практически почти весь раскоп III 1937 г.). Для всех скоплений характерна чрезвычайная насыщенность расщепленным кремнем: среднее количество на 1 кв.м 142, 149 и 131, т.е. по насыщенности скопления не различаются. Распределение нуклеусов в скоплениях почти одинаково: в 1-м 19 или 0.83%, во 2-ом - 6 или 0.53%, в 3-ем - 43 или 0.8%. Иная картина во встречаемости орудий и пластинок, служивших заготовками: в 1-м их 1.4% и 3.2% соответственно, во 2-ом 0.84% и 1.6%, в 3-м - 6.1% и 13.9%. Напротив, по распределению плиток и желваков, т.е. сырья первичной обработки, скопления 1 и 2 отличаются от скопления 3 их повышенным содержанием: в 1-м - 10.4%, во 2-ом - 8% и в 3-м - 4.9%. Это позволяет Н.Б.Леоновой предполагать наличие некоей производственной специфики на площади трех больших скоплений. В скоплении 3, насыщенном разнообразными культурными остатками и самым сложным по составу, вероятнее всего, чаще производилась работа орудиями, их подправка и изготовление. Скопления 1 и 2 более связаны с первичным раскалыванием кремня. В скоплении 1 больше всего сохранилось участков мелких кусочков мела, часто образующих довольно толстую брекчию. Такие участки возникали при обкалывании меловой корки со свежего кремневого сырья. Можно думать, что именно на площади этих скоплений шла интенсивная подготовка материала, предназначенного для переноса на стоянки, лишенные собственных выходов кремня. Для решения вопроса является ли Чулатово II летним лагерем Юдинова, откуда шло снабжение первоклассным сырьем, необходим петрографический и высоко точный химический анализ кремня этих двух местонахождений.

Определенный интерес представляет и стоянка **Бугорок**, исследованная в значительно меньших масштабах. Она находится на правом берегу Десны близ с.Пушкари, примерно в 50 км к югу от Юдинова и в 30 км к северу от Чулатова II. В районе Пушкарей выходы мелового темно-серого кремня имеются почти во всех больших оврагах по Десне и Мосолову рву. Кремень в основном желвачный, но есть и плитчатый несколько более плохого качества. Стоянка, имеющая, согласно шурфам и распространению находок на поверхности, огромную протяженность, вскрыта М.Д.Гвоздовер в 1940 г. на площади 13.6 кв.м (Гвоздовер, 1947; Воеводский, 1952б). Культурный слой ясно не выражен, материал находится не в первичном залегании и, видимо, был перемещен (спроецирован) на месте. Фаунистические остатки немногочисленны: зуб мамонта и обломки крупных трубчатых костей и ребер, возможно, этого животного, обломок черепа овцебыка, и сильно обожженная локтевая кость быка, ближе не определенного.

Всего в раскопе собрано 4198 экз. расщепленного кремня. М.В.Воеводский отметил, что на стоянку приносились целые кремневые желваки и большие куски плиток, кроме того, много осколков и отбросов от всех стадий обработки, начиная от сбитых выступов желваков до мельчайших чешуек, число которых, к сожалению, в подсчетах не указано. Большинство нуклеусов (77) изготовлено из желваков и имеет неправильную призматическую форму, они одноплощадочные и двуплощадочные, все односторонние. Плиточные нуклеусы (19) почти всегда носят следы сколов с одной узкой стороны. Высота нуклеусов 4-5 см, лишь отдельные имеют 7-8 см. М.Д.Гвоздовер указывает на наличие обломков нуклеусов, а также поперечных сколов с них и реберчатых пластин, под которыми она понимает сколы, получавшиеся при выравнивании длинного края нуклеусов. Сработанные нуклеусы использовались в дальнейшем, в частности, для изготовления скребков и отбойников, которых отмечено 7, в том числе и из обломков кремня неправильной формы.

Основной заготовкой для изготовления орудий были пластинки длиной 3-8 см, преимущественно 4.5-5.5 см, почти все они неправильных очертаний. Превосходящие их количественно отщепы в большинстве были отбросами производства, только 6% их превращены в орудия, причем для изготовления резцов и скребков использовались наиболее массивные.

Резцы (112) составляют самую многочисленную группу орудий (почти 51%). Преобладают боковые резцы с притупляющей ретушью на скошенном конце длиной 4-5 см, редко до 7-8 см. М.Д.Гвоздовер отмечает близкие им по типу резцы в Гонцах. Что касается деталей оформления, то в Юдинове представлен прием подправки продольного резцового скола поперечным ударом, сколовшим частично притупленный ретушью скошенный край, прием, упомянутый М.Д.Гвоздовер, у двух резцов из Бугорка. По размерам (длина менее 2 см, ширина менее 1 см) выделяются два микрорезца. М.Д.Гвоздовер ссылается на один такой резец в Тимоновке (Воеводский, 1929, по-видимому, рис. 7, 10). К этому можно добавить 3 резца из микропластинок в Юдинове (Абрамова и др., 1997, рис. 14, 3-5). В Бугорке, так же как и в Юдинове, отмечены угловые резцы, в значительно меньшем числе, чем боковые, и один срединный; краевые отщепки резцов и косые острия - заготовки для резцов, хотя в Юдинове некоторые из них могли быть и самостоятельными орудиями.

Среди скребков различаются концевые (66) и нуклевидные (13) из использованных нуклеусов. В число концевых входят скребки из пластинок длиной до 5 см (20); из отщепов длиной 4-4.5 см (29), из них несколько массивных длиной 6-6.5 см, часть которых первичные; из поперечных сколов (12), один из них округлый. Отмечено несколько скребков высокой формы. Два из них правильной килевидной формы с немного вытянутым носиком не находят аналогии в Юдинове. В целом, по мнению М.Д.Гвоздовер, скребки Бугорка напоминают скребки Тимоновки и Супонева, также изготовленные на отщепах и поперечных сколах с нуклеусов, скребки Борщево II, Гонцов, Чулатова II и др.

Из прочих орудий упоминаются тонкие и узкие ножевидные пластинки (26) со следами работы. В их число входят 3 пластинки с частично притупленным краем и 5 узких и коротких пластинок, имеющих на одной грани правильную притупливающую ретушь и отнесенных М.Д.Гвоздовер к типу вкладышей. Несколько отщепов и обломков обладают краевой ретушью в нескольких местах. "Проколки, так характерные для Мезина и Супонева, представлены всего в числе 6 экземпляров, из них 5 правильнее было бы назвать режущими остриями" (Гвоздовер, 1947, с. 97) - черта, характерная и для инвентаря Юдинова. М.Д.Гвоздовер упоминает две небольшие пластинки с нечетко выделенной ретушированной выемкой и 3 более крупных орудия с рубящей функцией. Любопытно, что М.Д.Гвоздовер оставляет без внимания два орудия, не только обозначенные М.В.Воеводским, как *pièces écaillées*, но и представленные на рисунках (Воеводский, 1952б, с. 98, табл. 4, 11, 12), показывающих их полную аналогию с соответствующими изделиями из Юдинова (Абрамова и др., 1997, рис. 31, 3).

Ничто не противоречит тому, что к списку стоянок, приведенных М.Д.Гвоздовер в качестве близких по кремневому инвентарю к стоянке Бугорок, можно причислить и Юдиново.

В литературе уже давно утвердилось мнение о сходстве материальной культуры Юдинова с Тимоновскими стоянками. Особенно убедительно это показано Л.В.Греховой, отметившей, что, несмотря на значительную отдаленность их друг от друга (порядка 90 км), инвентарь столь близок, "что их с полным основанием можно объединить в группу однотипных памятников" (Грехова, 1971, с. 20). Использованное сырье в Тимоновке - это в основном деснинский меловой кремль, черный или дымчато-полупрозрачный. Выходы желвачного кремня имеются в долине речки Супоневки в 14 км к западу от Тимоновки. Плиточный кремль встречается в меловых отложениях в окрестностях стоянки.

Уже первая публикация стоянки Тимоновка I (Воеводский, 1929) дает четкое представление о характере и составе кремневого инвентаря. Используя значительно более обширные коллекции В.А.Городцова и просмотрев более 100 000 предметов, Л.В.Грехова произвела и количественные подсчеты, которые, к сожалению, не полны и касаются главным образом, орудий и их заготовок. Так, в группу предметов, характеризующих первичную обработку кремня, включены "нуклеусы, сколы площадок и куски со сколами" (Величко и др., 1977, с. 102). Эта группа состоит из 3579 экз. - 3.5% расщепленного кремня. Указано, что пластин и их обломков 6895 экз. - 6.89%. Пластины - небольшие, длиной 3-5 см, с неровными краями. Крупные пластины длиной 7-9 см единичны. В отношении отщепов сказано лишь, что их огромное количество. "В дневниках В.А.Городцова есть указание на то, что мелкие отщепы выбирались не все, особенно в местах мастерских. Возможно, от этого зависит несколько больший, чем на других стоянках процент орудий" (там же). Хотя и подчеркивается, что пластины являются основной заготовкой для орудий, дается лишь общее количество предметов со вторичной обработкой, в которое

входят 6433 собственно орудия законченной формы, включая определяемые обломки, что составляет 6.42% от общего числа кремневого инвентаря. Это лишает возможности точного сопоставления с соответствующими материалами Юдинова, особенно, если учесть огромную разницу в площадях, с которых происходят коллекции.

Ведущей формой орудий являются резцы (4714; 73.3%), среди которых преобладают боковые косоретушные (4088; 86.7% ко всей группе). В очень небольших количествах представлены угловые (324; 6.9%) и на углу сломанной пластинки (191; 4%), а также единичные формы (111; 2.3%). При сравнении с юдиновскими показателями здесь бросается в глаза явное преобладание резцов над другими категориями орудий. В Юдинове нет такого подавляющего большинства косоретушных резцов, может быть, за счет того, что там особо выделены из общей массы двойные, а также двугранные; в угловые включены и орудия на углу сломанной пластинки, которые Л.В.Грехова представляет как две различные группы.

В отличие от Юдинова в Тимоновке I скребки встречены в значительно меньшем числе (1098; 17.1%). Они изготовлены в основном из отщепов и укороченных пластин. Двойных (69; 6.3%) больше, чем в Юдинове (4.3%). Округлые скребки не упомянуты, хотя, по другим источникам, единичные формы присутствуют. Скребки-резцы представлены в Юдинове и Тимоновке I примерно в равных пропорциях (2.4% - 2.2%). остальные категории орудий не поддаются сравнению или из-за объединения таких разнородных орудий как "пластины с притупленным краем и острия" или из-за включения единичных, но характерных орудий в "прочие формы" (Величко и др., табл. 13). Однако, эти памятники объединяет наличие скошенных острий, проколов, орудий с выемками и с подтеской.

К.Н.Гаврилов, проделав скрупулезный анализ кремневых орудий по четырем комплексам Тимоновки I на основании различных, часто мелких морфологических особенностей, пришел к заключению, что "в проявлении различий для всех комплексов стоянки Тимоновка I характерна одна общая черта. На уровнях категорий и групп специфические характеристики комплексов проявляются прежде всего в степени представленности одних и тех же таксонов, а на уровне типов - как в степени представленности одинаковых таксонов, так и в конкретном наборе и количестве всех типов... Если комплексы стоянки Тимоновка I и разновременны, то это никак не отразилось на способах оформления предметов со вторичной обработкой. Гораздо более вероятно, что особенности каждого из комплексов - результат различий в хозяйственной деятельности людей, их оставивших" (Гаврилов, 1994а, с. 75). Если рассматривать юдиновский комплекс с этой точки зрения, то его особенности могут отражать специфику вскрытой площади с двумя жилищами и зольником, связанную с повседневными бытовыми нуждами. Разработки К.Н.Гаврилова подтверждают вывод Л.В.Греховой, что все комплексы Тимоновки I относятся к одной и той же кремневой индустрии и что их ближайшей аналогией является

кремневый инвентарь стоянки Тимоновка II (Грехова, 1971; Величко и др., 1977).

Из общей массы расщепленного кремня в 13 932 экз. в Тимоновке II категория предметов, связанных с первичной обработкой кремня - нуклеусы, поперечные сколы с нуклеусов, реберчатые пластины, бесформенные куски со сколами составляют 402 экз. или около 3% всего инвентаря. Если исключить приведенную Л.В.Греховой цифру в 6059 отбросов вторичного производства, то эта категория составит 5.1%. В Юдинове эти отношения будут соответственно 1.1% и 9.2%, что показывает значительно более интенсивное изготовление орудий. Л.В.Грехова отмечает, что "относительно небольшой процент этой категории предметов, несмотря на обилие отбросов производства, позволяет рассматривать весь комплекс кремневой индустрии Тимоновки II не как специализированную мастерскую по первичной обработке кремня, а как различные стадии получения орудий на стоянке, близкой к источникам сырья" (Грехова, 1971, с. 5).

Несмотря на большое количество отщепов (4813 экз.), размеры которых от 2 до 3.5-4 см, только немногие использовались для изготовления скребков. Основной заготовкой для орудий были пластинки. Из собранных на стоянке 1406 пластинок и их обломков, немногие, кроме того, имеют выщербины, заполированность или случайного характера ретушь на краю (6.8%). В Юдинове последняя категория составляет 15% всех пластинок. Как и в Юдинове крупные пластинки единичны, но в Тимоновке II значительно больше пластинок с остатками галечной корки на поверхности.

Вторичная обработка отмечена у 819 экз., которые составляют почти 6% расщепленного кремня, но, если, исключить мелкие отщепы и чешуйки, то 10.4%. В Тимоновке II ведущее место среди орудий занимают резцы (328 или 51.9% орудий), почти все из пластинок, а среди них подавляющее большинство составляют боковые ретушные (255 или 78%). Интересно наличие, как и в Юдинове, приема подживления ретушного конца поперечным сколом. Скрепки в Тимоновке II составляют значительно меньшую пропорцию по сравнению с Юдиновым (180 или 28.5%), что, бесспорно, отражает лишь особенность изучаемого участка юдиновской стоянки. Любопытно, что округлых мелких скребков в Тимоновке II не отмечено, но в целом они не характерны и для Юдинова. Микропластинки с притупленным краем, представленные главным образом в обломках, составляют довольно значительную группу (49 или 7.7%). острия из правильных пластинок единичны, они вряд ли могут быть охарактеризованы как некая переходная форма между остриями шательперрон и граветт. Единичны и пластинки с выемками и проколки-"провертки". Следует отметить и наличие среди нескольких кварцитовых отщепов скребла из плитки, так же находящего соответствие в инвентаре Юдинова.

Л.В.Грехова уже отметила на основании просмотра старых коллекций и данных В.Д.Будько (Будько, Сорокина, 1969, с. 134), что из всех верхнепалеолитических стоянок деснинского бассейна именно Юдиново ближе других по материальной культуре Тимоновским стоянкам. Если и есть различия, то они

не более велики, чем между комплексами Тимоновки I и Тимоновки II (Грехова, 1971, с. 20-21). Все это позволило Л.В.Греховой выделить характерные черты кремневого инвентаря памятников этой территории, относящихся к заключительным этапам формирования водораздельных лессов. Это: общая бедность форм кремневого инвентаря и почти одинаковый набор типов орудий с ведущей ролью бокового резца при сохранении четких серий других типов резцов; значительное количество скребков, среди которых главное место занимают орудия из укороченных пластин и острий с притупленным краем; небольшое количество проколов-проверток. Несмотря на то, что все орудия некрупных размеров, в инвентаре не прослеживается тенденции к микролитизации и геометризованным формам (хотя имеются отдельные экземпляры квадратных скребков). Комбинированные орудия и двойные формы представлены слабо. Отсутствуют серии орудий с двусторонней обработкой и прием подработки заготовки с нижней поверхности (исключения единичны). Нет и рубящих орудий (там же, с. 8, 15, 21).

Рассмотрим как вписываются в эту характеристику другие памятники среднеднепровского бассейна, которые объединяют с Юдиновым наличие остатков жилищ из костей мамонта и, прежде всего, Гонцы, где, как и в Юдинове месторождений кремня поблизости нет. Здесь нельзя не упомянуть мнение П.П.Ефименко, заметившего, что жилище в Гонцах близко напоминает "замечательное жилище в Юдинове, открытое К.М.Поликарповичем" (Ефименко, 1953, с. 553). Несмотря на то, что к изучению этого памятника, первого, обнаруженного в 1873 г. на Русской равнине, обращались многие исследователи (Городцов, 1926; Ефименко, 1938; Левицкий, 1947; Гладких, 1973 и др.), кремневый инвентарь Гонцов остался монографически не изученным. Помимо краткой, но четкой и содержательной характеристики, данной П.П.Ефименко (Ефименко, 1953, с. 553-554), можно сослаться на более полное описание, сделанное П.И.Борисковским, касающееся, правда, только раскопок И.Ф.Левицкого 1935 г. (Борисковский, 1953, с. 313-323). При этом П.И.Борисковский счел, что отмеченные И.Ф.Левицким отличия в кремневом инвентаре двух культурных слоев в Гонцах очень незначительны и описал материал в целом.

Сырьем служил обычный в этой части Украины (уточнение П.П.Ефименко) темно-серый, почти черный, и желтовато-серый меловой кремень. По данным И.Ф.Левицкого, на площади почти 480 кв.м собрано меньше 3000 экз. расщепленного кремня, включающих около 300 предметов с вторичной обработкой, т.е. порядка 10%. Среди отбросов производства отсутствуют куски кремня, первичные отщепы и осколки. Преобладают мелкие пластинки без следов ретуши или сработанности и чешуйки. Нуклеусов и отбойников очень мало. Нуклеусы (около 10 экз.) одно- и двуплощадочные не превышают 5-6 см длины и имеют правильную призматическую форму со следами кругового скалывания удлинённых пластинок. Этому соответствует несколько сотен неретушированных пластинок средней длины 3-5 см, представленных главным образом обломками, около 2/3 имеют заполированность по краю и, по мнению

П.И.Борисковского, будучи очень малых размеров, при работе вставлялись в деревянную или костяную оправу.

Орудия также небольших размеров. Как и пластинки, нередко предметы около 2 см длиной, превышающие по длине 5 см почти отсутствуют. Среди орудий наиболее многочисленны скребки (около 200 экз.). Они изготавливались чаще всего на коротких сечениях пластинок, немало коротких двойных в форме прямоугольника. Ретушь по краям, как правило, отсутствует. Встречаются и округлые скребки, напоминающие, по П.И.Борисковскому, азильские типы, без круговой ретуши. Есть и скребки-резцы. Резцов примерно в два раза меньше, чем скребков, основную массу их составляют мелкие боковые резцы со скошенным или дугообразно выпуклым, обработанным мелкой затупливающей ретушью концом и узким вертикальным резцовым сколом. Встречено немного срединных, угловых и плоских резцов. наличие краевых отщепков резцов свидетельствует об изготовлении орудий на площади стоянки.

Небольшую, но характерную группу составляют острия "с затупленным краем", "острия в форме клинка перочинного ножа" - "небольшие пластинки, один край у которых прямой или слегка выпуклый, в то время как противоположный дугообразно выпуклый и обработан мелкой, тщательно затупливающей ретушью. Сходясь на конце, оба края образуют тонкое режущее острие" (Борисковский, 1953, с. 322). П.П.Ефименко тоже упоминает заостренные пластинки с притупленным краем, образующим изогнутую спинку острия типа "клинка перочинного ножа" азильских стоянок Европы (Ефименко, 1953, с. 554). В малом количестве встречены проколки, напоминающие, по П.И.Борисковскому, острия из-за незначительно выделенного жальца, и пластинки с притупленным краем - узкие тонкие с параллельным ограничением, не превышающие 4 см длины и 0.8 см ширины. Упоминаются и довольно массивные, отесанные с двух сторон топоры.

Описывая кремневый инвентарь, П.И.Борисковский неоднократно подчеркивает его более поздний облик по сравнению с инвентарем, например, Мезина или Пушкарей I: широкое распространение техники изготовления орудий на коротких сечениях пластинок, приводящей к определенной геометрии форм (Борисковский, 1953, с. 314). "Гонцовский кремневый инвентарь свидетельствует о позднемадленском времени, когда уменьшаются размеры орудий, техника их приготовления как бы стандартизируется, развиваются вкладышевые орудия, широкое распространение получают маленькие обычные (одинарные - З.А.), двойные и округлые скребки, боковые резцы, острия в форме клинка перочинного ножа" (там же, с. 322)

Подводя итоги, можно сказать, что Гонцы, как и Юдиново (в рамках сопоставляемых участков) является долговременным поселением, на котором почти не производилось первичной обработки кремня и на которое сырье приносилось в уже подготовленном виде. По радиоуглеродным датам эти два памятника одновременны. Нет большой разницы и в других элементах материальной культуры. Несколько более развитая техника обработки камня в Гонцах свидетельствует очевидно не о более позднем возрасте этой стоянки в

рамках мадлена, но скорее о вариабельности темпов развития в пределах сходных археологических культур. Недаром П.И.Борисковский уловил сходство Гонцов и таких памятников как Бугорок и Чулатово II именно в области техники обработки кремня и типологии орудий.

Наиболее представительная и наиболее разнообразная коллекция **Мезина**, к тому же наиболее полно опубликованная, может служить эталоном для сравнительного анализа каменного инвентаря среднеднепровских памятников, который является одним из решающих моментов в выделении археологических культур и более крупных объединений. Такого обилия и вариабельности других форм орудий, помимо резцов и скребков, нет ни на одной другой стоянке рассматриваемого региона.

Кремневый инвентарь Мезина, полученный во время первых раскопок, описан П.П.Ефименко (1912) настолько полно и всесторонне, что он послужил образцом для последующих описаний материала и из других палеолитических стоянок, даже таких отдаленных как Мальта. П.П.Ефименко отметил, что основным сырьем служил меловой кремень, который добывался неподалеку. Обычно он темно-серого почти черного цвета. Обработка производилась на месте стоянки: в культурном слое много крупных кусков кремня и различной величины желваков, масса расщепленного кремня и множество орудий, что как подчеркнул П.П.Ефименко, придает Мезинской стоянке исключительный интерес. Только в раскопе 1909 г. площадью 18 кв.м найдено свыше 1000 вполне законченных и определенных орудий, поражающих разнообразием типов: "здесь представлены не только обычные виды их, такие как скребки на конце пластинки, различные резцы, пластиночки с притупленным краем, но много и таких видов орудий, которые в европейских находках свойственны только наиболее усложненной технике позднего палеолита. В Мезине они имеют характер мелких, тщательно изготовленных орудий специальных видов и форм, предназначенных, очевидно, для всякого рода домашних работ, связанных с обработкой кости и рога, дерева, кожи и т.п. К ним относятся многочисленные проколки с прямым и изогнутым жальцем, либо широким, более массивным, либо узким и длинным, затем небольшие острия с тонким режущим концом, также самых разнообразных, но вполне определенных типов; далее встречаются так называемые выемчатые скребки, часто усложненной формы - в виде выемчатого инструмента, комбинирующегося с резцом или острием, иногда двойным, по сторонам выемки, и т.п." (Ефименко, 1953, с. 463-464).

Итоговое описание кремневого инвентаря Мезина за все годы раскопок, составленное И.Г.Шовкоплясом, сопровождается таблицей, в которой приведены количественные данные и процентные отношения в каждой коллекции (Шовкопляс, 1965а, с. 116). Сообщая о том, что кремень был местного происхождения из меловых отложений высоких берегов Десны, оврагов и балок и его добывание не представляло трудностей для обитателей стоянки, И.Г.Шовкопляс, в противоположность П.П.Ефименко, отмечает, что самая первичная обработка кремня, как можно полагать, осуществлялась непосредственно на

местах добывания кремневых желваков и плиток, поскольку неиспользованное или непригодное для обработки сырье почти совершенно не встречалось на площади стоянки. Возможно, это расхождение произошло от того, что предметы без следов раскалывания не сохранялись в коллекциях. Об этом может свидетельствовать и то, что на первые годы раскопок падает и наибольшее количество обломков кремня и различных отщепов. Множество мелких отщепов и чешуек показывает, что изготовление орудий происходило непосредственно на стоянке.

Нуклеусы (576 экз. или 0.5% всего расщепленного кремня) обрабатывались преимущественно из желваков, реже из плиток. Напомним, что в Юдинове их намного меньше, всего 0.07%. У большинства одноплощадочных нуклеусов нижний конец заострен, поэтому они названы неправильно-призматическими и частично даже пирамидальными. В меньшем числе представлены двуплощадочные нуклеусы. В Мезинской коллекции преобладают ядрища из округлых желваков, с которых пластинки снимались по всей окружности. Нуклеусы преимущественно в среднем 3-6 см длиной. Более крупные встречаются довольно редко, хотя значительная часть орудий изготовлена из пластин длиной 6-8 см и более. В качестве отбойников в Мезине чаще всего использовались сработанные или неудавшиеся нуклеусы, а также нуклевидные желваки. К сожалению, число их не указано, упоминается лишь, что специально подготовленных отбойников всего 7 и в качестве примера приводится поперечный скол оживления нуклеуса (Шовкопляс, 1965а, табл. I, 16).

В целом, сравнение мезинского и юдиновского инвентарей затруднено из-за отсутствия многих данных: нет подсчета использованных заготовок для орудий, в частности, сколов оживления нуклеусов, что так характерно для стоянок, где дорожили сырьем; нет деления пластинчатой основы на более дробные виды: пластины, пластинки и микропластинки; нет деления при тупливающей ретуши на мелкую и крупную; нет типологии пластинок с при тупленным краем, кроме выделения "игольчатых острий". В общем списке выделено 6 пластин с подтеской, описание их отсутствует, а это имеет принципиальное значение, учитывая наличие в мезинском инвентаре, как это утверждают А.Н.Рогачев и М.В.Аникович, выразительной группы долотовидных орудий (около 30 экз.), которые являются "существенным показателем культурного своеобразия стоянки, так как на других памятниках днепровского палеолита серии хорошо выраженных *pièces esquillées* не встречено" (Рогачев, Аникович, 1984, с. 200). К сожалению, изображение этих орудий отсутствует.

В общей сложности, по подсчетам И.Г.Шовкопляса, орудий в Мезине 4429 экз. или 3.9% расщепленного кремня. Основной заготовкой служили пластины, орудий из отщепов очень немного (число не указано). Здесь нет нужды повторять описание орудий, детально, с множеством иллюстраций, представленное И.Г.Шовкоплясом (1965а, с. 130-176). Отмечу лишь некоторые моменты в отношении (и соотношении) двух главных групп. Резцов 2609 или 59.2% всех орудий, из них боковые составляют 2169 или 83.4% всех резцов. Существует характерный прием частичного снятия ретушированного кон-

на поперечным мелким сколом. Срединные и угловые резцы в значительно меньшем числе. Трансверсальные резцы не выделены, хотя, казалось бы, именно И.Г.Шовкопляс, специально занимавшийся изучением супоневских коллекций, должен был их заметить. Широко представлены краевые отщепки резцов, что, как и на всех других стоянках, свидетельствует об изготовлении резцов на месте. Скребки (664 или 14.6%) изготавливались главным образом из пластинок, реже из отщепов, всегда крупных и толстых, и из массивных реберчатых сколов. В группу скребков включены, видимо, и так называемые тронкированные пластинки и, определенно, орудия с выемками на концах или краях. Следовательно, собственно скребков еще меньше. Округлые скребки не упомянуты.

При описании кремневого инвентаря Мезина И.Г.Шовкопляс отмечает общие черты с инвентарем других стоянок Среднеднепровского бассейна: Елисеевичи, Юдиново, Супонево, Юровичи (верхний слой), Чулатово I и др., которые он считает раннемадленскими. Суммируем их:

1) наличие крупных ножевидных пластин и изготовленных из них орудий при отсутствии сколько-нибудь значительного числа крупных нуклеусов (Шовкопляс, 1965а, с. 122, 124);

2) наличие крупных пластин и изготовленных из них орудий (там же, с. 124);

3) использование ножевидных пластин разных размеров, в том числе нередко довольно крупных, не превращенных в определенные инструменты со следами работы (там же, с. 130);

4) соотношение орудий и общего количества расщепленного кремня как в Мезине (3.9%) характерно для многих других стоянок, расположенных в бассейне Средней Десны, богатом меловым кремнем, на площади которых происходила обработка этого местного кремня (там же, с. 130-131). В список этих стоянок (Чулатово I, Пушкари I, Новгород-Северская, Супонево, Елисеевичи, Тимоновка) почему-то попало и Юдиново, не имеющая собственных источников сырья;

5) соотношение значительного числа разнообразных резцов, проколов, режущих острий и значительного развития обработанной кости отмечено И.Г.Шовкоплясом, помимо Мезина, в Елисеевичах, Юдинове, Супоневе. Это характерно, подчеркивает он, и для многих позднепалеолитических стоянок других районов Европы и Восточной Сибири (там же, с. 131);

6) преобладание боковых резцов - одна из наиболее характерных особенностей инвентаря Мезина - находит соответствие, помимо упомянутых выше памятников, в Гонцах, Добраничевке, Бугорке и Довгиничах, где, как отмечено, боковые резцы в целом более мелких размеров. Аналогии распространяются, не всегда оправдано, и на более широкую территорию (там же, с. 144);

7) срединные и угловые резцы не составляют специфической особенности инвентаря Мезина, они также в небольших количествах встречены не только на раннемадленских стоянках Среднеднепровского бассейна, но и значительно шире в мадлене, во всех районах его распространения (там же, с. 146, 148);

8) "Подобно боковым резцам, скребки на конце тонких ножевидных пластин, реже на отщепках, преимущественно дугообразно выгнутые, являются характерными главным образом для мадленских стоянок, большей частью ранне- и среднемадленских, реже для непосредственно предшествующих им" (там же, с. 152). Любопытно, что к Супоневу, Елисеевичам, Юдинову, Тимоновке и Юровичам, верхний слой, И.Г.Шовкопляс добавляет помимо других стоянок, Аносовку 2, верхний слой, и Костенки 2, т.е. памятники с жилищами из костей мамонта;

9) "выемчатые скребки" встречаются довольно редко. В частности, в Среднеднепровском бассейне, помимо Мезина, они "выразительно представлены" только в Супоневе, меньше в Юдинове, Елисеевичах и Тимоновке (там же, с. 156);

10) двойные скребки с лезвиями на противоположных концах пластинок встречаются в Мезине очень редко (10 экз.) и скорее всего являются случайными формами. "Они ничего общего не имеют с небольшими двойными скребочками на сечениях пластинок, некоторые составляют характерную черту кремневых комплексов более поздних стоянок - Гонцов, Добраничевки, Бугорка, Чулатово II и др." (там же, с. 156-158);

11) одной из специфических групп орудий Мезина И.Г.Шовкопляс называет "пластины с выемками - скребками", расположенными чаще по одному на краев. Очень редко встречаются и отщепы с выемками по всем краям. "Подобные мелкие выемчатые скребки-скобели по краям пластин наиболее характерны для кремневых комплексов тех стоянок позднего палеолита, в особенности мадленских или близких к ним по времени, на которых, подобно Мезину, производила интенсивная обработка кости и рога животных" (там же, с. 160). В числе стоянок Среднеднепровского бассейна И.Г.Шовкопляс называет Супоневу, Юдинову, Елисеевичи, Тимоновку, Гонцы и Добраничевку;

12) одной из наиболее характерных особенностей мезинского инвентаря И.Г.Шовкопляс называет режущие острия, которые в целом "можно считать специфической формой для памятников позднего палеолита Среднеднепровского бассейна, в частности мадленских, относящихся к так называемой мезинской культуре" (там же, с. 164). Считая режущие острия самостоятельной формой орудий, И.Г.Шовкопляс не исключает того, что часть их могла быть заготовками для боковых резцов;

13) под общим названием проколки объединена выразительная и разнообразная серия орудий (169 экз. или 3.6%) , главным образом из небольших пластинок и их обломков, реже из отщепов и даже осколков, отличающихся различным расположением и различной обработкой острого жальца. Среди среднеднепровских материалов проколки из Супонева идентичны мезинским по своим формам и довольно значительному числу. Близкие формы отмечены в Юдинове и Елисеевичах, встречены в Тимоновке и Юровичах, верхний слой, в небольшом количестве в Бердыже, Гонцах и Добраничевке (там же, с. 168);

14) значительная по количеству (317 экз. или 7.2% орудий) и довольно выразительная серия объединена под "весьма условным" названием "пластины с затупленным краем". Утверждение И.Г.Шовкопляса, что эти "вполне самостоятельные специализированные мелкие режущие и колющие инструменты" "не являются ни хронологическим, ни территориальным признаком для стоянок позднепалеолитической эпохи" (там же, с. 170) представляется спорным из-за отсутствия типологических разработок.

Изучение кремневого инвентаря Мезина привело И.Г.Шовкопляса к выводу, что в целом комплекс не является каким-то обособленным и необычным, как это представлялось ранее. Он иногда только в той или иной степени богаче комплексов Супонева, Чулатова I, Юдинова, Елисеевичей, Юровичей (верхний слой) и Тимоновки по численности и преобладанию отдельных типов орудий. "Первое объясняется тем, что Мезинская стоянка раскопана полностью и имела хорошо сохранившийся культурный слой, второе - тем, что обработка кости здесь была более интенсивной и ее техника более совершенной (Шовкопляс, 1965а, с. 176).

В отличие от Мезина стоянка Супонево значительно слабее изучена и опубликована. Представляется, что отправной точкой может служить высказывание П.П.Ефименко: "По характеру кремневого инвентаря Супоневская стоянка стоит ближе всего к Мезину и представляет собой, видимо, следующий за ним во времени тип памятника более ранней поры мадлена" (П.П.Ефименко, 1938, с. 554; см. также Ефименко, 1953, с. 546). П.П.Ефименко подчеркнул, что в Супоневе существует усложненный набор кремневых орудий, в котором преобладают разнообразные мелкие инструменты специальных форм, предназначенные для обработки кости, рога и прочих материалов. С этим полностью согласен И.Г.Шовкопляс, считающий, что сравнение кремневых орудий Мезина и Супонева выявляет их общее сходство как чрезвычайно большим количеством орудий, так и характером их формы (Шовкопляс, 1950, с. 183).

По И.Г.Шовкоплясу, кремневое сырье местного происхождения: его добывали под кручами Десны, в верхнем течении р.Супоневки, а также в балках, находящихся в окрестностях стоянки. Кремневых плиток и галек, отбросов производства, отщепов, пластинок и законченных орудий собрано в культурном слое около 30 000, но стоянка, как подчеркивает И.Г.Шовкопляс, раскопана лишь частично и, можно добавить, на площади несравнимо меньшей, чем в Мезине (200 кв.м против 1200 кв.м). Наличие большого количества заготовок и осколков указывает на то, что обработка кремня и изготовление орудий в значительной мере производились непосредственно на самой стоянке.

Что касается орудий, то характерно их большое разнообразие, включающее резцы всех типов, режущие острия, пластинки с притупленным краем, скребки и многочисленные проколки. Этот набор находит соответствие в инвентаре помимо Мезина, Тимоновки и Чулатова I, где найдены также единичные экземпляры совершенно особой формы резцов с поперечным сколом ("резцы супоневского типа"). Только некоторые формы орудий представлены

на рисунках (Шовкопляс, 1952, табл. III).

Количественные показатели кремневого инвентаря Супонева приведены Н.А.Хайкуновой (1985). Из общего количества 29 566 предметов 252 экз. (0.9%) не имеют следов первичного раскалывания и исключены из рассмотрения. Нуклеусы (273 или 0.9% коллекции), одно- и двуплощадочные в одинаковых количествах, редкие трех- и многоплощадочные, характеризуются сильной сработанностью. Длина их 3.6-5.5 см, иногда 7 см. Отмечено, что в Супоневе явно преобладает торцовый способ скалывания, видимо, зависевший от преимущественного использования плитчатого кремня, но Н.А.Хайкунова этого не уточняет. Помимо нуклеусов представлена категория нуклевидных предметов (48) и обломков (246), частично использовавшихся для получения сколов. Сколы оживления нуклеусов состоят из реберчатых пластин и отщепов (348) и поперечных сколов - ударных площадок (47).

Н.А.Хайкунова объединяет в другую категорию ("неребристых сколов") пластины (1747), отщепы (3212), краевые и резцовые отщепки (667), а также чешуйки и осколки (16 944). При этом характеризуются только пластины, которые по размерам не дают стандартов: длина их варьирует от 2.5 до 6 см. Микропластинки по размерам не отделяются четко от пластин.

Предметов со вторичной обработкой 5782 или 19.6% всего кремня, а собственно орудий 5558 или 18.8%. Столь высокий процент "частично может объясняться отсутствием подсчетов дебитажа, хранящегося в МАЭ, оставшегося недоступным для обработки" (Хайкунова, 1985, с. 11). Это обстоятельство снижает достоверность всех приведенных выше процентных отношений, но в то же время недалеко отстоит от данных по инвентарю Юдинова, когда из подсчетов исключаются мелкие отщепы и чешуйки.

Преобладающей категорией орудий являются резцы (2705 или 48.7% орудий) с преобладанием ретушных (1474 или 54.5% резцов). В последнюю группу Н.А.Хайкунова включила и поперечные резцы супоневского типа (679 экз.), что представляется неправомерным. Кстати, необходимо заметить неточность в изложении Н.А.Хайкуновой: резцы этого типа выделены не М.В.Воеводским, а П.П.Ефименко, о чем недвусмысленно пишет сам М.В.Воеводский (1929, с. 64). Непонятно и отнесение двугранных резцов (506) к подгруппе угловых и включение в резцы на сломе заготовки (514) трансверсальные формы (121). "В целом трансверсальные формы резцов составляют в Супоневе значительную группу - 29.6%, что не наблюдается ни на одной ныне известной стоянке Русской равнины" (Хайкунова, с. 12). Это так, но зачем же их делить на разные группы? Если их выделить особо, то произойдет перераспределение удельного веса основных групп резцов: ретушные составят 29.4%, двугранные 18.7% и резцы на углу сломанной заготовки 14.5%.

Скребки представлены 1050 экз. или 18.8%. Н.А.Хайкунова отмечает как особенность большое количество (431) укороченных орудий (длина < ширина) и наличие среди них серии сегментовидных и близких к ним форм с широким лезвием и основанием. Количество округлых скребков не указано, отмечено лишь, что 29.2% из них удлиненные, остальные укороченные. Как

соотнести эти уточнения с округлой формой неясно. Большую группу составляют двойные скребки (96). "Немногочисленные, но морфологически устойчивые скребки с выступом на лезвии подчеркивают своеобразие категории (почему категории? З.А.) на нижних уровнях схемы" (там же, с. 17). Заметим, что подобные скребки встречены, в частности, и в Мезине (Шовкопляс, 1965а, табл. XXII, 1) и в Юдинове (Абрамова и др., 1997, рис. 21, 20). Скребок-резцы составляют 123 - 2.2% орудий или 24.6% от категории из 500 комбинированных инструментов, ближе не охарактеризованных.

В отношении многочисленных и разнообразных проколов (501) сделано замечание, что они позволяют выделить Супонево "из круга Деснинского палеолита, где эта категория очень бедна" (Хайкунова, 1985, с. 14). Проколки составляют 9%. "Такое количество и спектр форм уникальны для Десны, где эта категория почти не встречается" (там же, с. 17). При сравнении с Мезиным (деснинским памятником!) упоминается, что проколки сходны по составу, но в Мезине их меньше и нет некоторых форм.

Согласно Н.А.Хайкуновой, категория острий (67) не характерна, неоднородна по составу и морфологически не выдержана. Большая часть (50) сходна с проколками, но отличается от них отсутствием какого-либо существенного признака. Следующая категория выделена под интригующим названием "транке". Очевидно имелись в виду тронкированные, т.е. усеченные ретушью пластинки и острия со скошенным концом, но без иллюстраций невозможно понять принцип классификации этих разнородных изделий (194 экз.). Микропластинки с притупленным краем немногочисленны (102 или 1.8%), из них только 8 целых, в том числе одно острие типа "микрограветт".

Категория орудий "с уплощением конца чешуйчатыми сколами" включает несколько различных групп: из 31 орудия типа *pièce écaillée* только 9 обладают четкой формой; "стамески" (14) имеют один большой чешуйчатый скол, снимающий ударный бугорок и приостряющий конец заготовки; орудия с подтеской (5) по характеру обработки занимают промежуточное место между ножами костенковского типа и "вентральными транке"; 10 орудий представляют "особый вариант уплощения конца поперечными плоскими сколами". В целом, без иллюстраций опять-таки трудно уловить разницу между группами, может быть, за исключением "стамесок" с приемом характерным для Супонева и отмеченным, в частности в Юдинове (Абрамова и др., 1997, рис. 29, 1, 5). Наличие в Мезине, Юдинове и других памятниках орудий с чешуйчатой подтеской противоречит утверждению Н.А.Хайкуновой, что на Десне они фактически не представлены.

Выемчатые орудия (143 или 2.5%) обладают крупными и мелкими выемками, обработанными мелкой крутой ретушью или в редких случаях одним сколом. Выемки чаще расположены на краях, чем на концах заготовок. В 9 случаях более глубокие выемки оформлялись на зубчатых краях. Зубчатая ретушь в целом не характерна и зубчатые орудия (101 или 1.8%) маловыразительны. Очень мало пластин с краевой ретушью (23), в основном это облом-

ки, обработанные крутой и притупливающей ретушью главным образом по одному краю.

Резюмируя, Н.А.Хайкунова приходит к выводу, что по кремневому инвентарю Супонево обнаруживает существенные различия с другими среднеднепровскими памятниками, в частности, с близкой территориально Тимоновкой. Только Мезин обнаруживает несколько общих черт, к которым Н.А.Хайкунова относит своеобразные орудия, названные ею скребцами, проколки, зубчато-выемчатые и комбинированные орудия. Но имеющиеся различия в составе резцов и скребков, а также меньшая представительность других категорий орудий, не позволяют, по ее мнению, относить Супонево к мезинской культуре. Этот вывод не кажется убедительным, думается, вслед за П.П.Ефименко, что различия можно отнести за счет большего развития техники и типологии кремневого инвентаря в Супонево.

Остается рассмотреть еще два, самых южных памятника: Межирич и Добраничевку, которые находятся друг от друга по прямой линии на расстоянии примерно 70 км.

В первичном материале Межирича преобладает черный кремень, добытый на месте в виде окатанных, округлых, овальных и другой формы желваков размерами до 20 см в поперечнике. И.Г.Пидопличко отмечает наличие необработанных желваков мелового кремня в жилище 1-1, в жилище 2-10, в жилище 3-3. Некоторые желваки использовались в качестве отбойников. Любопытна находка вне жилища 2 к северо-востоку от него 8 желваков, "аккуратно сложенных про запас" (Пидопличко, 1976, с. 139). В таблице 13 этой работы приведены количественные данные по всем категориям кремневого инвентаря, собранного в трех жилищах и прилежащих к ним очагам и "топталыщам". И.Г.Пидопличко упоминает, что места обработки кремня во многих случаях не были фиксированы обитателями стоянки, т.е. встречаются как внутри жилища, так и вблизи их на "топталыщах, возле очагов и в других местах". Фиксированные места обработки кремня ("точки") найдены в первом (кв. 11) и во втором (кв. 114) межиричских жилищах.

Среди отходов производства больше всего отщепов и крупных чешуек, а также реберчатых сколов. Нуклеусы составляют 2% инвентаря. Орудий труда примерно 10%: резцы разных типов, преимущественно боковые, скребки в несколько меньшем числе, пластины с ретушью и следами использования, микропластинки с притупленным краем, остря, скобели, пилки, орудия с подтеской, проколки.

И.Г.Пидопличко приходит к выводу, что кремневый инвентарь Межирича обнаруживает определенную близость, помимо материалов Добраничевки, к кремню Гонцов и Мезина. Тем самым, "подтверждается существование определенной общности среднеднепровских и деснянских позднепалеолитических поселений, выделенных в свое время И.Г.Шовкоплясом (1965) в отдельную среднеднепровскую позднепалеолитическую этнокультурную область Восточной Европы" (Пидопличко, 1976, с. 149).

М.И.Гладких дал детальное описание кремневого инвентаря, собранного на площади 53 кв.м, включающего остатки первого жилища и двух скоплений золы поблизости от него (Гладких, 1971а). В жилище кремнь находился на "точкè" (месте расщепления кремня) и равномерно на полу. Прослежены некоторые особенности в распространении отдельных категорий инвентаря. Так, на самом "точкè" отмечены 3 нуклеуса из 16, собранных на площади кв.11 и много реберчатых сколов. Среди 17 изделий с вторичной обработкой на "точкè" найдено 11 скребков и 2 резца. Степень насыщенности культурного слоя находками высокая: на 1 кв.м приходится 150-200 экз.

Техника расщепления кремня характеризуется интенсивным уровнем обработки сырья. Нуклеусов 73, т.е. 1.6% инвентаря. Обычные размеры нуклеусов 4-6 см, большая часть сохраняет на спинке желвачную корку. Двуплощадочных больше, чем одноплощадочных. Общим для всех является незначительная выпуклость рабочих поверхностей, но типичных плоских нуклеусов не выявлено. Нуклевидных обломков и облупней немного.

Среди 560 орудий наиболее многочисленны резцы (184 или 32.8%) и скребки (133 или 23.7%). Резцы на пластинках длиной 3-6 см наиболее хорошо представлены, но имеются орудия на отщепках, реберчатых сколах и заготовках других типов. В оформлении резцов характерна многоцветная подправка режущего края орудия, о чем свидетельствует преобладание вторичных краевых отщепков резцов (49) над первичными (26). У наиболее многочисленных боковых резцов (82 или 44.5% резцов) ретушь редко спускается на длинный край заготовки. Представлен прием снятия ретушированного конца поперечным резцовым сколом. Срединные резцы (36 или 19.5%) и на углу сломанной пластинки (20 или 10.8%) достаточно характерны. Среди двойных, которые вместе с многолезвийными составляют 35 экз. или 19%, примерно 1/3 имеют снятия по одному длинному краю заготовки.

Скребки концевые часто имеют обломанную пластинчатую основу. Длина их 1-5 см, а у целых 2.3-6.5 см, большая часть длиной 3-4 см. Некоторые имеют выступ на одном из углов заготовки. Значительно реже встречаются скребки из типичных отщепов. Двойные скребки (22 или 16.5% скребков) изготовлены на укороченных пластинках. Скребки-резцы (13 или 2.3% орудий) обычно представляют комбинацию бокового резца и скребка с выпуклым лезвием.

К микропластинкам с притупленным краем отнесены "правильные небольшие пластинки с параллельными краями длиной 2.5-4 см; шириной 0.4-1 см", т.е. далеко не все являются микропластинками в нашей терминологии. Ретушь, как правило, снимает край заготовки и на плоскости раскалывания бывает очень редко. Различаются "простые пластинки" с полностью или частично ретушированными краями (34) и пластинки прямоугольной формы (16), у которых под прямым углом срезаны ретушью конец и основа заготовки, иногда только конец, поскольку форма самой пластинки не требовала дополнительной обработки.

Микроострий, как отмечает М.И.Гладких, не выявлено, хотя "обычные острия составляют выразительную серию". Большая часть их - асимметричные с ретушью одного края (9), причем одно из орудий имеет прямой край, заостренный ретушью. Они изготовлены из "обычных пластинок" длиной 4-6 см или их обломков, в одном случае из "грубой реберчатой пластинки". Кроме того, упомянуты три острия, изготовленные из целых пластинок длиной 3.5, 4.5 и 7.3 см, с концами, оформленными противоположающей ретушью (в двух случаях самые кончики обломаны). К этой категории близки пластинки со скошенным концом (10) длиной от 2.7 до 6.3 см, у которых конец срезан крутой притупляющей ретушью.

Другие категории орудий немногочисленны. Из 8 скобелей один изготовлен из отщепа и семь из пластинок, у которых выемка размещена по краю и лишь в одном случае на конце. У двух орудий выемки оформлены с плоскости раскалывания. Отмечена лишь одна проколка из пластинки длиной 4 см с характерным выделенным жальцем. На трех пластинках имеется подтеска с плоскости раскалывания: Ударный бугорок снят по всей ширине пластинки одной фасеткой с легкой подправкой - прием, уже знакомый по материалам Супонева и отмеченный в Юдинове.

В результате М.И.Гладких приходит к следующему выводу: "Инвентарь с двойными скребками и плоскими (так ! - З.А.) нуклеусами датируется концом позднего палеолита и синхронизируется с памятниками смежных территорий (Гонцы, Бугорок, Добраничевка). Культурное своеобразие памятника заключается в сосуществовании прямоугольных вкладышей и асимметричных острий с ретушью по одному краю. Аналогичное сосуществование зафиксировано в инвентаре некоторых более ранних стоянок лесной зоны Украины - Погон, Ключсы, Пушкари I, которые вместе с Межиричем создают единую генетическую линию развития позднепалеолитической культуры" (Гладких, 1971а, с. 62-63).

Кремневому инвентарю Добраничевки уделено в литературе большое внимание (Шовкопляс, 1955, 1972а, б; Гладких, 1968, 1971б, 1972, 1973а, б), произведен даже сравнительный анализ отдельных комплексов, между собой и с кремневыми комплексами Межирича и Мезина, но итоговое описание, сравнимое с мезинским, отсутствует. Кратко инвентарь может быть охарактеризован следующим образом. Кремневое сырье местного происхождения и добывалось в виде галек из отложений моренной глины, подстилающей лесс, в котором залегает культурный слой. Гальки черного или темно-коричневого цвета в основном небольшой величины, от чего зависят и размеры орудий (2-5 см длиной), изделия более крупных размеров (8-10 см) встречаются редко и изготовлены в большинстве случаев из кремня очень плохого качества. Небольшими размерами галек объясняется и то, что значительная часть орудий изготовлена из отщепов, часто с остатками желвачной корки на поверхности. В комплексах 1-3 собрано в общей сложности около 7 000 расщепленных кремней, в том числе около 700 орудий, т.е. около 10% общего числа. "такое соотношение характерно для памятников, в окрестностях которых кремневого сырья

было мало и где оно поэтому тщательно использовалось, возможно, также приносилось из других районов" (Шовкопляс, 1972а, с. 185).

Среди орудий преобладают резцы и скребки. Резцы преимущественно боковые на пластинках, срединные и угловые очень редки. Скребки на пластинках, обломках пластинок, отщепках более разнообразны: концевые, двойные, выемчатые, округлые и даже "совсем круглые, напоминающие скребки азильского типа". Имеются резцы-скребки, серии режущих острий на пластинках со скошенным концом, мелких пластинок с притупленным краем, пластинок с ретушью и выемками по краям, проколов и пр.

И.Г.Шовкопляс отметил, что по характеру кремневых изделий Добраничевка ближе всего стоит к Гонцам и Межиричу, к которым она близка территориально и также обладает жилищами из костей мамонта (там же). Общая характеристика инвентаря в совершенстве вписывается и в показатели Юдино-ва. Любопытны изыскания М.И.Гладких решить на материалах Добраничевки вопрос выбора четких критериев того, какие особенности каменного инвентаря относятся к признакам культуры, а какие к признакам больших культурных объединений (областей, зон). М.И.Гладких (1973а) сравнивает кремневый инвентарь двух "чистых" комплексов Добраничевки: первого (раскопки 1953 г.) и второго (раскопки 1967 г.). Обитатели обоих комплексов применяли близкую технику. Они старались максимально использовать нуклеус и снять с него возможно большее число заготовок. В комплексах отмечено близкое соотношение одноплощадочных и двуплощадочных нуклеусов, но в первом комплексе преобладают призматические, а во втором конические. У некоторых из последних основа специфично заострена с помощью сколов, направленных снизу вверх, что напоминает иногда резцовые сколы. В первом комплексе ни один из конических нуклеусов подобной обработки не имеет. Среди двуплощадочных нуклеусов во втором комплексе больше, чем в первом, нуклеусов с перпендикулярным скалыванием, а среди нуклеусов со встречным скалыванием в первом комплексе больше, чем во втором, нуклеусов со смежными ударными площадками. Несмотря на эти различия, которые, на мой взгляд, можно было бы отнести на счет индивидуальных предпочтений мастера, обрабатывающего желваки и учитывающего их форму, М.И.Гладких отмечает, что в обоих комплексах заготовки для орудий были одинаковыми. Так, для изготовления руководящих категорий инструментов: резцов и скребков употреблялись преимущественно пластины и пластинки (в среднем 85% числа заготовок для скребков и 92.4% для резцов). Около 60% однолезвийных орудий имеет обломанное основание.

В области техники вторичной обработки и типологии отличия устанавливаются на следующих показателях. Среди орудий первого комплекса имеются определенные категории, отсутствующие во втором. "Это проколки, пилки, пластины прямоугольной формы с притупленным краем, скребки арочные, прямолезвийные и с шипом на лезвии, двойные скобели" (Гладких, 1973а, с. 17). Отмечается, что эти категории орудий не являются руководящими, удельный вес каждой из них составляет не более 1.5% от общего количе-

ства орудий. В категории скребков (в первом комплексе 106 или 19.3%, во втором 59 или 20.3%, т.е. пропорции одинаковы) в первом меньше выпуклолезвийных. В категории резцов (в первом комплексе 123 или 22.5%, во втором 59 или 20.3%) улавливаются отличия в деталях оформления: в первом комплексе у боковых резцов конец орудия чаще был выпуклым, во втором - скошенным. Кроме того, во втором комплексе ретушь более часто опускалась на край заготовки. Такие же различия в обработке конца основы устанавливаются и на остриях с асимметричным лезвием (в первом комплексе 23, во втором 10): острия с выпуклоретушным концом составляют в первом комплексе 14 или больше 60% общего их количества, а во втором 3 или 30% и, напротив, острия с косоретушированным концом, которых в первом комплексе 8, во втором 7 дают 34.7% и 70% соответственно (вот еще убедительный пример процентных отношений для малых количеств! - З.А.).

М.И.Гладких приходит к выводу, что в основном кремневый инвентарь двух комплексов сходен. Среднее значение индексов сходства, подсчитанных методом Д.Брейнерда и В.Робинсона, для нуклеусов и руководящих категорий орудий (резцов, скребков, пластин с притупленным краем и острий) - 174%. "Коллекция каменного инвентаря в целом является конкретным выразителем определенного культурного явления позднего палеолита. По составу коллекций отдельные хозяйственно-бытовые комплексы выявляются как самостоятельные, но полноценные части, каждая из которых достаточно четко отражает своеобразие всей коллекции в целом. Поэтому типолого-статистическое сопоставление инвентаря двух комплексов можно считать адекватным сопоставлению двух отдельных однокультурных памятников" (Гладких, 1973а, с. 17). Отсюда вытекают следующие выводы:

- однокультурные и одновременные коллекции каменного инвентаря могут немного различаться между собой в технике изготовления и типологии;
- приведенные конкретные данные являются в некоторой мере показателем возможных различий между комплексами, принадлежащими одной культуре.

Подкрепляет это положения сравнение кремневого инвентаря Добраничевки и Межирича (Гладких, 1971б). Различия лучше проявляются в типологии орудий, чем в технике расщепления кремня. В Межириче существуют округлые скребки, а в Добраничевке острия с притупленной спинкой и ретушированной основой. В Межириче среди пластинок с притупленным краем очень выразительную серию составляют прямоугольные вкладыши (32% общего количества этой категории), в Добраничевке таких орудий только 6.1%. Разница между Добраничевкой и Межиричем не превышает разницы между отдельными хозяйственно-бытовыми комплексами Добраничевки, что подтверждено индексами сходства по методу Д.Брейнерда и В.Робинсона.

Сравнение кремневого инвентаря этих поселений и Мезина показывает, что в последнем есть серия многоплощадочных нуклеусов (около 10%), отмеченных в Добраничевке и Межириче. Кроме того, если в Добраничевке и Межириче преобладают двуплощадочные нуклеусы, то в Мезине их количество

равно одноплощадочным. В типологии инвентаря Мезина есть некоторые типы орудий, которых нет в Добраничевке и Межириче.

В целом, индекс сходства кремневого инвентаря Мезина и Добраничевки по орудиям 122% и нуклеусам 142%, а Мезина и Межирича - 108% и 139% соответственно, что совпадает с индексами сходства между отдельными хозяйственно-бытовыми комплексами Добраничевки, между Добраничевкой и Межиричем меньше на 10-24% для орудий и на 6-12% для нуклеусов. Насколько эта разница велика, покажут подобные сопоставления с другими комплексами, а пока можно констатировать, что разница в кремневом инвентаре между Мезиным, с одной стороны, и Межиричем - Добраничевкой, с другой, является большей, чем между Межиричем и Добраничевкой (Гладких, 1971б, с. 102).

В более поздней работе М.И.Гладких (1977) отмечается, что индексы сходства для изделий со вторичной обработкой между комплексами Добраничевки, с одной стороны, и между Добраничевкой и Межиричем - с другой, тождественны - 132%. Для нуклеусов индекс сходства в первом случае - 142%, во втором даже несколько больший - 151%. Таким образом, типолого-статистический анализ каменного инвентаря Добраничевки и Межирича с подсчетом индексов сходства между ними подтверждает отнесение этих памятников к одной позднепалеолитической культуре. Т.е. различия, которые между ними отмечены, помимо естественной изменчивости, объясняются, скорее всего, разновременностью памятников, развитием одного культурного явления, в котором Добраничевка является более поздним этапом (Гладких, 1977, с. 140-141).

Несколько иная картина наблюдается при сопоставлении каменного инвентаря Добраничевки и Межирича с инвентарем Мезина из раскопок И.Г.Шовкопляса 1954-1961 г.г. М.И.Гладких отмечает между ними значительно большие отличия, выразившиеся, прежде всего в составе нуклеусов. Так, в Мезине имеется около 10% многоплощадочных нуклеусов, отсутствующих в Добраничевке и Межириче. Там преобладают двуплощадочные нуклеусы, а в Мезине одно- и двуплощадочные представлены примерно в одинаковых количествах. В Мезине налицо некоторые типы орудий, которых нет в Добраничевке и Межириче: долотовидные с подтеской концов (около 2%), изготовленные главным образом на отщепах; скобели на концах пластинок (около 5%), в том числе двойные; проколки с жальцами на углах отщепов и пластинок; игловидные острия, составляющие 7% от числа пластинок с притупленным краем; двойные косоретушные острия на пластинках. В то же время в Мезине нет округлых скребков, прямоугольных вкладышей, асимметричных острий с притупленной спинкой и ретушированным основанием, имеющих в Добраничевке и Межириче. М.И.Гладких отмечает и различный удельный вес таких обычных орудий как скребки и в меньшей степени резцы, признавая, что часть отличий могут быть и хронологическими (Гладких, 1977, с. 142).

В целом, даже эти отличия в инвентаре Мезина не противоречат существованию особой среднеднепровской этнокультурной области, выделенной

И.Г.Шовкоплясом, иногда называемой им мезинской культурой, которой он приписывал более широкое значение, чем археологическая культура. Поэтому кажется неправомерным основное возражение М.Д.Гвоздовер и А.Н.Рогачева (1969, с. 498-499) против отнесения И.Г.Шовкоплясом большинства памятников Среднего Приднепровья к мезинской культуре на том основании, что она занимает значительно большую территорию, чем обычно отводится другим культурам. Это связано, по их мнению, с тем, что отдельные признаки, присущие именно мезинской культуре (тип жилища, геометрический орнамент), распространены достаточно широко в восточной и средней Европе и не могут быть использованы для выделения отдельной культуры. Однако, в качестве примеров памятников других культур в бассейне Среднего Днепра М.Д.Гвоздовер и А.Н.Рогачев приводят стоянки хронологически более ранние и более поздние, которые ни по каким признакам не могут быть включены в мезинскую культуру. Это тем более странно, что ими признается "известная пестрота сменяющих друг друга или соседствующих различных культур" (там же, с. 500).

Нам представляется резонным несколько иное решение вопроса. В рамках признаваемой, кажется, всеми единой среднеднепровской этнокультурной области, ограниченной и хронологически, и территориально (см. выше, с. 62) можно предварительно выделить несколько родственных археологических культур, одна из которых включает стоянки Юдиново, Чулатово II, Тимоновку I и II, Бугорок; другая - Мезин, Супонево; третья - Межирич, Добраничевку и, возможно, Гонцы, положение которой еще требует уточнения.

Существование ограниченной среднеднепровской этнокультурной области находит косвенное подтверждение в исключении из этого круга памятников по кремневому инвентарю донских поселений с жилищами и костей мамонта: Костенки 2 и Костенки 11, слой 1а.

В литературе уже отмечено, что "несмотря на некоторые параллели в технике домостроительства, характерные особенности каменной индустрии **Костенок 2** не дают оснований связывать эту стоянку в культурном отношении с памятниками Среднего Поднепровья" (Рогачев, Аникович, 1984, с. 215). Что же отличает каменный инвентарь Костенок 2? По результатам раскопок всех лет дано краткое описание материала как единого комплекса (Борисковский, Дмитриева, 1982, с. 70-72). В качестве сырья, кроме черного мелового кремня, использовался цветной валунный кремь. Характерны малые размеры, в основном до 4-5 см в длину, очень редко встречаются пластины длиной 8-10 см. Общее количество расщепленного кремня около 5300 экз. Из них нуклеусов 98 или 1.8%. Они имеют в длину всего 2-3 см для мелового кремня и 2-5 см для цветного. В большинстве случаев нуклеусы одноплощадочные неправильных очертаний, сильно сработанные, но встречаются и призматические, удлиненные.

Орудий 623 экз. или 11.75% от общего количества кремня. Количественно преобладают долотовидные *pièces esquillées* (231 или 37% орудий), изготовленных из обломков пластинок, отщепов и осколков. Желобчатое лезвие,

обработанное мелкими и плоскими чешуйчатыми снятиями, расположено на одном или на обоих концах как с одной, так и с другой стороны. Как правило, они целые и очень тонкие. Резцы (175 или 28%) так же очень разнообразны и в значительной части атипичны, изготовлены как на тонких, удлинённых пластинках, так и на массивных отщепах и осколках. Внутри каждой из групп: боковые, срединные, угловые существует много вариаций. Скребки (54 или 8.7%) изготовлены из удлинённых пластинок или их обломков с разной степенью выпуклости и высоты лезвия. Встречаются двойные массивные скребки. Небольшую и очень разнородную категорию составляют острия (18 или 2.9%), преимущественно из узких, тонких, удлинённых пластинок длиной 5 см, шириной 0.8-1.5 см. Среди них различаются острия с затупленным краем (2 экз.), причем ретушь, притупливающая край острия - встречная, т.е. наносилась как в направлении с плоскости раскалывания на спинку, так и наоборот. Этот прием рассматривается как характерный для техники вторичной обработки в Костенках 2 (Борисковский, 1963, с. 38). В ту же категорию включены острия со скошенным концом (видимо 13) и проколки (3 экз.) с узким и тонким, сильно выступающим жальцем. Пластинки с притупленным краем (6 или 0.9%) имеют длину 1-1.2 см (обломки?). Притупленный край также обработан встречной ретушью. Пластинки с ретушью и их обломки (более 130 экз. или около 21%) ближе не охарактеризованы. Кроме того, упомянуто более 570 (10.8%) неретушированных пластинок со следами употребления. Таким образом число орудий увеличивается до 1193 и составляет 22.5% от общего числа расщепленного кремня. Такой высокий процент орудий показывает, что Костенки 2 является ярко выраженным поселением.

Любопытно сравнить эти общие данные с показателями кремневого инвентаря, происходящего с площади жилища. Из общего количества в 2800 экз. мелового кремня - около 1750 (62.5%), цветного валунного - около 900 (32%), кварцита - около 100 (около 3.5%), сланца - около 50 (около 1.5%). Примерно такие же пропорции и законченных орудий: из мелового кремня почти 68%, из цветного - почти 32%. Малые размеры изделий нельзя объяснить размерами сырья, поскольку встречаются значительно более крупные желваки. П.И.Борисковский склонен предполагать, что изготовление мелких орудий являлось специфической особенностью кремневой техники стоянки.

Нуклеусы составляют около 2% от общего количества расщепленного кремня, причем из мелового кремня только 1% по отношению к этому сырью, они совершенно сработанные и отличаются малыми размерами. Нуклеусы из цветного кремня достигают 5% от общего числа этого сырья и имеют несколько большие размеры. "Эта разница объясняется тем, что если меловой кремень приносился издалека, то цветной кремень, правда в виде валунчиков небольших размеров, имелся в достаточном количестве недалеко от стоянки" (Борисковский, 1963, с. 40). Вместе с тем, отмечено, что на стоянке не производилось в сколько-нибудь значительных размерах первичное раскалывание цветного кремня и изготовление из него заготовок и орудий. К сожалению, не указана его доля в отбросах производства, но среди законченных орудий толь-

ко около 13% изготовлено из цветного кремня. Все это доказывает, что сырьем, особенно меловым кремнем, дорожили и использовали его экономно.

Процентное отношение орудий лишь незначительно выше в жилище, чем на всей площади - 13% без пластинок со следами использования и 24.7% с ними. Пропорции отдельных категорий орудий в жилище почти такие же, а иногда даже ниже, чем во всей коллекции.

Кремневый инвентарь, происходящий из очага, вскрытого раскопом С.Н.Замятнина, совершенно идентичен инвентарю из жилища, однако, можно отметить выделяющиеся из общей массы 4 мелких округлых скребка 1.5-2.5 см в поперечнике и концевой скребок, имеющий на противоположном конце лезвие ножа костенковского типа с очень крутой подтеской, идущей почти под прямым углом к плоскости раскалывания.

Таким образом, основные характеристики, включают мелкие размеры нуклеусов и заготовок, пластинчатую технику, бедность формами орудий: резцы, в меньшей степени скребки и далее достаточно редкие острия, пластинки со скошенным концом, проколки, пластинки с притупленным краем, пластинки с ретушью, т.е. набор и примерное соотношение категорий, типичные для соответствующих стоянок среднеднепровского бассейна. Однако, основное и очень существенное отличие состоит в той преобладающей роли, которую играют разнообразные долотовидные орудия, которые на Десне более или менее хорошо представлены только в мезинской культуре. Отличаются и резцы своей разнородностью, аморфностью, почти одинаковой представительностью срединных, угловых и ретушных, наличием многофасеточных. Все это противоречит понятию однокультурности, но в целом, учитывая наличие остатков жилища из костей мамонта, позволяет говорить о каких-то общих, очень широких чертах сходства, осложненных спецификой, выразившейся в преобладании долотовидных орудий и в обработке резцов.

Кремневый инвентарь стоянки **Аносовка 2** (слой 1а), где сохранились развалины жилища, значительно менее известен. Из-за строительства музея слой остался недоследованным. Собранный материал, не обладая полнотой, не позволил дать его характеристику (Рогачев, Аникович, 1984, с. 214). Однако, имеются краткие данные об инвентаре, происходящем, в частности, с площади жилища (Рогачев, Попов, 1982, с. 125). Из 12 245 экз. расщепленного кремня 263 (2.1%) составляют нуклеусы и их обломки. Техника расщепления призматическая. Основной формой заготовки являются пластинки длиной 3-6 см и микропластинки длиной 0.8-3 см, снятые со вторичных ядрищ из массивных пластин и отщепов. Общее число орудий не указано, но если сложим цифры, приведенные для каждой категории, получим 1386, т.е. 11.3% от общего количества. По более поздним и, видимо, более точным данным В.В.Попова (1989, с. 12-13), изделий со вторичной обработкой 1169 или 9.5%. Расхождения касаются главным образом микропластинок с ретушью: 378 или 27.2% и 183 или 15.3% соответственно упомянутым источникам. Видимо, это происходит за счет того, что в первом случае в эту категорию включены микропластинки со следами использования. Точно также в первом случае упоминается 490 плас-

тинок с ретушью (35.3% всех орудий), во втором 432 (36.1%), зато отщепов с ретушью в первом случае 154 (11.1%), во втором 198 (16.9%).

Наиболее заметной категорией орудий являются пластинки и отщепы с чешуйчатой подтеской концов. При одинаковом количестве 239 экз. они в первом случае составляют 17.2% орудий, во втором 20%, что, в сущности, не имеет большого значения. При большом разнообразии микропластинок (упоминается, что по расположению ретуши они могут быть подразделены на 6 вариантов), категория долотовидных наиболее показательна. Привлекает внимание очень малое количество таких обычных орудий как резцы и скребки. Резцов 57 (4.1% или 4.8%), они главным образом переделаны из других сработанных или сломанных орудий. Встречаются резцы комбинированные со скребками и резцы на заготовке с подтеской. Скребок 26 (1.8% или 2.2%). Упомянуто также 18 острий со скошенным концом, 14 пластинок с попеременноусеченным концом и 10 проколов.

В.В.Попов, не колеблясь, считает слой 1а Аносовки 2 однокультурным стоянкам Костенки 2, 3 и 19, т.е. принадлежащим замятнинской культуре. "Их индустрии объединяет состав пород камня, использованного в качестве сырья, техника первичного расщепления, морфологическая близость между группами резцов срединных и многофасеточных с нуклевидными и макролитическими орудиями, близость форм долотовидных орудий, резцов, скребков и др." (Попов, 1989, с. 22). Как видно, коллекция кремня из этой стоянки оказывается, благодаря присутствию крупной серии микропластинок с ретушью, еще больше, чем в Костенках 2, отлична от инвентаря, характерного в целом для среднеднепровских памятников. Можно предположить, что это зависело от различных видов деятельности на разных участках предполагаемого единого поселения, расположенного на противоположных бортах лога (см. выше, с. 32).

Следовательно, необходимо искать другие пути поиска аналогий и из всех возможных обратиться к юго-западному направлению - в среднее Приднестровье и, прежде всего, к стоянке **Климауцы II**, в верхнем культурном слое которой обнаружены остатки жилища из костей мамонта (Борзьяк, Гольберт и др., 1992). К сожалению, предварительный характер этой статьи (другие публикации мне неизвестны) не позволяет судить о кремневом инвентаре. Сказано лишь, что "среди резцов преобладают срединные (одинарные, двойные, тройные). Боковых и сломанных заготовок немного. Срединные резцы имеют короткие резцовые сколы и оформлены как на пластинках, так и на отщепах. Скребки (их в 4 раза меньше, чем резцов) в основном концевые, из пластин. Есть и несколько экземпляров высокой формы. Интересно, что в коллекции имеется лишь два обломка с притупленным краем, причем оба происходят из сборов на месте разрушенного участка стоянки. Видимо, для комплекса верхнего слоя стоянки пластинки с притупленным краем не характерны" (там же, с. 35). Упомянуто также, что имеются рубящие орудия из отщепов и истощенных нуклеусов, а на рис. 2 изображены долотовидное орудие и два скребка.

Другие памятники среднего Днестра: Косоуцы, верхние слои Молодовой I и II не имеют долговременных жилищ, их экономика была основана на добыче северного оленя. В качестве примера рассмотрим кремневый инвентарь слоя 3 стоянки **Косоуцы** (Борзияк, Коваленко, 1992). 536 изделий со вторичной обработкой и следами изношенности составляют всего 1.74% расщепленного кремня. Наиболее многочисленна группа резцов - 221 или 41.23% орудий. Типологически они подразделяются на боковые одинарные (126), боковые двойные и тройные (28), срединные одинарные (41) и двойные (2), угловые (17). Для их изготовления использовались главным образом утолщенные пластинчатые сколы, реже обломки нуклеусов. Многофасеточные нуклевидные изделия с широкой резцовой кромкой не включены в группу резцов. Скребки представлены в значительно меньшем числе - их 46 или 8.58%. Они изготовлены, как правило, на пластинках и пластинчатых отщепах. Укороченных скребков немного, к тому же, судя по иллюстрациям (там же, рис. 6. 20-23), они могут быть обломками скребков. Значительна по количеству объединенная группа пластинок и микропластинок с притупленным краем - 151 или 28.17%. Наиболее распространены простые формы микропластинок, обработанные по одному краю отвесной и крутой ретушью. Среди них выделяется большая группа микроострий, среди которых наиболее широко представлены микроострия с одним ретушированным прямым краем, причем иногда выпуклая форма противоположного необработанного края придает им сегментовидный облик. Имеются 3 микропроколки с выемками, оформляющими короткие жальца. Еще 4 проколки изготовлены из пластинок и 1 из отщепа. Как и на других памятниках позднего палеолита Приднестровья выделена, видимо, по функциональному признаку "крайне разнородная" группа ножевидных предметов (100 или 18.66%). Из единичных изделий представлены 4 выемчатые орудия, 2 скребла и 2 пластины с усеченным ретушью концом. Долотовидные орудия не упоминаются. Серия отбойников, терочников, наковален из песчаника характерна для памятников этой территории. Для слоя 3 стоянки Косоуцы получены в разных лабораториях 3 даты по древесному углю: 16 160±250 (ГИН-4149), 17 840±150 (СОАН-2462) и 17 400±340 (ЛЕ-3306). Они совпадают с датами из сходных по культуре слоев 4-6 стоянки Молодова V (Черныш, 1987). Среди костяного инвентаря особое внимание привлекают орудия из рога северного оленя, прежде всего, молотки, которые связывают эту группу памятников со стоянками среднего Поднепровья, с одной стороны, и венгерской стоянки Шагвар, с другой.

Шагвар, расположенная к югу от оз.Балатон представляет несомненный интерес для нашей темы. Этот чрезвычайно важный двуслойный памятник Центральной Европы был открыт и изучен безвременно скончавшимися в 1996 г. супругами Вероникой и Миклошем Габори, внесших неоценимый вклад в изучение палеолитической эпохи. Интерес Шагвара заключается в значительном сходстве в кремневом инвентаре с памятниками среднеднепровской культурной области. Но экономика Шагвара основана исключительно на охоте на северного оленя и, хотя в верхнем культурном слое Шагвара впервые

в палеолите Венгрии открыты остатки жилищ, они полностью отличны от жилищ аносовско-мезинского типа, представляя собой округлые ямы, заполненные мелкими культурными остатками (Gabori M., 1959, fig. 2). Обильные фаунистические материалы состоят в подавляющем большинстве из костей северного оленя, по сравнению с ними остатки двух видов лошади минимальны. В нижнем культурном слое отмечены зубы бобра. Упоминаются без обозначения слоя лось (фрагмент рога) и мамонт (Gabori M., Gabori V., 1957, p. 14).

Сырьем для изготовления орудий служили частично речные гальки, собранные в окрестностях стоянки, частично материалы из более отдаленных мест (Токайские горы). Гематит и железистые конкреции причудливых форм, найденные М.Габори в заполнении ямы, т.е. намеренно принесенные на стоянку, происходят с северного берега Балатона. Во время командировки в Венгрию мне удалось просмотреть и материалы Шагвара. В коллекции Ж.Хилленбранда 1935 и 1937 г.г. кремьень цветной с аморфными следами раскалывания. Многочисленны нуклеусы: массивные кубовидные со сколами в различных направлениях из кремнистых пород плохого качества; мелкие нуклеусы и нуклевидные обломки бесформенных очертаний; часто встречаются нуклеусы с торцовым принципом скалывания. Хорошо представлены отбойники. Много отбросов: мелкие обломки нуклеусов, преимущественно сколы оживления, мелкие отщепы. Многочисленны пластинки неправильных очертаний, микропластинки, часто с притупленным краем, есть 3 микроострия, у одного обломано основание и ретушированы оба края, у другого - из пластинки правильных очертаний обработан лишь один край. Из орудий отчетливо выделяются скребки, в том числе один из крупного скола, часто лезвия скребков сработаны. имеются долотовидные орудия и резцы, а также 2 скребла: одно из крупного отщепа с мелкой ретушью по краю, второе из осколка гальки.

Коллекция М.Габори включает материалы раскопок 1957-1959 г.г. раздельно нижнего и верхнего культурных слоев. В нижнем слое очень много отбросов производства. Большинство нуклеусов также аморфных очертаний, но орудия изготовлены из яшмовидного материала хорошего качества. В целом, орудий немного и они почти в равных количествах представлены скребками, пластинками с притупленным краем, долотовидными орудиями и резцами. В верхнем слое культурном слое материал аналогичен. Часто встречаются массивные желваки из плохо поддающихся расщеплению пород со следами снятий в разных направлениях. Много мелких аморфных ядрищ, но встречаются и односторонние одноплощадочные нуклеусы. Много сколов оживления, отщепов, мелких пластинок неправильных очертаний. Среди отбросов производства единичные орудия зашифрованы под тем же номером; доперечное скреблышко из отщепа выщелоченного кремня, крошечное двойное долотовидное орудие. Много пластинок, в том числе мельчайшие обломки, но лишь единицы имеют частично ретушированный край, очень редко ретушь наносилась на плоскость раскалывания. Ретушь может быть отвесной, крутой или зубчато-выемчатой. Орудия, как правило, изготовлены из сырья хорошего ка-

чества: кремня или яшмовидной породы. Наиболее представительны скребки: обычные концевые; концевые с ретушью краев; встречаются скребки высокой формы, из обломков нуклеусов; двойные, на конце усеченной пластинки. Столь же разнообразны и долотовидные орудия, главным образом, из сработанных нуклеусов и осколков. Резцы представлены всеми типами, большинство - косоретушные. Единичны острия, комбинированные и выемчатые орудия. М. и В. Габори упоминают несколько острий, обработанных в солютрейской технике (Gabori M., Gabori V., 1957, p.17), но иллюстраций этих изделий не дано и в коллекции их обнаружить не удалось.

В верхнем культурном слое Шагвара многочисленны и выразительны орудия из рога северного оленя, несмотря на плохую сохранность этого материала: рог северного оленя сильно выщелоченный и легкий. Длинный просверленный жезл имеет круглое отверстие очень большого диаметра, стенки его настолько тонкие, что вряд ли могли выдержать какую-либо работу (Gabori M., 1964, tabl. XIII). Некоторые изделия могли служить рукоятями. Для нас наиболее интересно наличие молотков (там же, tabl. XI).

Между нижним культурным слоем, датированным $18\ 900 \pm 100$ л.н. (Gro-1783), и верхним слоем с датой $17\ 760 \pm 150$ л.н. (Gro-1959) залегает слой стерильного лесса 1.5 м мощности, однако культура, согласно М.Габори, не изменилась. Он относит ее по каменному инвентарю к граветту, несмотря на отсутствие типичных граветтских орудий (Gabori M., 1968, p. 186). "Лессовые палеолитические стоянки Венгрии, датированные концом вюрма 2 и вюрмом 3 (хронология Центральной Европы) обладают все инвентарем "восточного граветта", принадлежащим к довольно поздней стадии этой культуры" (там же, p. 183).

Возможно и другое решение вопроса. Благодаря значительной доле долотовидных орудий вместе с другими компонентами, кремневый инвентарь Шагвара обнаруживает еще большее сходство с донскими стоянками, обладающими аносовско-мезинском типом жилищ, чем с соответствующим памятниками среднеднепровского региона, зато имеющими молотки из рога северного оленя. Шагвар - пример того, что на облик кремневой индустрии не влиял характер материалов, для обработки которых она использовалась: рог северного оленя подвергался тем же приемам фасоннажа, что и бивень мамонта. Проблему культурной принадлежности нельзя решить, если прибегнуть к помощи понятий "восточный граветт" или для более поздних памятников "восточный эпиграветт", которые не имеют четкого определения, несмотря на то, что особенно в последние годы они получили широкое распространение, охватывая поселения поздней поры верхнего палеолита Русской равнины.

Принимая хронологическую схему Г.Бозински, в которой последний этап палеолита - поздний верхний палеолит - заключен в рамки от 18 до 12 тысяч лет тому назад, можно выделить внутри этого временного отрезка группу более древних памятников (Шагвар; Костенки 2; Аносковка 2, слой 1а ($18-17$ тыс.л.н.), не имеющие в кремневом инвентаре соответствий ни с граветтом, ни с ранним мадленом. Основная группа среднеднепровских поселений с жи-

лищами из костей мамонта (16-12 тыс.л.н.), не обладая прямыми связями со средним и поздним мадленом Европы, несомненно относится к той же культурной среде. Различие заключается в том, что на западе царствует мир северного оленя (с различными локальными модификациями), на востоке - мир мамонта, продолжавшего здесь существовать до конца палеолита. Связь с предшествующей эпохой - средней порой верхнего палеолита - не в непрерывном развитии культуры из граветта (иные принципы домостроительства, иной кремневый и костяной инвентарь, иные проявления художественного творчества), а именно в существовании мамонта, что накладывало сильный отпечаток на всю материальную культуру. Развитие этой своеобразной культуры в позднем верхнем палеолите на среднем Днепре не является эволюционным процессом, начатым в среднем верхнем палеолите, иными словами не имеет генетической связи с граветтом.

Любопытно привести данные о модели граветтского происхождения "мадлена с микролитами" на территории Франции (Bosselin, Djindjian, 1988). Статистические анализы кремневого инвентаря перигора VI-VII (финальный граветт) показывают, что они более близки к этому впервые формально установленному подразделению мадлена, чем материалы бадегуля, и что следует искать ее предка именно в финальном граветте, датированном 22-20 тыс.л.н. Наиболее древние слои "мадлена с микролитами" датируются $17\ 410 \pm 310$ (Ly-2292) в Рок де Маркан, слой 4с и $17\ 190 \pm 140$ (GrN-1632) в Ляско, оставляя hiatus около 2500 лет между граветтом и мадленом. Следовательно, как считают Б.Босселен и Ф.Джинджан, преждевременно рассматривать в качестве доказанного происхождение мадлена от граветта. Но, если бы даже появились данные для периода в 20 000 - 17 500 лет, думается, никому бы не пришло в голову назвать французский "мадлен с микролитами" эпиграветтом. Почему же это возможно для Русской равнины, где отмечен точно такой же, и даже больший для среднего Днепра, hiatus?

Существенно замечание Б.Босселена и Ф.Джинджана, что построение структуры мадлена, т.е. выделение отдельных подразделений, было сделано на основе только части материальных остатков. Информация о более точном описании набора кремневых орудий, о дебитаже, "специфических" орудиях, о костяной индустрии, стиле произведений искусства обладает ценностью не менее значительной, чем статистический анализ главных категорий набора кремневых орудий, единственный, примененный ими. В действительности, модели структуризации мадлена исторически, но еще и в настоящее время, отдают предпочтение костяным руководящим ископаемым (наконечники копий, гарпуны, наветт и т.д.), как и некоторым редким специфическим и легко узнаваемым кремневым орудиям (резец в виде клюва попугая, резец лакам, разносторонний треугольник, азильское острие, цинкен и т.д.). Проблема состоит в статистической ценности этой информации, основанной главным образом на понятии наличие/отсутствие (там же, р. 325).

В инвентаре поселений среднеднепровской культурной области можно отметить некоторые мадленские аспекты : в кремневом инвентаре индекс рез-

цов выше индекса скребков, развитие пластинчатого дебитажа, наличие пластинок с притупленным краем и нр., исключительно широкое развитие костяного инвентаря и орнаментации. Уже давно отмечена принадлежность мезинских скульптурных фигурок к кругу мадленских женских изображений (Абрамова, 1959) и, может быть, именно в идеологии можно проследить прямую связь с мадленом, но в целом, наши памятники не принадлежат, а только соответствуют мадленской культуре.

КОСТЯНОЙ ИНВЕНТАРЬ ВЕРХНЕПАЛЕОЛИТИЧЕСКИХ СТОЯНОК БАССЕЙНА ДЕСНЫ-ДНЕПРА.

Бассейн Десны-Днепра является важным регионом для изучения палеолита Русской равнины. Его верхнепалеолитические памятники характеризуются определенными специфическими признаками, позволяющими их объединить в особую группу. Отличительные черты деснинских стоянок отмечали многие исследователи: В.А.Городцов, М.В.Воеводский, К.М.Поликарпович, П.И.Борисковский, И.Г.Пидопличко, С.Н.Бибииков, И.Г.Шовкопляс, Л.В.Грехова, М.И.Гладких, З.А.Абрамова и другие.

Днепро-деснинские памятники, благодаря своим особенностям, были выделены в локальный вариант палеолитической культуры. В них широкого развития достигла обработка бивня и кости. Различные приемы обработки бивня, богатство и многообразие изделий особенно характерны для Юдиновской стоянки, хотя и на других памятниках костяные поделки встречались достаточно часто. Основным сырьевым материалом был бивень, из которого изготавливали почти все виды костяных предметов, от игл, наконечников и стержней до разнообразных украшений. Использовали и трубчатые кости, из которых делали иглы, шилья, остря. Широкое применение находили ребра, употреблявшиеся в качестве землекопных орудий и мотыг, лошил и рукоятей.

Техника обработки бивня достигла в деснинских стоянках исключительного развития: бивень расчленяли вдоль и поперек. Поперечное расчленение производили с помощью кругового надреза, надрубки, пиления, затем бивень зачастую обламывали. Бивни с поперечным членением известны из Юдинова, Тимоновки, Супонева, Чулатова II, Елисеевичей, Мезина, Межирича. При обработке бивня использовали и приемы скалывания. В Елисеевичах I, например, чуринги изготовлены из крупных сколотых пластинчатых отщепов. При продольном расчленении бивень разрубали. Для получения пластин-заготовок производили надрезы по длине. Глубина надрезов достигала 0.5-1.5 см, затем намечали нужной ширины пластину, и ее выделяли с двух продольных краев. При скалывании пластины часто ломались. Бивни для получения отщепов, пластин и пластинок служили, по существу, нуклеусами. Бивни-нуклеусы найдены в Юдинове, Тимоновке, Супонева, Елисеевичах, Мезине, Чулатове II, Межириче. При обработке трубчатых костей пользовались приемами надреза и пиления. Надрезали или пилили кость примерно до половины, а затем ее разламывали. Орудия, которыми обрабатывали кости, зачастую, видимо, соскальзывали и на поверхности бивней или костей сохранились следы от этих операций. На костях Юдинова, Тимоновки, Супонева, Елисеевичей, Мезина, Межирича имеются такие надрезы. На костях имеются и следы от строгания. Отверстия на изделиях прорезали, реже сверлили, как с одной, так и с обеих сторон, о чем свидетельствуют поделки из Юдинова, Тимоновки, Елисеевичей, Мезина, Межирича.

Бивень и кость, являясь основным сырьевым материалом, обладали рядом характерных черт. Так, М.М.Герасимов отмечал, что свежая кость мягкая, вязкая и хорошо режется кремневыми орудиями (Герасимов, 1941, с. 70-85). Бивень отличается большей плотностью и вязкостью по сравнению с костью, и поэтому обрабатывать его значительно трудней. Сухой бивень расщеплять почти невозможно, способность расслаиваться еще больше затрудняет его обработку. Перед использованием бивень следовало долго держать в воде. Бивень, вероятно, распаривали, так как от нагревания он растрескивался. В Юдинове найден обломок бивня, который перед использованием был завернут, видимо, в какую-то ткань типа рогожки; на поверхности бивня сохранились отпечатки от этой обертки. Не исключено, что бивень был завернут специально для распаривания. Мокрую кость перед обработкой, видимо, нагревали, потому что теплая мокрая кость обрабатывается легче чем сухая. Отсюда следует вывод, - лучше использовать свежие бивни и кости. Первобытным людям, судя по многочисленным костяным изделиям, были знакомы способы размягчения бивня и кости, как и приемы их обработки.

Готовые костяные изделия, учитывая их возможное применение, можно разделить на следующие основные группы: орудия охоты, орудия труда или домашнего обихода, украшения, произведения искусства.

Обратимся непосредственно к деснинским стоянкам, в которых представлены костяные поделки.

К наиболее ранним верхнепалеолитическим памятникам деснинского бассейна относится стоянка **Хотылево II**, расположенная у с.Хотылево, в 18 км от Брянска, на правом берегу р.Десны. Стоянка открыта Ф.М.Заверняевым (Заверняев, 1974). Датируется в пределах 23-24 тыс.лет тому назад. В Хотылево II собрана богатая коллекция костяных изделий. Прежде всего, это разные заготовки: куски и пластины бивней, трубчатые кости с негативами сколов, обрезанные ребра, обломки рогов. На бивнях сохранились следы от резания и рубки, негативы сколотых пластин и отщепов. Есть куски бивней с продольным и поперечным расчленением. По данным Ф.М.Заверняева, в Хотылево II найдено более 300 костяных предметов. "Некоторые из них - настоящие шедевры первобытного искусства" (Заверняев, 1978, с. 145). Для охоты на животных, хозяйственных и бытовых нужд в Хотылево II использовали костяные орудия. Группа охотничьего оружия представлена наконечниками дротиков, стрижнями и стрелами, напоминающими по форме аналогичные изделия Юдиновской стоянки.

Среди наконечников три почти целых экземпляра, у одного из них у основания намечен черешок, остальные - фрагменты. Наконечники, как и в Юдинове, изготовлены из бивня, только один из трубчатой кости. У них округлое сечение. Четыре наконечника орнаментированы. У двух из них поверхность разделена на поперечные зоны, в которые вписаны разные элементы орнамента: зигзаги, шевроны, прямые и косые тонкие линии. Поверхность двух других наконечников неразделенных на зоны, украшена зигзагами, линиями, шевронами. На стоянке найдено около десятка фрагментов стрижней. Стрелы

представлены единичными экземплярами: 3 целых и 2 заготовки. Одна стрела крупная, длиной 7.2 см, со слегка зауженным и обломанным основанием. Вторая стрела длиной 3.4 см, с намеченным у основания черешком. Третья стрела длиной 2.1 см, с массивным черешком (Заверняев, 1981). Стрежни и стрелы изготовлены из бивня и по форме и характеру обработки напоминают юдиновские.

Орудия труда Хотылевской стоянки состоят из лошил, острий, шильев, землекопных орудий. Лошила, как и в Юдинове, изготовлены из бивня и ребер. Они имеют овально-выпуклый конец, сильно заглаженный в процессе работы, иногда на рабочих концах сохранились линейные следы. Длина лошил - 10-13 см. Большинство лошил изготовлено из ребер. Есть экземпляры из почти целых и расщепленных вдоль ребер. Острия изготовлены из бивня и трубчатых костей. У них оформлена специально только рабочая часть, остальная поверхность оставлена без обработки. Длина острий от 5 см до 14 см. Серией представлены шилья из костей песка. Найдены единичные фрагменты игл из бивня. Небольшую группу оставляют ребра с заглаженной поверхностью и ребра с зауженными стертыми концами, использовавшиеся, видимо, в качестве землекопных орудий, и напоминающие аналогичные изделия Юдинова.

Украшения представлены обломками браслетов и диадем, изготовленных из пластин бивня. Среди них встречаются узкие и широкие экземпляры, шириной от 0.9 см до 3 см, орнаментированные и без орнамента. Следует отметить подвески из зубов песка и резцов оленя с отверстием, немногочисленные пронизки из трубчатых костей, длиной 1-2 см. Кроме того, имеются ребра и пластины бивня, обрезанные с двух концов, готовые изделия или заготовки, - трудно сказать.

Произведения искусства Хотылево II составляют 3 женские статуэтки и фрагменты статуэток из бивня (Заверняев, 1978, с. 152). Помимо них, имеются стержни с антропоморфными изображениями на концах, лопаточки и поделки с разными навершиями. Эти изделия не находят аналогий в материалах деснинских стоянок. Они напоминают подобные предметы костенковско-авдеевской культуры, влияние которой, очевидно, имело место в период существования Хотылево II. Однако для них характерно и определенное своеобразие (Абрамова, 1995б, с. 19-20).

Костяные изделия Хотылево II свидетельствуют о налаженном производстве обработки бивня и кости. Набор костяных предметов в своей основе местный, деснинский, на что указывают орудия охоты: наконечники, стержни и стрелы. У отдельных наконечников и стрел имеется черешок, так и у аналогичных изделий в более поздних памятниках этого региона. Разнообразны орудия труда и украшения. Многие предметы орнаментированы. Основными элементами декора являлись насечки, линии, зигзаги, шевроны. Ромбовидный орнамент, нанесенный на меловых корках кремневых орудий, не имел, видимо, еще широкого распространения. Композиции из разных элементов отмечены на наконечниках и браслетах.

В костяном инвентаре Хотылево II, наряду с типичными деснинскими орудиями и поделками, присутствуют произведения искусства: статуэтки и фрагменты статуэток, стержни с антропоморфными изображениями и напоминающие по форме "копыто верблюда", лопаточка с плоским орнаментированным концом, остря и предметы с навершием в форме человеческой головы, у одной из головок моделировано лицо. Эти изделия напоминают изображения, отмеченные в костенковско-авдеевской культуре (Ефименко, 1958, с. 302-311; Gvozdover 1995, p. 27-46). Однако для них характерны специфические особенности, отличающие их костенковских (Абрамова, 1995б, с. 18-20).

Стоянка **Пушкарри I** занимает по времени промежуточное положение между Хотылево II и памятниками позднеледниковья. Она открыта М.Я.Рудинским в 1932 г. Пушкарри I расположены на правом берегу р.Десны в 20 км севернее г.Новгород-Северского. Стоянка имеет радиоуглеродные даты 16-20 тыс.лет тому назад.

Костяные изделия Пушкарей I представлены единичными предметами: стрелы и обломки наконечников, характеризующие охотничье оружие; мотыги из ребер, представляющие орудия труда; и украшения: 1 подвеска из бивня овальной формы с отверстием в центре и 2 плоских стрелневидных поделки из бивня со вздутиями и перехватами (Борисковский, 1947, с. 174; Борисковский, 1953, с. 188, 189, 222-226; Беляева, 1994, с. 54-59).

К Пушкарям I близка по времени, 19 тыс.лет тому назад, Новгород-Северская стоянка, находящаяся на правом берегу р.Десны, на окраине одноименного города. В 1939 г. при работах в песчаном карьере находили кости животных и кремни, но тогда на это не обратили внимания, и только в 1933 г. геолог Ю.М.Абрамович собрал часть материалов и передал их археологической экспедиции АН СССР, которой руководил М.Я.Рудинский.

На стоянке обнаружены бивни со следами резания и рубки, с продольным и поперечным членением, пластины из бивня, кости с негативами сколов и следами резания. Из орудий найден обломок шила и еще встречено ребро мамонта, расчлененное по длине, на поверхности которого были нанесены поперечные тонкие параллельные линии (Підоплічка, 1947в, с. 91-94; Абрамова, 1962, с. 36). Ребра с подобной орнаментацией имеются в Юдинове и Мезине.

Кроме того на Десне открыты верхнепалеолитические памятники, датируемые в пределах 15-13 тыс.лет тому назад, относящиеся к позднеледниковью, в материалах которых представлены также костяные изделия.

Самые северные из них расположены в районе г.Брянска: Супонево, Тимоновка I, II.

Супоневская стоянка находится в 8 км южнее г.Брянска, на северной окраине с.Супонево, на второй надпойменной террасе правого берега р.Десны. Фактически она была открыта жителем села В.И.Зайцевым, который передал найденные им находки в 1925 г. в Брянский музей. Первые пробные раскопки провел в 1925 г. С.С.Деев, директор музея, подтвердивший существование культурного слоя. Затем исследованием памятника занимались П.П.Ефименко,

Б.С.Жуков, В.А.Городцов, И.Г.Шовкопляс (Шовкопляс, 1950). Супонево имеет радиокарбоновые датировки 14-13 тыс.лет тому назад.

Коллекция костяных изделий Супонева насчитывает около 200 предметов из бивня, кости, рога (Шовкопляс, 1952). Сохранившиеся бивни, по мнению И.Г.Шовкопляса, позволяют высказать предположение о двух способах их продольного расчленения: 1) сильным ударом отбойника от бивня отчленили продолговатый отщеп; 2) по длине бивня прорезали бороздки, расстояние между которыми определялось шириной заготовки, затем отбойником выбивали намеченные куски из основной части бивня. При поперечном расчленении бивень надрезали по окружности на глубину 1-2 см, потом разламывали. Подобным способом расчленяли рога (там же, с. 84, 85).

Орудия охоты представлены фрагментами наконечников и стержней из бивня, а орудия труда - шильями, остриями, иглами, лопаточкой. Шилья изготовлены из костей песка, лопаточка сделана из бивня, один конец ее заострен, другой - в виде плоского прямоугольного навершия. Ее могли использовать и как орудие труда и как украшение типа фибулы.

Из украшений найдено 13 бусин из бивня, прямоугольной и овальной форм, с прорезанным отверстием. Они аналогичны юдиновским бусам. Пластины из бивня с отверстием на конце могли служить как браслеты или диадемы. Интересна поделка листовидной формы из трубчатой кости, возможно, являвшаяся тоже украшением.

На пластинах, обломках бивня нанесены тонкие линии, пересекающиеся иногда, зигзаги, углы, штрихи (Абрамова, 1962, с. 37, 38, табл. XXXVI, 7, 9).

Среди единичных находок следует выделить округлую поделку из бивня с обработанной поверхностью, И.Г.Шовкопляс считал ее головкой антропоморфной статуэтки (Шовкопляс, 1952, с. 92). Затем клин из трубчатой кости, трубчатые кости с отверстием, относимые к "жезлам". На некоторых изделиях нанесен геометрический орнамент, основными элементами которого являются линии, штрихи, зигзаги, углы. Сочетания зигзагов создают узор меандра, пересечения прямых и овальных линий образуют фигуры в виде полуovalов и ромбов. Таким образом в Супонево вместе с набором деснинских предметов, встречаются единичные изделия, нетипичные для этого региона.

Недалеко от г.Брянска, на правом берегу р.Десны, в селе Тимоновка находятся две стоянки, расположенные в 240 м друг от друга. Тимоновка I, открыта М.В.Воеводским в 1927 г. (Воеводский, 1929). Тимоновка II обнаружена Л.В.Греховой и Р.А.Сорокиной в 1965 г. (Грехова, Сорокина, 1969). Обе стоянки по радиоуглеродным датировкам существовали 15 тыс.лет тому назад, хотя для Тимоновки II есть дата и в 12 тыс.лет тому назад.

Кость на обеих стоянках из-за неблагоприятных почвенных условий сохранилась плохо. Основным сырьем для костяных изделий служили бивни и ребра мамонта, реже трубчатые кости других животных.

В Тимоновке II найдены единичные костяные предметы: бивень со срезами, обломок бивня со штрихами на поверхности, ребра с ромбовидным орнаментом, из орудий, вероятно, обломок шила (Грехова, 1970, с. 8).

Коллекция Тимоновки I значительно богаче. При обработке бивня и кости использовали приемы рубки, резания, строгания, сверления. Готовых орудий немного. К орудиям охоты относятся фрагмент наконечника, 2 обломка стрежней и 1 заготовка наконечника. Орудия труда представлены 12 шильями из костей песка, размером 5-6 см, 3 остриями, "лопаточкой" и кочедыком (Грехова, 1977; Величко и др., 1977, с. 87, 88). Что касается лопаточки, то, по данным Л.В.Греховой, она напоминает поделку из отщепа бивня в Елисеевичах I и подобные изделия из Юдинова. А кочедык с одним закругленным и сильно заполированным концом, могли использовать как лоцило. У 3 предметов на конце имеется отверстие, 2 из них изготовлены из бивня, 1 - из ребра. Их могли употреблять в качестве рукоятей. Два обломка ребер со стесанными концами отнесены к землекопным орудиям (там же, с. 87).

Украшения представлены 3 фрагментами браслетов из бивня, у двух из них на лицевой стороне прорезаны двойные линии, у третьего на зауженном конце имеется отверстие. Отмечены 4 поделки из бивня, раковина с частично сохранившимся отверстием, клык марала с отверстием в корневой части и трубчатая кость птицы с отверстием (Абрамова, 1962, с. 37). Относительно кости птицы нет единого мнения, Л.В.Грехова считает, что отверстие на птичьей кости естественное (там же, с. 87).

На 23 кусках и пластинах бивня, и ребрах нанесен орнамент, основными элементами которого были ромбы, реже треугольники. Орнамент расположен вдоль предмета, композиция его занимает определенный участок, ограниченный с обеих сторон прорезанными линиями, образующими зону с орнаментом. Среди ребер обнаружен фрагмент, на поверхности которого, по описанию Л.В.Греховой, нанесено предполагаемое профильное изображение оленя (там же, с. 90). Однако на приведенном куске ребра трудно представить даже схематическое изображение упомянутого животного. К сожалению, оригинал автору не известен.

Техника обработки бивня и кости, набор костяных поделок, хотя и небольшой, сближают Тимоновку I больше всего с Юдиновской стоянкой. Особенно близкое сходство наблюдается в орнаменте, основными элементами которого в Тимоновке как и Юдинове является ромб. Сетка из разновеликих, правильных и неправильных ромбов, иногда ограниченных линиями, образующими зону, аналогична композициям, представленным в Юдинове.

Южнее памятников, расположенных в районе Брянска, находятся стоянки в долине р.Судости: Юдиново, Елисеевичи I и II. Материалы Юдинова, относящиеся к жилищам, описаны в вышедшем выпуске (Абрамова, Григорьева, Кристенсен, 1997).

Елисеевичи I, открытые К.М.Поликарповичем в 1930 г., расположены в юго-восточной части села Елисеевичи на второй надпойменной террасе правого берега р.Судости (Поликарпович, 1968, с. 38; Величко, Грехова, Грибченко, Куренкова, 1997, с. 29). Для Елисеевичей получена большая серия радиоуглеродных дат от 17 до 12 тыс.лет тому назад (Величко и др., 1997, с. 75-80).

Коллекция костяных поделок стоянки разнообразна. Основным сырьем являлись бивень и кости разных животных. При обработке использовали следующие приемы: резание, рубка, скалывание, сверление и, возможно, пиление. Среди заготовок преобладают крупные пластины, отщепы и осколки разных размеров, небольших пластинок мало. Собрано много обрезанных эпифизов и трубчатых костей мелких животных. На пластинках, отщепах и кусках бивня, ребрах, лопатках и тазовых костях сохранились штрихи и линии разной длины и толщины, участки со стертой поверхностью.

В Елисеевичах I представлены все группы костяных изделий. Орудия охоты составляют наконечники копий и дротиков, с пазами и без пазов, со скошенными и овальными основаниями, сохранившиеся преимущественно в обломках. Много стержней из бивня с овальными и овально-уплощенными сечениями, от которых остались, в основном, только средние части без концов (Поликарпович, 1968, с. 129).

Многообразны орудия труда: шилья и иглы из трубчатых костей, ложила из бивня и ребер, мотыги из ребер, рукояти, молоток из рога с нарезками на рукояти, "игольники", "лопаточки" (Величко и др., 1997, с. 133-139). Все эти предметы близки и аналогичны поделкам из Юдинова.

Разнообразны и украшения: пронизки из трубчатых костей со штрихами на поверхности, бусы с отверстием из бивня, подвески и их заготовки из бивня, зубов песца и волка с просверленным отверстием, зубы, обрезанные у корня и заглаженные, фибула из бивня с одним заостренным концом и плоски на вершием на другом конце. Следует упомянуть и бусы из кораллов (Поликарпович, 1968, с. 130, 131).

Наряду со сходством, в Елисеевичах I есть предметы, не имеющие аналогий в Юдиновской стоянке: это женская статуэтка, вырезанная из бивня, высотой 15 см. Она имеет удлиненные пропорции и массивные крупные ноги (Поликарпович, 1968, с. 115-117), уникальны пластины и пластинчатые отщепы - чуринги, с различным орнаментом (там же, 1968, с. 117-130). Следует упомянуть и еще об одном предмете, не имеющем отношения к костяным поделкам, фигурке мамонта из известковой конкреции, которая по мнению Л.В.Греховой, напоминает мамонтов из Костенок (Грехова, 1980, с. 4-7).

В Елисеевичах I многие изделия орнаментированы. Основным видом декора являлся геометрический узор, состоящий из шестигранников, ромбов, треугольников, зигзагов, шевронов, линий, прямоугольников, штрихов. Главной фигурой является шестигранник.

Основу костяного инвентаря Елисеевичей I представляют обычные для Десны группы орудий и украшений. Лишь орнаментированные чуринги не имеют пока аналогий в верхнепалеолитических памятниках Европы. Женская статуэтка и фигурка мамонта образуют сочетание, характерное для памятников костенковско-авдеевской культуры (Абрамова, 1995б, с. 20).

Елисеевичи II расположены на Нагорной улице одноименного села. Стоянка имеет радиокарбонную дату 15 тыс. лет тому назад. Костяная коллекция состоит, в основном, из орудий труда: шилья, ложила, иглы, лопатки

из ребер, кинжаловидное изделие из ребра (Грехова, 1985б, с. 131-141; Величко и др., 1997, с. 145-147). находка "жезла" сближает Елисеевичи II с Мезиным и Межиричем, где обнаружены подобные предметы (Шовкопляс, 1965а, с. 205, рис. 45-1; Пидопличко, 1976, с. 168, рис. 62: 1-3). В основном костяные поделки Елисеевичей II представлены орудиями, типичными для стоянок деснинского бассейна. Среди них выделяется "жезл", не столь часто встречаемый в памятниках этого региона.

Южнее, на правом берегу Десны находится группа стоянок около г.Новгород-Северского. О Пушкарях I и Новгород-Северской стоянках речь шла выше.

Из Пушкарских стоянок бивни и кости со следами искусственного раскалывания обнаружены в Пушкарях II (Воеводский, 1952в, с. 75-85).

Небольшие, но интересные коллекции костяных предметов происходят из Чулатовских стоянок: Чулатово I и II.

Чулатово I, расположенная в урочище "Городище", открыта в 1935 г. местным учителем В.Я.Захарченко, исследование ее проводили в 1935 г. И.Г.Пидопличко, а в 1936 г. М.В.Воеводский (Пидопличко, 1940; Пидопличка, 1947б; Воеводский, 1947). Чулатово I имеет радиокарбонную датировку более 14 тыс. лет тому назад.

Костяные изделия Чулатова I представлены заготовками и готовыми изделиями. Это куски бивней со следами расчленения, рог северного оленя с желобками от резания или пиления, трубчатые кости со следами обработки. Орудия составляют два фрагмента стержней без концов, игла из бивня, двухсторонний молоток из рога северного оленя и кинжаловидное орудие из трубчатой кости (Воеводский, 1947, с. 113, 114; Пидопличка, 1947б, с. 139, 140).

Во второй Чулатовской стоянке, обнаруженной в 1935 г. И.Г.Пидопличко и Д.З.Галичем, кости отличались плохой сохранностью, многие из них были покрыты известковистым налетом, бивни при высыхании рассыпались (Пидопличка, 1947б, с. 21; Галич, 1947, с. 149-154). Поделочным материалом служили бивень, трубчатые кости, рога. Собрано много осколков бивней со следами продольного и поперечного членения, резания, пиления. Найдены кусок бивня с желобком и прорезьями и четыре обломка рогов со следами обстругивания (Воеводский, 1952а, с. 126-129). Выявлено более 200 пластин из бивня. Орудия немногочисленны: наконечник из рога, уплощенный в сечении; 5 шильев из костей песка; 2 двухсторонних молотка из рогов северного оленя; трубчатые кости и бивни с вырезом на конце или, как их называет М.В.Воеводский, "станочки" для обработки кости. Возможно, имеются в виду рукояти (там же, с. 128).

Набор орудий из Чулатовских стоянок по форме и характеру обработки близок к подобным изделиям из Юдинова. Особенно это касается молотков из рога, которые не столь часто встречаются в верхнепалеолитических памятниках Восточной Европы.

Важное место занимает среди деснинских памятников стоянка **Мезин**. Она расположена на правом берегу р. Десны, ниже г.Новгород-Северского, в

окрестностях с.Мезин, открыта в 1908 г. Ф.К.Волковым (Борисковский, 1953; Шовкопляс, 1965а).

На стоянке найдено большое количество костей со следами членения. Основным сырьем служили бивень, рога, ребра и трубчатые кости, на них сохранились следы скалывания, пиления, рубки, резания, сверления, заглаживания.

Орудия Мезина представлены всеми группами. Охотничье оружие изготовлено из бивня. Это наконечники дротиков с широкими пазами и без пазов, зауженные или приостренные у основания, стрелы ланцетовидной формы с обоюдоострыми концами и намеченным у основания черешком.

Орудия труда составляют шилья из кости песца и зайца, проколки-острия из бивня, иглы из бивня и трубчатых костей, рукояти из рога, клинья из бивня и трубчатых костей, напоминающие по форме мотыги, но короткие и массивные, односторонние и двухсторонние молотки из рога, "жезл" из бивня. Интересна серия изделий из бивня и ребер с массивными приостренными концами, овально-уплощенных в сечении. Они напоминают землекопные орудия из Тимоновки I и Юдинова. И.Г.Шовкопляс полагал, что их могли использовать в качестве лоцил. Однако он писал, что типичных лоцил в Мезине нет (Шовкопляс, 1965а, с. 194-205).

Особое место в коллекции костяных изделий занимают украшения. Прежде всего, это браслеты из пластин бивня. Один из них изготовлен из широкой пластины с просверленными отверстиями на концах, поверхность орнаментирована зигзагами и меандрами. Второй браслет состоит из 5 узких пластин бивня с отверстиями на концах. Пластины украшены короткими прямыми линиями по краям, имеющими наклон в одну сторону, а через определенное расстояние - в другую сторону. При соединении пластин, линии образуют квадраты, в которые вписаны фигуры с разомкнутыми сторонами, напоминающие меандры. Эти вещи уникальны, поэтому здесь дана их краткая характеристика. Кроме двух браслетов, собрана серия пластинок из бивня с отверстиями на концах и геометрическим орнаментом. Среди украшений есть подвески из бивня, округлой и овальной формы с просверленными отверстиями, бусы из бивня с прорезанным отверстием, округлой и прямоугольной формы, поделки в виде стержней с шаровидными расширениями и перехватами между ними, по И.Г.Шовкоплясу, застежки для одежды (Шовкопляс, 1965а, с. 212-216). В Мезине собрано 829 раковин морских моллюсков, многие из них имеют отверстие (там же, с. 105-109).

Наибольший интерес вызывает группа художественных произведений Мезина: фигурки из бивня мамонта, включая скульптурные схематизированные изображения, стилизованные женские статуэтки, так называемые, "птички" и "фаллические" изображения с разнообразным геометрическим орнаментом (Шовкопляс, 1965а, с. 217-236). Дискуссия вокруг этих произведений продолжается до сих пор. З.А.Абрамова рассматривает их как стилизованные женские статуэтки (Абрамова, 1966, с. 92, 93). Эту точку зрения разделял и И.Г.Шовкопляс: "вместе с тем тщательное изучение мезинских скульптурных

фигурок - "фаллических", "птичек" и, так называемых, переходных между ними, осуществленное нами в самое последнее время, в частности, новая расшифровка их положения, рельефных форм и графических изображений, позволяет самым решительным образом стать на сторону тех исследователей, которые рассматривают все мезинские фигурки в качестве женских статуэток, хотя и очень сильно и по разному схематизированных и стилизованных" (Шовкопляс, 1965а, с. 247).

К уникальным произведениям искусства относятся кости, расписанные краской. Среди них лопатка мамонта, большая часть поверхности которой покрыта зигзагообразными линиями; две нижние челюсти мамонта с перпендикулярно расположенными линиями и двумя углами; три группы линий и угол изображены на обломке тазовой кости; параллельные штрихи нанесены на обломке бедренной кости; углы и линии изображены на фрагменте лопатки.

Многие изделия орнаментированы. Основными элементами геометрического декора служили линии, нарезки, штрихи, углы, зигзаги, треугольники, меандры, ромбы. Сочетание разных элементов орнамента наблюдается на скульптурных изображениях.

Одним из спорных вопросов является датировка Мезина. Напомним, что Ф.К.Волков датировал стоянку "мадленской эпохой". К концу мадлена относил стоянку Л.Е.Чикаленко. П.П.Ефименко включал Мезин в группу памятников, "... отвечающих концу ориньяка-солютре или, скорее времени переходному к мадлену" (Ефименко, 1953, с. 471). И.Г.Шовкопляс, исходя из особенностей кремневого и костяного инвентаря, бытовых предметов и произведений искусства, датировал Мезин раннемадленским временем "... с учетом специфических восточноевропейских признаков, нередко отличающих их от раннемадленских стоянок Средней и Западной Европы" (Шовкопляс, 1965а, с. 293). Г.П.Григорьев считает, что женские изображения, подобные мезинским имеют аналогии в материалах Европы в мадленское время - от 10 до 13 тыс.лет тому назад. Однако залегание культурного слоя памятника "под мощной толщей лесса", арктическая фауна заставляют датировать Мезин более древним временем. "Сочетание в одной и той же мезинской статуэтке объемного изображения и графического, знакового, делает мезинское искусство более архаичным, чем его проявление в других местах (Геннердорф, Гар-де-Куз)" (Григорьев, 1997, с. 84). Даты, полученные радиоуглеродным методом, имеют разброс от 29-24 тыс.лет тому назад до 15 тыс.лет тому назад. Относительно "мощной толщи лесса", - поверхность, на которой расположена стоянка, имеет два склона в направлении с северо-запада на юго-восток и с севера на юг. Над культурным слоем отложился лесс, смытый с плато, поэтому культурный слой местами залегает на глубине 1-1.5 м, а на северных участках, на глубине 3-6 м, а иногда 7 и 8 м (Шовкопляс, 1965а, с. 32, 33). Фауна Мезина имеет смешанный характер, как и у других деснинских памятников. Стоянка относится, скорее всего, к мадленскому времени.

Она характеризуется серией схематизированных изображений, стилизованных женских статуэток, расписанных краской костями и меандровым ор-

наментом, элементы последнего обнаружены и на обломке пластины из бивня в Супоневской стоянке.

Близкой к Мезину по характеру костяного инвентаря является стоянка **Межирич**, открытая в 1965 г. И.Г.Пидопличко и расположенная в с.Межирич Каневского района Черкасской области, в междуречье рек Рось (правого притока Днепра) и Росавы (Пидопличко, 1976, с. 14). Радиокарбоновые даты имеют разброс 19-12 тыс.лет тому назад.

Богатая коллекция костяных предметов представлена как заготовками, так и готовыми орудиями. В качестве сырья использовали бивень, трубчатые кости, рога, ребра. Найдены куски расчлененных бивней и бивни-нуклеусы для получения пластин. На бивнях и рогах сохранились следы кольцевых срезов, на трубчатых костях - негативы сколов. Собрано много фрагментов ребер со следами резания, скалывания, скобления.

В Межириче имеются все группы орудий. Охотничье оружие характеризуют наконечники копий. Найдено копье из бивня длиной 90 см (Пидопличко, 1976, с. 159-165). Имеются обломки стержней, округлые и овально-уплощенные в сечении.

Орудия труда представлены шильями, иглами, ложилами, "лопаточками", молотками из рога, костяными дисками и другими. Кратко охарактеризуем некоторые орудия, ибо они мало известны. В Межириче обнаружено 83 шила, большинство их изготовлено из больших берцовых костей зайца. Целых шильев только 8, остальные - фрагментарны. Иголок найдено 10, из них 1 почти целая, у 5 сохранилось ушко. Иглы изготовлены из трубчатых костей песка, зайца, волка и бивня мамонта. Что касается ложил, то у И.Г.Пидопличко упомянуто только одно из бивня длиной 38 см с одним обломанным концом. Однако, судя по рисункам, их было больше, причем не только из бивня, а из ребер (Пидопличко, 1976, с. 186, рис. 72: 2-4). Интересны поделки с рукоятью и более широким рабочим концом, напоминающим по форме лопатки. Некоторые из них орнаментированы (там же, с. 173-175, рис. 66: 1). Небольшую серию составляют молотки из рога северного оленя. Целых или почти целых молотков 5, отмечены еще 2 обломка. Молотки имеют длинные рукояти, у одного рукоять частично обломана. Три из них - двухсторонние, два - односторонние (там же, с. 168-170, рис. 63). Сохранились 3 фрагмента изделий из бивня и рога с остатками крупных просверленных отверстий. Одно из них напоминает рукоять с орнаментом в виде поперечных и продольных линий и линий, нанесенных под углом, два других - видимо, навершиями "жезлов". И.Г.Пидопличко отнес их к костяным клиньям (там же, с. 167, 169, рис. 62: 1-3). Любопытную серию составляют изделия из ребер: это специально обрезанные с двух концов куски прямоугольной формы, разной длины. На поверхности их сохранились следы от обработки. Концы у отдельных экземпляров разные, один - более широкий, другой - узкий (там же, с. 85, 86, рис. 25). Специально вырезанные куски ребер прямоугольной формы известны в Хотылево II и Юдинове. Следует упомянуть светильники из эпифизов бедренных костей мамонта (там же, 189-192, рис. 75). Подобные светильники обна-

ружены во втором комплексе верхнего слоя Костенок I; в верхней части одной из ям найдено более 30 заготовок светильников (Рогачев, Праслов и др., 1982, с. 58, рис. 15). Среди редких изделий Межирича следует отметить 2 костяных диска из суставной головки бедренной и плечевой костей мамонта. Диски вырезаны специально и имеют в центре отверстие. Подобные диски, по всей вероятности, могли служить навершиями орудий, а не применялись для добывания огня, как думал И.Г.Пидопличко (Пидопличко, 1976, с. 189, рис. 74).

Часть костяных изделий, названные И.Г.Пидопличко сторожками, ловушками, скреблами и т.д. остались за пределами рассмотрения, поскольку отсутствует их описание, а сами предметы автору не известны.

К украшениям относятся разнообразные подвески с отверстием, с круговыми и продольными нарезками из зубов животных и фибула. Фибула представляет собой стержень с округлым навершием и широким просверленным в нем отверстием (Пидопличко, 1976, с. 175, рис. 66). Особо следует выделить украшения из янтаря (там же, с. 154-157, рис. 57).

В Межириче привлекают особое внимание череп мамонта, расписанный красной охрой, стилизованные антропоморфные изображения и гравюры на костях (Пидопличко, 1976, с. 203-205, 213, 216). Ближайшими аналогиями женским статуэткам являются статуэтки Мезина.

Некоторые предметы орнаментированы. Основными элементами геометрического декора служат линии, штрихи, зигзаги, шевроны, углы, треугольники. На орудиях и статуэтках имеются сочетания различных его элементов.

В Поднепровье находится и первая, открытая в этом бассейне в 1873 г. Ф.И.Камински., Гонцовская стоянка, расположенная на правом берегу р.Удая, притока р.Сулы, являющегося притоком р.Днепра (Щербаківський, 1919, с. 69, 70; Городцов, 1926, с. 31, 32; Брюсов, 1940, с. 90; Левицкий, 1947, с. 221-224; Борисковский, 1953, с. 323, 324; Абрамова, 1962, с. 40). Радиоуглеродные даты стоянки 14-13 тыс.лет тому назад.

В Гонцах собраны многочисленные обломки бивней, ребер, рогов, трубчатых костей, разрезанные или расколотые, со следами скобления, сверления. Есть ребра, обрезанные с двух концов.

К орудиям охоты принадлежат наконечники дротиков и стержни из бивня. Среди наконечников есть экземпляры с пазами и без пазов. От стержней сохранились фрагменты.

Орудия труда составляют многочисленные шилья, большинство которых дошло до нас в обломках, иглы, односторонний молоток из рога северного оленя. Большинство шильев изготовлено из трубчатых костей зайца, на отдельных экземплярах имеются нарезки. Найдено 4 иглы, из них 1 целая с просверленным ушком.

Украшения представляют поделки из бивня, подвески из зубов животных. Одной из поделок является стержень с тремя перехватами в верхней и средней частях. Другой предмет овальной формы с удлиненными концами. Он имеет в центре просверленное отверстие. Подвески включают челюсть медведя

с клыками и отверстием, обломок клыка медведя с кольцевыми нарезками, зуб жвачного животного с двумя концентрическими нарезками. Кроме того, найдены 2 тонкие костяные пластины квадратной формы, на одной из них имеется нарезка (Левицкий, 1947, с. 224).

К произведениям искусства отнесены 2 обломка бивней с нарезками. На одном бивне вырезана по длине слегка изогнутая линия, от которой с одной стороны под прямым углом отходят чередуясь короткие насечки и штрихи. На втором бивне, принадлежавшем молодому мамонту, у более узкого конца на выпуклой стороне нанесены тонкие нарезки (Левицкий, 1947, с. 224; Абрамова, 1962, с. 40).

Набор костяных изделий Гонцов близок к костяным поделкам из деснинских стоянок. В Гонцах мало орнаментированных предметов. Тонкие линии, нарезки являются основным элементами декора.

Костяные изделия Гонцов более однообразны, по сравнению с Мезиным и Межиричем.

Краткое перечисление памятников и мест их нахождения сделано преднамеренно, потому что многие стоянки открыты давно, например, Гонцы еще в прошлом веке. Уточнены фамилии людей, обнаруживших отдельные стоянки.

Обобщая все вышерассмотренное, можно сделать следующие выводы. В деснинских стоянках представлена разнообразная обработка бивня и кости. О многообразии приемов свидетельствуют нуклеусы из бивней, различные заготовки, от крупных осколков и пластин до отщепов, чешуек и готовых орудий. На примере Юдиновского поселения наблюдается разнообразие костяных изделий. Костяных предметов здесь собрано почти столько же, сколько и каменных, что чрезвычайно редко встречается в палеолитических памятниках. На всех стоянках имеется охотничье вооружение: наконечники из бивня, с пазами и без пазов, с заостренными, скошенными, овальными основаниями, с намеченным или выделенным черешком; тонкие, удлиненные стержни, редкие в памятниках стрелы, в большинстве случаев, с черешком в основании. Законченность и тонкость в обработке отмечается в наконечниках, стержнях, стрелах. Некоторые из них украшены геометрическим орнаментом. В первую очередь следует выделить наконечники из Хотылево II и Юдинова. Орнаментированные наконечники редко встречаются в Восточной Европе. Они характерны больше для мадленских памятников Центральной и Западной Европы (Allain et Descouts, 1957, p. 503-512; S.Kozłowski et al., 1995, p. 148-154).

Техника обработки бивня и кости отражена и в спектре орудий труда, от мелких игл и шильев, до лошил, ножей, мотыг, рукоятей и молотков. Почти на всех стоянках обнаружены шилья из трубчатых костей песка, иногда, зайца. Из других разновидностей орудий чаще представлены иглы, немногочисленны лошила, ножи, рукояти, лопаточки. Почти на всех стоянках собраны ребра, использовавшиеся, видимо, в качестве землекопных орудий. Особо следует выделить наличие на стоянках молотков из рога северного оленя. Среди них есть односторонние и двухсторонние экземпляры. Уникальность юди-

новских молотков заключается в их орнаментации. Такие, специально орнаментированные орудия в Восточной Европе, кроме юдиновских, неизвестны.

Разнообразны украшения: фигурные подвески из бивня и зубов животных, обломки браслетов и, возможно, диадем, фибулы в отдельных стоянках.

Одной из достопримечательностей являются бусы из бивня. Различие форм, миниатюрность, тонкость, прорезанное отверстие выделяют их среди костяных изделий. Масса бус найдена в Юдинове, однако есть они и в Супоневе, Мезине, Елисеевичах I. Сходство отмечено между бусами из бивня и бусами из эмали зубов лошади ангарской стоянки Красный Яр, из верхнего слоя которой происходят 5 мелких плоских с отверстием экземпляров, 2 из них фрагментарны (Абрамова, 1978, рис. 11: 9-11). Отверстия у ангарских бус сделаны двухсторонним сверлением, в отличие от юдиновских, прорезанных.

Другая особенность деснинских памятников - это геометрический орнамент. Более простыми элементами его служили линии, штрихи, насечки, более сложными - ромбы, зигзаги, шевроны, реже треугольники, меандры, шестигранники. При всем разнообразии основным элементом является ромб. Ромбы крупные и мелкие, правильные и неправильные, в виде сетки и отдельных фигур нанесены на орудиях, кусках бивня, ребрах, трубчатых костях. Представлены и сложные композиции из разных элементов.

Произведения искусства обнаружены в виде гравированных изображений. В период существования деснинских стоянок происходило развитие художественного творчества, доказательством чего служат различные украшения, гравированные изображения на орудиях, кусках бивня и костях. Развиваясь, изобразительное творчество приобрело условный, скорее декоративно-орнаментальный характер.

Что касается скульптур: статуэток, антропоморфных изображений, то они тоже постепенно изменялись от реалистических женских фигурок Хотылево II к стилизованно-схематизированным изображениям Мезина и Межирича, более известным в мадленских памятниках Западной и Центральной Европы. Развитие, очевидно, шло на местной основе, не без влияния соседних культур, например, костенковско-авдеевской на раннем этапе.

Сравнение костяных предметов стоянок Десны с изделиями из памятников соседних территорий, Дона и Днестра, указывает на их отличия, хотя и не исключает влияния, как отмечено выше.

В донских стоянках представлены скульптурные изображения трех разновидностей: женщина, зверь, антропоморфное существо. В более поздних деснинских памятниках их почти нет, статуэтка Елисеевичей отличается стилем, а мезинские статуэтки приобретают мадленский облик. Есть различия и в устоявшемся наборе орудий и украшений. В костенковских стоянках отсутствуют столь характерные для памятников Десны молотки из рога, стрелы с черешками, орнаментированные наконечники, из украшений, например, - миниатюрные плоские бусы с отверстием. Одним из основных отличий является орнамент. В костенковском орнаменте нет таких элементов, как ромб, меандр, шестигранник. Важно и само расположение орнамента. На костенковских по-

делках его наносили, в основном, по краям предметов, в деснинских - он занимает центральную часть. Как донские памятники объединяют скульптуры животных, так деснинские - геометрический орнамент (Абрамова, 1960, с. 14). З.А.Абрамова отмечает, что различия между деснинскими и донскими стоянками имели не временной, а локальный этнографический характер.

Соседями деснинских памятников на юге были днестровские стоянки. Основным сырьем для изготовления костяных орудий стал рог северного оленя, значительно реже использовали ребра и бивни мамонта. Большинство изделий "жезлы", мотыги, молотки, кинжалы, рукояти сделаны из рога. А вот наконечники продолжали изготавливать из бивня. Встречаются ребра с прорезьями или пазами. В молодовских стоянках почти отсутствуют шилья, иглы, стрелы, лопаточки и другие характерные для деснинских стоянок орудия. Почти нет или редки украшения и гравированные изображения. Зато в молодовских памятниках, как и в деснинских, представлены односторонние и двухсторонние молотки из рога северного оленя, но они, в отличие от юдиновских, не орнаментированы. Украшенные предметы единичны. Основные элементы орнамента - это линии, штрихи, редко зигзаги (Черныш, 1959, с. 81-112; Черныш, 1982, с. 72-83).

За пределами Восточной Европы по набору костяных изделий близка к памятникам бассейна Десны **Машицкая пещера** в Польше (Kozlowski, Saxe-Kozłowska et al., 1995, p. 147-161). Машицкая пещера - это классический мадленский памятник с наветт. Орудия наветт изготовлены из рога северного оленя. Это составные орудия, имеющие специальное расщепление на одном или обоих концах. Они являются эталоном определенной группы мадлена (Allain, Desbrose, Kozlowski, Rigaud, 1985, p. 37, 38). В Машицкой пещере количество костяных изделий равно количеству каменных орудий. Это соотношение редко встречается в верхнепалеолитических памятниках.

В Машицкой пещере большинство костяных предметов изготовлено из рога северного оленя, но есть изделия из бивня, ребер и костей других животных. Орудия охоты представлены наконечниками копий и дротиков, стержнями и стрелами. Орудия труда состоят из шильев, лоцил, игл из бивня, острий, рукоятей из ребер и трубчатых костей, "жезла", орудий наветт и заготовок из рога северного оленя. О назначении наветт до сих пор ведутся споры, но все исследователи сходятся в одном, что они являлись составными орудиями, одни считают их метательными орудиями, другие - рукоятями для скребков. Подобных изделий нет в памятниках Восточной Европы, но они имеются в стоянках Центральной Европы, например: Книгротте, Пекарна (Bosinski, 1987; Valoch, 1995). Из украшений в Машицкой пещере найдена подвеска из зуба с просверленным отверстием.

Стоянки бассейна Десны и Машицкая пещера близки по набору орудий из кости. Как и в деснинских стоянках, в Машицкой нет типичных для мадлена гарпунов и произведений искусства - женских статуэток. Отличаются они и сырьем, из которого изготовлены костяные поделки. Связано это с тем,

что в Мащицкой пещере обитали охотники на северного оленя, а деснинские стоянки принадлежали охотникам на мамонта.

Мадлен характеризуется высоким развитием обработки костей и расцветом палеолитического искусства. Бивень в бассейне Десны, рог северного оленя в Западной и Центральной Европе были основным сырьем в мадлене.

Относительно принадлежности памятников Десны и Среднего Поднепровья существуют разные точки зрения. Многие российские исследователи считают их памятниками мадленского времени, выделяя внутри отдельные культуры. Р.Дебросс и Я.Козловский относят стоянки Мезин, Межирич, Елисеевичи I к эпиграветтским памятникам (Desbrosse, Kozlowski, 1988, p. 7-94). Они полагают, что в Восточной Европе эпиграветт появился после 20 тыс. лет тому назад, и складывался на основе локальных традиций и индустрий центрально-европейского происхождения (там же, с. 79). На среднем Днепре и Десне они выделяют 2 группы (мезинскую и елисеевичскую), которые существовали 18-15 тыс. лет. тому назад. Однородность их, по мнению Р.Дебросса и Я.Козловского, заключалась в костяном инвентаре, структуре жилищ и художественных изделиях. Я.Козловский считает, что индустрия Мезина и Межиричей очень однообразна. Эти исследователи упоминают статуэтки, подчеркивая их известную стилизацию и гравировку, отмечают появление первой палеолитической живописи в Восточной Европе, перечисляют каменный и костяной инвентари, чуть подробнее останавливаются на характеристике жилищ.

В елисеевичской группе Р.Дебросс и Я.Козловский подчеркивают не только однородность, но и бедность каменного инвентаря, упоминают костяные предметы. Особо отмечают чуринги. Елисеевичская женская статуэтка, по их мнению, отличается от аналогичных изображений граветта и костенковской культуры. Своеобразие ее неоднократно подчеркивали и российские исследователи. Р.Дебросс и Я.Козловский считают, что Елисеевичи I - это поселение "... адаптации граветтских охотников в экологических условиях тундры, потому что они занимают позицию более северную эпиграветтскому миру" (Desbrosse, Kozlowski, 1988, p. 85). В эту группу включены Юдиново и Тимоновские стоянки. В характеристике памятников Р.Дебросса и Я.Козловского не содержится, к сожалению, ничего нового, кроме отнесения их к эпиграветту без доказательств и обоснований. В костяном инвентаре стоянок отсутствуют элементы, типичные для эпиграветта.

Точка зрения Р.Дебросса и Я.Козловского о "восточном эпиграветте" противоположна мнению М.Отта, считающего, что эпиграветта не было в восточных и центральных регионах, потому что в этот период сюда пришли мадленцы (Otte, 1981, p. 141).

Деснинские стоянки по развитию косторезного мастерства, набору костяных изделий близки к мадленским памятникам Центральной Европы.

Начало заселения бассейна Днепра относится, по данным геологов, к брянскому интерстадиалу (Величко, Грибченко, Куренкова, 1996, с. 72-82). И продолжалось оно до конца позднеледниковья. Комплексное исследование стоянок позволило выделить три этапа в заселении этого региона (Величко,

Грехова, Грибченко, Куренкова, 1997, с. 165-168). Первый этап охватывает заключительный период брянского интерстадиала (25-22 тыс.лет тому назад), о чем свидетельствуют стоянки Хотылево II, Новгород-Северская. Второй этап касается максимального поздневалдайского похолодания (20-18 тыс.лет тому назад), это время существования Пушкарей I. Третий этап связан с валдайским позднеледниковьем (15-13 тыс.лет тому назад), временем заселения Елисеевичей, Супонева, Юдинова, Тимоновок I и II, Мезина и др.

Стоянки отличаются и своим расположением. Одни из них, как Пушкари I, Чулатово I и II, Тимоновки I и II, Елисеевичи, Мезин и др., находятся на высоких террасах или водоразделах, недалеко от выходов меловых пород с кремневыми желваками. Другие, как Юдиново, например, найдены вблизи рек, в стороне от источников сырья, в местах, возможно, благоприятных для охоты (Величко и др., 1997, с. 166).

Деснинские стоянки выделены в особый регион развития верхнего палеолита Русской равнины. В них широко представлена костяная индустрия, отличающаяся разнообразной техникой обработки кости, особенно бивня, многообразием орудий, характеризующих все стороны хозяйственной деятельности (табл. 1, 2), и произведениями искусства (табл. 3). Стоянки, относящиеся к разным периодам заселения региона, обладали особенностями, отразившимися в комплексах костяных орудий. Так, в Хотылево II, более ранней верхнепалеолитической стоянке, орудия и произведения искусства представлены разными группами и формами, включая женские статуэтки, лопаточки и острия с наконечниками. Ряд исследователей, опираясь в основном на предметы искусства, относят Хотылево II к памятникам костенковско-авдеевской культуры (Гаврилов, 1997, с. 27). С нашей точки зрения, Хотылево II является деснинским памятником, испытавшим влияние костенковской культуры, что

Таблица 1

Костяные орудия охоты основных деснинских
верхнепалеолитических стоянок

стоянки \ сырье орудия	бивень		
	стрелы	наконечники	стержни
Юдиново	+	+	+
Тимоновка I		+	+
Тимоновка II			
Супонево		+	+
Елисеевичи I		+	+
Елисеевичи II			
Чулатово I			+
Чулатово II			
Мезин	+	+	+
Межирич		+	+
Гонцы		+	+
Пушкари I		+	+
Новгород-Северский			
Хотылево II	+	+	+

Таблица 2.

Костяные орудия труда основных деснинских верхнепалеолитических памятников.

сырье орудия	бивень				ребра			трубчатые кости				рог		
	лощи- ла	иглы	острия	моты- ги	земле- коп- ные орудия	руко- яти	лощи- ла	кинжа лы	из костей песца	шилья из облом ков	острия	иглы и другие вещи	МОЛОТ КИ	“Жез- лы”
СТОЯНКИ														
Юдиново	+	+	+	+	+	+	+		+		+	+	+	
Тимоновка I	+		+		+	+	+		+		+			
Тимоновка II									+					
Супонево		+	+					+			+	+		+
Елисеевичи I	+		+		+	+	+		+		+	+	+	
Елисеевичи II	+	+	+		+		+		+					+
Чулагово I		+										+	+	
Чулагово II			+			+			+				+	
Мезин		+	+	+	+	+	+		+		+	+	+	+
Межирич	+	+	+		+	+	+		+		+	+	+	+
Гонцы		+							+		+	+	+	
Пушкари I					+									
Новгород- Северский									+					
Хотылево II	+	+	+		+			+						

отразилось, прежде всего, на произведениях искусства, а не на всем комплексе костяных изделий. Достаточно упомянуть наконечники, стержни и стрелы с выделенными черешками, шилья, иглы, ложила, землекопные орудия из ребер, наиболее типичные для данного региона. Геометрический орнамент составляет отличительную особенность деснинских стоянок.

Таблица 3.

Костяные украшения и произведения искусства основных деснинских верхнепалеолитических стоянок.

сырье	украшения				искусство		
	бивень				зубы		
стоянки	браслеты, диадемы	фибулы	подвески	бусы	подвески	скульптура	орнамент
Юдиново	+	+	+	+	+		+
Тимоновка I	+				+		+
Тимоновка II							+
Супонево	+			+		+	+
Елисеевичи I	+	+	+	+	+	+	+
Елисеевичи II							+
Чулатово I							
Чулатово II							
Мезин	+	+	+	+	+	+	+
Межирич	+	+	+		+	+	+
Гонцы	+	+	+		+		+
Пушкاري I			+				
Новгород-Северский							+
Хотылево II	+		+		+		+

Костяные изделия Пушкарей немногочисленны, но они вполне вписываются в группы орудий, представленных в других стоянках: наконечники, землекопные орудия из ребер, украшения. Орнамент на этих предметах отсутствует.

Памятники позднеледникового объединяет не только геометрический орнамент, а и набор орудий разного хозяйственного назначения, украшения и произведения искусства. Среди них выделяются Елисеевичи I с женской статуэткой и чурингами; Мезин и Межирич - памятники со стилизованным-схематизированными женскими статуэтками и живописью на костях. Возможно, костяные изделия этих стоянок, от Хотылево II до Мезина, демонстрируют постепенные изменения в развитии, происходящие с произведениями искусства, при относительно стабильном наборе орудий охоты и труда. При сравнении костяных изделий, обнаруживается больше сходства, чем различия между стоянками. Пока трудно установить генетическую линию развития этих памятников, ибо каждый из них обладает определенным своеобразием.

Обращает на себя внимание и то обстоятельство, что в деснинских стоянках нет гарпунов, это в какой-то мере объединяет и выделяет памятники

среди мадленских стоянок. Но гарпунов нет и в мадлене с наветт. А.Брейль высказал в свое время предположение о том, что прототипом гарпуна является наконечник с пазом (Allain, Descouts, 1957, p. 509). Возможно, оно справедливо и по отношению к стоянкам, в которых такие наконечники представлены?

Для мадлена типичен большой и разнообразный набор орудий охоты, труда, украшений, произведений искусства из кости. Вместе с тем следует подчеркнуть, что в мадлене, наряду с реалистическими изображениями, возрастает количество стилизованных, приобретающих декоративно-орнаментальный характер произведений. Это можно отметить на многих изделиях Мезина, Елисеевичей, Тимоновки, Юдинова. Сложные процессы развития верхнего палеолита Европы отразились и на западных регионах Русской равнины. На это указывают техника обработки бивня и кости, разнообразные орудия и украшения, геометрический декор, сложные орнаментальные композиции и изобразительное творчество, представленные в деснинских памятниках.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Детальное рассмотрение всех материальных аспектов верхнепалеолитического поселения Юдиново приводит к выводу о его полном вхождении в круг памятников среднеднепровской культурной области (И.Г.Шовкопляс), распространенных в позднеледниковую эпоху от Супонева на севере до Межирича на юге на протяжении более 400 км и объединенных в первую очередь наличием жилищ из костей мамонта аносовско-мезинского типа (А.Н.Рогачев). Можно сказать даже, что Юдиново не уступает в своей значимости таким более известным стоянкам как Мезин и Межирич.

Жилища, построенные с использованием костей мамонта, единственного сохранившегося благодаря фоссилизации органического материала, прошли длительный путь развития, начиная с мустьерской эпохи (А.П.Черныш) и достигнув апогея в наиболее совершенных и выразительных конструкциях, отнесенных к аносовско-мезинскому типу. Эти жилища, открытые в стоянках бассейна Десны - Днепра (Мезин, Юдиново, Межирич, Добраничевка, Супонево, Гонцы и, возможно, Кирилловская) имеют между собой значительное сходство в размерах, округло/овальной форме и в основных структурных элементах, в первую очередь, вкопанных в землю альвеолами черепов мамонта, к которым причленяются другие крупные кости: нижние челюсти, бивни, лопатки, тазовые, длинные кости конечностей. Обнаруженные на Дону жилища этого типа в Костенках 2 и Аносовке 2, слой 1а, отличаются от среднеднепровских несколько большими размерами, но в их устройстве применены те же самые приемы, в частности, наиболее яркий пример секций стены из колонок вложенных одна в другую нижних челюстей мамонта роднит конструкции из Аносовки 2 и Межирича (жилище 1).

В Юдинове, как и в других поселениях этого круга, находит яркое отражение роль мамонта в жизни палеолитических коллективов. В эту эпоху мамонт несомненно был современником человека и объектом интенсивной охоты, о чем свидетельствует подавляющее большинство его костей в фаунистических остатках на каждом поселении. Кости этого животного, помимо применения в строительных целях, широко использовались как топливо; бивни служили для изготовления охотничьего вооружения, бытовых орудий, произведений искусства и украшений. Именно в Юдинове отмечено специализированное производство мелких бус - нашивок из тонких пластинок бивня.

Все материальные остатки, начиная с развалин жилищ и кончая массой бус, свидетельствуют о том, что Юдиново было долговременным поселением. Постройка жилища, требующая немалого труда, исключалась в любой сезон, кроме летнего, и очевидно жилище использовалось не менее года. Анализ фаунистических остатков, например, в Межириче показывает, что охота производилась круглый год. Обустроенность жилищ, обильные следы повседневной жизни, неоднократно вычищаемые очаги также говорят в пользу заселения избранных удобных участков близ реки в течение нескольких лет, до известного предела истощения ресурсов эксплуатируемой территории. Можно

предположить, что жилища на поселениях были практически одновременными, поскольку лишь коллективная жизнь двух-трех объединившихся нуклеарных семей позволяла адаптироваться к суровым окружающим условиям перигляциальной зоны. И охота на мамонтов, и транспортировка добычи на поселение, и строительство жилищ, и добыча кремня в достаточно отдаленных от Юдинова местах требовали коллективных усилий.

Изучение кремневого инвентаря Юдинова с несомненностью показало, что служивший основным сырьем меловой кремень попадал на поселение в виде уже подготовленных или опробованных желваков и здесь подвергался интенсивной обработке, о чем свидетельствует большое количество отбойников, часто из истощенных нуклеусов, и орудий из сколов оживления. Сырьем безусловно дорожили. Типологический анализ показал достаточно близкое сходство Юдиново с Чулатовым II, Бугорком и Тимоновскими стоянками, что позволило отнести эти памятники к единой археологической культуре, входящей в среднеднепровскую этнокультурную область, ограниченную и хронологически и территориально, наряду с двумя другими археологическими культурами: Мезин - Супонево и Межирич - Добраничевка. Трудно установить в этой системе место Гонцов, где, как и в Юдинове, в отличие от других памятников, нет поблизости выходов кремневого сырья. Следует учитывать, что выделение трех археологических культур условно. Окончательные выводы могут быть сделаны после детальной проработки структурного состава кремневого инвентаря.

Большого внимания заслуживает вопрос различия в кремневом инвентаре между стоянками Десны - Днепра и соответствующими памятниками Дона. Согласно имеющимся неполным данным, состав инвентаря последних указывает на их принадлежность к замятнинской археологической культуре, выделенной в Костенках. Забегая вперед скажем, что нет сходства и в костяном инвентаре, здесь, в частности полностью отсутствуют молотки из рога северного оленя. Следовательно, в данном случае наличие жилищ одного типа в разных речных бассейнах не свидетельствует о принадлежности стоянок к одной археологической культуре. Этот вопрос связан с другим примером обратного свойства: сходство кремневого инвентаря этих памятников с набором орудий из венгерской стоянки Шагвар, где представлены жилища иного типа, но имеются молотки из рога северного оленя.

Обильный костяной инвентарь, собранный в Юдинове, помимо исключительно широко представленных материалов по обработке бивня и различных изделий из этого превосходного сырья, включает землекопные орудия из ребер мамонта, молотки из рога северного оленя, шилья из костей песка, шилья и иглы с просверленными ушками из осколков трубчатых костей и прочие. Костяной инвентарь находит многочисленные аналогии в других днепродеснинских стоянках. Определенные сопоставления, свидетельствующие о связях и влияниях, могут быть сделаны с разнокультурными и разновременными памятниками палеолита Русской равнины, а также соответствующей по време-

ни, но не по культуре Машицкой пещере в Польше, которая представляет собой идеально сохранившуюся модель социальной группы в позднем палеолите.

Необходимо упомянуть еще две особенности. Широкое развитие геометрического орнамента в Юдинове, состоящего из различных элементов, достигает непревзойденной точности в нанесении на цилиндрические стержни из бивня круговых, скошенных перекрещивающихся линий, образующих абсолютно равные мелкие ромбы. Наличие причерноморских раковин в Юдинове, как и в Мезине, может предполагать скорее наличие обмена, чем снаряжение столь дальних экспедиций для поиска этих хрупких и не самых насущно необходимых в повседневной жизни, но очевидно ценимых предметов, но вопрос происхождения раковин нуждается в более детальном освещении специалистами.

Эта проблема, как и некоторые другие, по независящим от авторов причинам, остаются нерешенными: недостаточно изучены в Юдинове фаунистические остатки для установления сезонов охоты: если чрезвычайно многочисленный песец добывался зимой, то гусь был определенно убит в другое время года. Думается, что солидный вклад в этот вопрос могли бы внести кости других животных. Далее, неизвестно место нахождения кремневого сырья; добыча его в районе Чулатово II не более, чем предположение, необходим петрографический анализ; для утверждения одновременности жилищ нужны более строгие критерии; социальная жизнь общества может быть более точно освещена при помощи этнографических и этноархеологических источников, мы же намеренно пользовались чисто археологическими данными.

И наиболее сложный вопрос: развитие своеобразной культуры поздней поры верхнего палеолита на среднем Днепре, к которой принадлежит Юдиново. Оно, как и в предшествующий этап верхнего палеолита, происходило опираясь на добычу мамонта, но это не дает оснований для предположения непрерывной эволюции. Мы не знаем истоков этой культуры. Единственное можно сказать твердо: она не имеет корней в граветте, даже если назвать граветт восточным, и, следовательно, не может быть отнесена к совершенно неопределенному понятию "восточный эпиграветт". По характеру материальной культуры и хронологическим рамкам памятники среднеднепровской этнокультурной области, и Юдиново в их числе, соответствуют европейскому мадлену, как и считало большинство наших предшественников, впервые их изучивших.

ЛИТЕРАТУРА

Абрамова З.А. К вопросу о женских изображениях в мадленскую эпоху. КСИИМК, 76, 1959, с. 103-107.

Абрамова З.А. Роль и значение палеолитического искусства в выявлении местных особенностей верхнепалеолитической культуры Восточной Европы. СА, N 3, 1960, с. 6-16.

Абрамова З.А. Палеолитическое искусство на территории СССР. САИ, вып. А 4-3, М.-Л., 1962.

Абрамова З.А. Изображения человека в палеолитическом искусстве Евразии. М.-Л. 1966, 223 с.

Абрамова З.А. Палеолитическое поселение Красный Яр на Ангаре (верхний комплекс). Древние культуры Приангарья. Новосибирск, 1978, с. 7-34.

Абрамова З.А. Палеолит Енисея. Афонтовская культура. Новосибирск, 1979а.

Абрамова З.А. Палеолит Енисея. Кокоревская культура. Новосибирск, 1979б.

Абрамова З.А. Палеолит Северной Азии. Палеолит мира. Л. 1989, с. 143-243.

Абрамова З.А. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. Вып. 1, Спб, 1995а, 130 с.

Абрамова З.А. Особенности сюжетного искусства в палеолитических памятниках Верхней Десны. Деснинские древности. Брянск, 1995б, с. 18-20.

Абрамова З.А., Григорьева Г.В., Кристенсен М. Верхнепалеолитическое поселение Юдиново. Вып. 2, Спб, 1997, 162 с.

Алексеева Л.И. Териофауна многослойной стоянки Молодова V. Многослойная палеолитическая стоянка Молодова V. Люди каменного века и окружающая среда. М., 1987, с. 153-162.

Анисюткин Н.К. Жилой комплекс мустьерского поселения Кетросы в Поднестровье. Первобытная археология. Поиски и находки. Киев, 1980, с. 38-46.

Анисюткин Н.К. Археологическое изучение мустьерской стоянки Кетросы. Кетросы. Мустьерская стоянка на Среднем Днепре. М., 1981, с. 7-53.

Беляева В.И. Поделки из кости на Пушкарях I. Проблемы археологии, вып. 3, Спб, 1994, с. 53-59.

Борзияк И.А., Гольберт А.В., Медяник С.И., Моток В.Е. Археология и палеогеография стоянки Климэуць II. Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдовы. Кишинев, 1992, с. 31-48.

Борзияк И.А., Давид А.И. Позднепалеолитическая стоянка Косоуцы. В кн.: О.М.Адаменко Антропоген и палеолит Молдавского Приднестровья. Кишинев, 1986, с. 130-137.

Борзияк И.А., Коваленко С.И. Поселение слоя 3 стоянки Косэуць на среднем Днестре. Материалы и исследования по археологии и этнографии Молдовы. Кишинев, 1992, с. 48-69.

Борисковський П.І. Палеолітична стоянка Пушкарі І. ПНУ, т. І, Київ, 1947, с. 155-185.

Борисковский П.И. Палеолит Украины. М.-Л., 1953, 465 с.

Борисковский П.И. Очерки по палеолиту бассейна Дона. Малоизученные поселения каменного века в Костенках. МИА, N 121, М.-Л., 1963, 191 с.

Борисковский П.И., Дмитриева Т.Н. Костенки 2 (стоянка Замятнина). Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. Л., 1982, с. 67-72.

Брюсов А.Я. Гонцовская стоянка. СА, V, 1940, с. 88-92.

Будько В.Д. О жилищах Бердыжской палеолитической стоянки. КСИА, 101, 1964, с. 31-34.

Будько В.Д. Елисеевичское верхнепалеолитическое поселение. Доклады АН БССР, т. IX, N 10, Минск, 1965, с. 705-707.

Будько В.Д. Верхний палеолит северо-запада Русской равнины. Древности Белоруссии. Минск, 1966, с. 6-21.

Будько В.Д. Юревичская палеолитическая стоянка. Белорусские Древности. Минск, 1967, с. 6-47.

Будько В.Д., Вознячук Л.Н. Палеолит Белоруссии и смежных территорий (Итоги исследований за годы Советской власти). Древности Белоруссии. Минск, 1969, с. 4-27.

Будько В.Д., Вознячук Л.Н. и Калечиц Е.Г. Палеолитическая стоянка Бердыж. АО 1970, М., 1971, с. 303-304.

Будько В.Д., Вознячук Л.Н., Кочетков В.Н. Некоторые результаты раскопок Бердыжской стоянки. АО 1969, М., 1970, с. 295-296.

Будько В.Д., Сорокина Р.А. Поздний палеолит северо-запада Русской равнины. Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР. М., Наука, 1969, с. 127-136.

Величко А.А., Гвоздовер М.Д., Григорьев Г.П. и др. Авдеево. АПППРР, М., 1981, с. 48-56.

Величко А.А., Грехова Л.В., Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И. Первобытный человек в экстремальных условиях среды. Стоянка Елисеевичи. М., 1997, 191 с.

Величко А.А., Грехова Л.В., Губонина З.П. Среда обитания первобытного человека Тимоновских стоянок. М., 1977, 142 с.

Величко А.А., Грибченко Ю.Н., Куренкова Е.И. Природные условия расселения первобытного человека в перигляциальной зоне Восточной Европы. М., 1996.

Величко А.А., Заверняев Ф.М., Грибченко Ю.Н. и др. Хотылевские стоянки. АПППРР, М., 1981, с. 60-69.

Верещагин Н.К. Охоты первобытного человека и вымирание плейстоценовых млекопитающих в СССР. Труды ЗИН АН СССР, т. 49, 1971, с. 200-233.

Верещагин Н.К. Берелехское "кладбище" мамонтов. Мамонтовая фауна Русской равнины и Восточной Сибири. Л., 1977, с. 5-50.

Верещагин Н.К., Кузьмина И.Е. Остатки млекопитающих из палеолитических стоянок на Дону и верхней Десне. Труды ЗИН, т. 72. Мамонтовая фауна Русской равнины и Восточной Сибири. Л., 1977, с. 77-110.

Воеводский М.В. Тимоновская палеолитическая стоянка. Русский антропологический журнал, т. XVIII, в. 1-2, 1929, с. 59-70.

Воеводський М.В. Результати робіт Деснянської експедиції 1936-1938 р.р. ПНУ, т. I, Київ, 1947а, с. 41-59.

Воеводський М.В. Крем'яні і кістяні вироби палеолітичної стоянки Чулатів I. ПНУ, т. 1, Київ, 1947б, с. 107-119.

Воеводский М.В. Палеолитическая стоянка Рабочий ров (Чулатово II). Ученые записки МГУ, вып. 158. Ископаемый человек и его культура на территории СССР. М., 1952а, с. 101-132.

Воеводский М.В. Стоянка "Бугорок". Ученые записки МГУ, вып. 158. М., 1952б, с. 87-99.

Воеводский М.В. Стоянка Аникеев ров I (Пушкари II). Ученые записки МГУ, вып. 158. М., 1952в, с. 75-85.

Гаврилов К.Н. Кремневые комплексы стоянки Тимоновка I. Вестник Московского Университета, серия 8, история, 1994а, N 3, с. 63-76.

Гаврилов К.Н. Специфика кремневых комплексов Среднеднепровских стоянок поздневалдайского времени (сравнительная типология предметов со вторичной обработкой). Автореферат канд. дисс. М., 1994б.

Гаврилов К.Н. Хотылевская верхнепалеолитическая стоянка. "Восточный граветт". М., 1997, с. 25-28.

Галич Д.З. Палеолітична стоянка Чулатів II (Робочий Рів). ПНУ, т. 1, Київ, 1947, с. 149-154.

Гвоздовер М.Д. Палеолитическая стоянка "Бугорок". КСИИМК, 15, 1947, с. 92-97.

Гвоздовер М.Д., Григорьев Г.П. Авдеевская палеолитическая стоянка в бассейне р.Сейм. Палеоэкология древнего человека. М., 1977, с. 50-56.

Гвоздовер М.Д., Рогачев А.Н. Развитие верхнепалеолитической культуры на Русской равнине. Лесс - перигляциал - палеолит на территории Средней и Восточной Европы. 1969, с. 487-500.

Герасимов М.М. Обработка кости на палеолитической стоянке Мальта. МИА, N 2, 1941, с. 65-85.

Герасимова М.М. Палеоантропологические находки. Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. Л., 1982, с. 245-257.

Гладких М.И. Каменный инвентарь Добраничевской стоянки. Археологические исследования на Украине в 1967 г. Вып. II, Киев, 1968, с. 83-89.

Гладких М.И. Крем'яний інвентар пізньопалеолітичного поселення Межиріч. Археологія, 3, Київ, 1971а, с. 58-63.

Гладких М.И. Різні прояви пізньопалеолітичної культури в середньому Подніпров'ї Український історичний журнал, 10, Київ, 1971б, с. 99-102.

Гладких М.И. Крем'яний інвентар Добраничівської стоянки. Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. Вип. 4. Київ, 1972, с. 20-23.

Гладких М.І. До методики типологостатистичного аналізу палеолітичного кам'яного інвентаря. Археологія, 9, Київ, 1973а, с. 15-20.

Гладких М.І. Поздний палеолит лесостепного Приднестровья. Автореферат канд. дисс. Л., 1973б.

Гладких М.І. Некоторые критерии определения культурной принадлежности позднепалеолитических памятников. Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. М., 1977, с. 137-143.

Гладких М.І., Корниец Н.Л. Исследования в Межиричах. АО 1978, М., 1979, с. 319.

Городцов В.А. Исследование Гонцовской палеолитической стоянки в 1915 г. Труды отделения археологии Российской Ассоциации научно-исследовательских институтов общественных наук. I. М., 1926, с. 5-35.

Грехова Л.В. Тимоновские стоянки и их место в позднем палеолите Русской равнины. Автореферат канд. дисс. М., 1970.

Грехова Л.В. Кремневый комплекс стоянки Тимоновка II и однотипные памятники деснинского бассейна. История и культура Восточной Европы по археологическим данным. М., 1971, с. 3-22.

Грехова Л.В. Обработанная кость Тимоновской стоянки. Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Л., 1977, с. 83-93.

Грехова Л.В. Фигурка мамонта со стоянки Елисеевичи. История и культура Евразии по археологическим данным. М., 1980, с. 4-7.

Грехова Л.В. Костно-земляные конструкции на позднепалеолитической стоянке Елисеевичи. Новые материалы по истории племен Восточной Европы в эпоху камня и бронзы. М., 1985а, с.5-26.

Грехова Л.В. Позднепалеолитическая стоянка Елисеевичи II. СА, N 1 1985б, с. 131-142.

Грехова Л.В. Археологический аспект радиоуглеродных дат стоянки Елисеевичи. БКИЧП, N 59, 1990, с. 111-115.

Грехова Л.В., Сорокина Р.А. Результаты разведочных работ в поселке Тимоновка в 1965 г. КСИА, 117, 1969, с. 38-43.

Григорьев Г.П. Верхний палеолит. Каменный век на территории СССР. М., 1970, с. 43-63.

Григорьев Г.П. Ф.К.Волков и Мезин. Традиции отечественной палеоэтнологии. СПб, 1997, с. 82-85.

Грома ў В.І. Фаўна Бердыскай палеолітычнай стоянкі (на раскопках 1926-1927 г.г.) Працы археалегічнай камісіі т. II, Менск, 1930, с. 7-29.

Громов В.И. Остатки фауны из палеолитической "стоянки Полякова" (Костенки I). Труды Советской секции Международной ассоциации по изучению четвертичного периода. Л.-М., вып. 1, 1937, с. 272-277.

Громов В.И. Палеонтологическое и археологическое обоснование стратиграфии континентальных отложений четвертичного периода на территории СССР (млекопитающие, палеолит). Труды Геол. ин-та АН СССР. Серия геол., 1948, N 17, вып. 64, 521 с.

Давид А.И. Териофауна плейстоцена Молдавии. Кишинев, 1980.

Давид А.И. Остатки млекопитающих из раскопок палеолитической стоянки Кетросы. Кетросы. Мустьерская стоянка на Среднем Днестре. М., 1981, с. 135-142.

Ефименко П.П. Каменные орудия палеолитической стоянки в с.Мезин Черниговской губ. Ежегодник Русского Антропологического Общества при СПб Университете, т. IV, С.-Петербург, 1912, с. 67-102.

Ефименко П.П. Первобытное общество. Л., 1938, 636 с.

Ефименко П.П. Первобытное общество. 3-е изд. Киев, 1953, 663 с.

Ефименко П.П. Костенки 1. М.-Л. 1958, 451 с.

Заверняев Ф.М. Новая верхнепалеолитическая стоянка в районе г.Брянска. АО 1969, М., 1970, с. 44-45.

Заверняев Ф.М. Новая верхнепалеолитическая стоянка на реке Десне. СА, N 4, 1974, с. 142-161.

Заверняев Ф.М. Антропоморфная скульптура Хотылевской верхнепалеолитической стоянки. СА, N 4, 1978, с. 145-161.

Заверняев Ф.М. Гравировка на кости и кремне Хотылевской верхнепалеолитической стоянки. СА, N 4, 1981, с. 141-158.

Замятнін С.М. Раскопки Бердыскай палеолітычнай стаянкі у 1927 г. Працы археалегічнай камісіі т. II, Менск, 1930, с. 479-490.

Замятнин С.Н. Раскопки у с.Гагарина. Палеолит СССР. М.-Л., 1935, с. 26-77.

Иванова И.К. Природные условия обитания людей каменного века в бассейне р.Днестр. Палеоэкология древнего человека. М., 1977, с. 7-18.

Калечиц Е.Г. Первоначальное заселение территории Белоруссии. Минск, 1984, 157 с.

Кашенко Н.Ф. Скелет мамонта со следами употребления некоторых частей тела этого животного в пищу современным ему человеком. Записки Академии Наук. VIII серия по физико-математическому отделению. Спб, 1901. Т. 11, N 7.

Клима Б. Малая полужемлянка на палеолитической стоянке Павлов в Чехословакии. Проблемы палеолита Восточной и Центральной Европы. Л., 1977, с. 144-148.

Коваленко С.И. Поздний палеолит Молдавского Приднестровья (проблемы культурогенеза, функции орудий, хозяйства). Автореферат канд. диссертации. СПб, 1993.

Корнієць Н.Л. Про причини вимиранія мамонта на території України. Вікопни фауни України і суміжних територій. Київ, 1962, с. 96-169.

Корниец Н.Л., Гладких М.И., Величко А.А. и др. Межирич. АПППРР, М., 1981, с. 106-119.

Ксензов В.П. Палеолит и мезолит Белорусского Поднепровья. Минск, 1988, 134 с.

Ксензов В.П., Вознячук Л.Н., Кудряшев В.Е. Раскопки Юровической верхнепалеолитической стоянки. АО, 1976, М., 1977, с. 408-409.

Кузьмина И.Е., Саблин М.В. Песцы позднего плейстоцена верховьев Десны. Материалы по мезозойской и кайнозойской истории наземных позвоночных. СПб, 1993, с. 93-104.

Левицкий И.Ф. Гонцивська палеолітична стоянка (за даними досліджень 1935 р.). ПНУ, т. I, Київ, 1947, с. 197-248.

Леонова Н.Б. Производственные комплексы стоянки Чулатово II. Проблемы истории СССР, вып. 5, М., 1976, с. 3-21.

Леонова Н.Б. О методах изучения структуры верхнепалеолитических стоянок. Вопросы антропологии, вып. 71, 1983, с. 104-110.

Леонова Н.Б. Длительность обитания на верхнепалеолитических стоянках. Проблемы палеоэкологии древних обществ. М., 1993, с. 74-99.

Окладников А.П., Григоренко Б.Г., Алексеева Э.В., Волков И.А. Стоянка верхнепалеолитического человека Волчья Грива (раскопки 1968 г.). Материалы полевых исследований Дальневосточной археологической экспедиции. Вып. 2. Новосибирск, 1971, с. 87-131.

Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. 1879-1979. Л., 1982.

Петрин В.Т., Цейтлин С.М. Геология и палеогеография палеолитического памятника Шикаевка. БКИЧП, N 45, 1976, с. 106-109.

Підоплічка І.Г. Матеріали до вивчення минулих фаун УССР. Київ, 1938.

Підоплічка І.Г. Палеолитическая стоянка Чулатов I. СА, V, 1940, с. 65-80.

Підоплічка І.Г. Дослідження палеоліту в УРСР. ПНУ, т. I, Київ, 1947а, с. 7-39.

Підоплічка І.Г. Палеолітична стоянка Чулатів I (Крейдяний Майдан) ПНУ, т. I, Київ, 1947б, с. 123-148.

Підоплічка І.Г. Пізньопалеолітична стоянка Новгород-Сіверськ. ПНУ, т. I, Київ, 1947в, с. 65-106.

Підоплічко І.Г. Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине. Киев, 1969, 163 с.

Підоплічко І.Г. Межиричские жилища из костей мамонта. Киев, 1976, 239 с.

Підоплічко І.Г., Шовкопляс І.Г. Палеолит Украинского Полесья. ТКЧП, XVIII, 1961, с. 75-88.

Палікарповіч К.М. Раскопки Юравіцкай палеолітичнай стаянки у 1929 г. Працы археолёгічнай камісіі. Запіскі аддзелу гуманітарных навук, книга II, Менск, 1930, с. 499-501.

Поликарпович К.М. Палеолит и мезолит БССР и некоторых соседних территорий Верхнего Поднепровья. Труды II Международной конференции АИЧПЕ, 1934, вып. V, с. 75-87.

Поликарпович К.М. Работы по исследованию палеолита и эпилеолита в БССР и Западной области в 1933-1935 г.г. СА, V, 1940а, с. 81-87.

Поликарпович К.М. Работы по палеолиту в Западной области в 1936 г. СА, V, 1940б, с. 285-290.

Палікарповіч К.М. Вынікі археалегічнай доследаванкяу на Беларусі пасля Кастрычніцкай соцыялістычнай рэвалюцыі. Весці АН БССР, сер. чіст., 1947, N 1, с. 53-74.

Поликарпович К.М. Археологические исследования в БССР в 1945-1953 г.г. Материалы по археологии БССР, т. I, Минск, 1957, с. 5-29.

Поликарпович К.М. Палеолит верхнего Поднепровья. Минск, 1968, 232 с.

Попов В.В. Развитие позднепалеолитической культуры Восточной Европы по материалам многослойной стоянки Костенки 11. Автореферат канд. дисс. Л., 1989.

Праслов Н.Д. Геологические и палеогеографические рамки палеолита. Развитие природной среды на территории СССР и проблемы хронологии и периодизации палеолита. Археология СССР. Палеолит СССР. М., 1984, с. 18-40.

Праслов Н.Д., Рогачев А.Н. Раскопки в Костенках. АО 1982. М., 1983, с. 75-76.

Рогачев А.Н. Костенки IV - поселение древнекаменного века на Дону. МИА, N 45. М.-Л., 1955, 161 с.

Рогачев А.Н. Об аносовско-мезинском типе палеолитических жилищ на Русской равнине. КСИА, 92, 1962, с. 12-17.

Рогачев А.Н. Палеолитические жилища и поселения в Восточной Европе. VII Международный конгресс антропологических и этнографических наук. М., 1964, 12 с.

Рогачев А.Н. Палеолитические жилища и поселения. Каменный век на территории СССР. М., 1970. с. 64-77.

Рогачев А.Н., Аникович М.В. Поздний палеолит Русской равнины и Крыма. Археология СССР. Палеолит СССР. М., 1984, с. 162-271.

Рогачев А.Н., Попов В.В. Костенки 11 (Аносовка 2). Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. Л., 1982, с. 116-132.

Рогачев А.Н., Попов В.В., Сеницын А.А. Раскопки на палеолитической стоянке Костенки 11. АО 1978, М., 1979, с. 85-86.

Рогачев А.Н., Праслов Н.Д., Аникович М.В. и др. Костенки 1 (стоянка Полякова). Палеолит Костенковско-Борщевского района на Дону. Л., 1982, с. 42-66.

Сергин В.Я. О хронологическом соотношении жилищ и продолжительности обитания на позднепалеолитических поселениях. СА, N 1, 1974а, с. 3-11.

Сергин В.Я. О размере первого палеолитического жилища в Юдинове. СА, N 3, 1974б, с. 236-240.

Сергин В.Я. О первом жилищно-хозяйственном комплексе Елисеевичей. КСИА, 141, 1975, с. 58-62.

Сергин В.Я. Структура Мезинского палеолитического поселения. М., 1987, 104 с.

Соффер О.А. Верхний палеолит Средней и Восточной Европы: люди и мамонты. Проблемы палеоэкологии древних обществ. М., 1993, с. 99-118.

- Соффер О.А. Экономика верхнего палеолита: продолжительность заселения стоянок на Русской равнине. РА, N 3, 1993б, с. 5-17.
- Тарасов Л.М. Гагаринская стоянка и ее место в палеолите Европы. М., 1979, 168 с.
- Толочко П.П. Исследования на Украине. АО 1967. М., 1968, с. 186.
- Хайкунова Н.А. Кремневый инвентарь стоянки Супонево (и ее место в палеолите бассейна Десны). Автореферат канд. дисс. М., 1985.
- Цапенко М.М., Будько В.Д., Вознячук Л.Н. Геологические условия залегания палеолитических стоянок на территории Белоруссии (тезисы доклада). ТКИЧП, XVIII, 1961, с. 72-74.
- Черныш А.П. Поздний палеолит Среднего Приднестровья. Палеолит Среднего Приднестровья. ТКИЧП, XV, М., 1959.
- Черныш А.П. Многослойная палеолитическая стоянка Молодова I. В кн. Молодова I. Уникальное мустьерское поселение на Среднем Днестре. М., 1982, с. 6-102.
- Черныш А.П. Эталонная многослойная стоянка Молодова V. Археология. Многослойная палеолитическая стоянка Молодова V. Люди каменного века и окружающая среда. М., 1987, с. 7-93.
- Черныш А.П. О мустьерских жилищах и поселениях. Каменный век: памятники, методика, проблемы. Киев, 1989, с. 72-81.
- Шовкопляс И.Г. Супоневська палеолітична стоянка. Археологія, IV, Київ, 1950, с. 177-183.
- Шовкопляс И.Г. Кістяні вироби Супоневської палеолітичної стоянки. Археологія, VI, Київ, 1952, с. 81-92.
- Шовкопляс И.Г. Добраничевская палеолитическая стоянка (предварительное сообщение). КСИИМК, 59, 1955, с. 32-45.
- Шовкопляс И.Г. Жилища Мезинской стоянки. КСИА АН УССР, вып. 6, Киев, 1956, с. 3-12.
- Шовкопляс И.Г. Мезинская стоянка. Киев, 1965а, 327 с.
- Шовкопляс И.Г. Радомишльская стоянка - памятник начальной поры позднего палеолита. Стратиграфия и периодизация палеолита Восточной и Центральной Европы. М., 1965б, с. 104-116.
- Шовкопляс И.Г. Раскопки Добраничевской стоянки. АО 1969. М., 1970, с. 222-223.
- Шовкопляс И.Г. Исследования Добраничевской стоянки. АО 1970. М., 1971, с. 229-230.
- Шовкопляс И.Г. Добраничевская стоянка на Киевщине (некоторые итоги исследования). МИА, N 185, 1972а, с. 177-188.
- Шовкопляс И.Г. Розкопки Добраничівської стоянки. Археологічні дослідження на Україні в 1969 р. Вип. 4, Київ, 1972б, с. 16-20.
- Шовкопляс И.Г. Раскопки в Добраничевке. АО 1973. М., 1974, с. 363-364.
- Шовкопляс И.Г. Исследования в Добраничевке на Киевщине. АО 1975. М., 1976, с. 407-408.

Шовкопляс И.Г., Корниец Н.Л., Пашкевич Г.А. Добраничевская стоянка. Археология и палеогеография позднего палеолита Русской равнины. АПППРР, 1981, М., с. 97-106.

Щеглова В.В. О возрасте фауны Бердыжской и Юревичской палеолитических стоянок. БКИЧП, N 26, 1961, с. 146-149.

Щербаківський В.М. Розкопки палеолітичного селища в с.Гонцях, Лубянского повіту в 1914 і 1915 р.р. Записки Українського наукового товариства дослідowania й охорону пам'яток старовини та мистецтва на Полтавщині, вип. 1, Полтава, 1919, с. 61-78.

Будько В.Д. Отчет об исследованиях Юдиновского поселения в 1964 г. Архив ИА РАН. Р-1 3115.

Allain J., Desbrosse R., Kozłowski J., Rigaud A. Le Magdalénien à navettes. Gallia Préhistoire. t. 28, f. 1, Paris, 1985, p. 37-103.

Allain J., Descouts J. A propos d'une baguette à rainure armée de silex découverte dans le Magdalénien de Saint-Marcel. L'Antropologie, t. 61, N 5-6, Paris, 1957, p. 503-512.

Binford L.R. Nunamiut ethnoarchaeology. New York, Academic Press, 1978.

Borziac J.A. Quelques données préalables sur l'habitat tardipaléolithique pluristratifié de Cosseoutsy sur le Dniestr moyen. Le Paléolithique et le Néolithique de la Roumanie en contexte européen. Jasi, 1990, с. 56-71.

Borziyak J.A. Subsistence Practices of Late Paleolithic Groups along the Dnestr River and its Tributaries. From Kostienki to Clovis. Upper Paleolithic - Paleo-Indian Adaptations. New York - London, 1993, 67-84.

Bosinski G. Die Große Zeit der Eiszeitjäger. Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums, N 34, Mainz, 1989, p. 1-139.

Bosselin B., Djindjian F. Un essai de structuration du Magdalénien français à partir de l'outillage lithique. BSPF, t. 85, N 10-12, Paris, 1988, p. 304-331.

Desbrosse R., Kozłowski J. Hommes et climats à l'âge des mammouths. Paléolithique supérieur d'Euroasie Centrale. Paris, 1988.

Gabori M. A Sagvari paleolitikus telep újabb asatásának eredményei. Különlenyomat az archaeologiai értesítő, 1959, évi 1. Számából. Budapest, 1959, p. 3-19.

Gabori M. A késői paleolitikum Magyarországon. Budapest, 1964, 85 p.

Gabori M. Archaeology and prehistory of the Hungarian "Loess-Palaeolithic". La Préhistoire. Problèmes et tendances. Paris, 1968, p. 183-189.

Gabori M. Gabori V. Etudes archéologiques et stratigraphiques dans les stations de loess paléolithiques de Hongrie. Acta Archaeologica Academiae scientiarum Hungaricae, VIII, Budapest, 1957, p. 3-117.

Gladkih M.I., Kornietz N.L., Soffer O. Mammouth-Bone Dwelling on the Russian Plain. Scientific American, vol. 251, N 5, 1984, p. 164-175.

Gvozdover M. *Art of the Mammoth Hunters: The finds from Avdeevo*. Oxford Monograph 49, 1995.

Haynes G. Studies of elephant deaths and die-offs: potential application in understanding mammoth bone assemblages. Recent development in environmental analysis of Old and New Worlds. *British Archeological Reports*. S 416, 1988a, p. 151-169.

Haynes G. Mass deaths and serial predation: comparative taphonomic structures of modern large mammal death sites. *Journal of Archeological Science*. 1988a. Vol. 15, p. 219-235.

Kapica Zd., Wiercinski A. Anthropological Analysis of Human Remains from the Magdalenian Period (younger Palaeolithic) recovered in Maszycka Cave, Olkusz Commune. *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz*. 40. Jahrgang 1993. Teil 1. Mainz, 1995, p. 245-252.

Kozłowski S.K., Säche-Kozłowska E. Magdalenian Family from the Maszycka Cave. *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz*. 40. Jahrgang 1993. Teil 1. Mainz, 1995, p. 115-205.

Leroi-Gourhan A. Demeure: "espace construit dans lequel on vit". *Corps écrit*, 9, Paris, 1984, p. 9-13.

Maszycka Cave. A Magdalenian Site in Southern Poland. *Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz*. 40. Jahrgang 1993. Teil 1. Mainz, 1995, p. 115-205.

Otte M. *Le Gravettien en Europe Centrale*. *Dissertationes archaeologicae*, vol 21. Brugge, 1981.

Sklenář K. *Palaeolithic and Mesolithic Dwellings: Problems of Interpretation*. *Pamatky archeologické*, LXVI, Praha, 1975, p. 266-304.

Sklenář K. *Palaeolithic and Mesolithic Dwellings: an essay in classification*. *Pamatky archeologické*, LXVII, Praha, 1976, p. 249-340.

Soffer O. *The Upper Paleolithic of the Central Russian Plain*. Academic Press, Inc., Orlando, Florida, 1985, 539 p.

Valoch K. Territoires d'implantation, contacts et diffusion des Sociétés du Paléolithique supérieur dans l'ancienne Tchécoslovaquie. *L'Antropologie*, t. 99, N 4, Paris, 1995, p. 593-608.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АО - Археологические открытия
АПППРР - Археология и палеогеография позднего палеолита Русской равнины
БКИЧП - Бюллетень Комиссии по изучению четвертичного периода
КСИА - Краткие сообщения Института археологии
КСИИМК - Краткие сообщения Института истории материальной культуры
МИА - Материалы и исследования по археологии СССР
ПНУ - Палеоліт і неоліт України
РА - Российская археология
СА - Советская археология
САИ - Свод археологических источников
ТКИЧП - Труды Комиссии по изучению четвертичного периода
BSPF - Bulletin de la Société préhistorique française

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
З.А.Абрамова. Жилища и поселения в палеолите Русской равнины	5
З.А.Абрамова. Сравнительный анализ кремневого инвентаря верхнепалеолитических стоянок Среднеднепровского бассейна	81
Г.В.Григорьева. Костяной инвентарь верхнепалеолитических стоянок бассейна Десны-Днепра	115
Заключение	135
Литература	138
Список сокращений	148